

АЛЕКСЕЙ ВУРАОВ

ДРЕВНЯЯ УТОРА

2021

Алексей Вурдов

ДРЕВНЯЯ УДОРА

Сыктывкар
ООО «Коми республиканская типография»
2021

ББК 63.521(=664.2)-7
В88

Автор выражает искреннюю благодарность и поклон за оказание помощи в техническом обеспечении при подготовке материалов педагогу дополнительного образования МУДО «Дом детского творчества» пгт. Усогорск Морозовой Надежде Степановне и дорогому земляку Иванову Владимиру Мироновичу (Республика Коми, г. Ухта) за спонсорство и личный вклад в издании настоящей книги от имени жителей Удорского района Республики Коми.

Вурдов А.И.

В88 Древняя Удора /Автор А.И Вурдов. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2021. – 160 с.: ил.

ISBN

Книга посвящена истории Удорского района Республики Коми. В целом, содержание нацелено на расширение кругозора и познание исторической действительности в период становления этноса коми-зырян, как самостоятельной народности из числа самодийской группы языков финно-угорского мира. Поэтапное описание процессов укоренения древних коми-зырян на территории Удорской земли основано на научно-исследовательских материалах.

Издание рекомендовано для детей и юношества, а также для всех интересующихся историей родного края.

ББК 63.521(=664.2)-7

ISBN

© Вурдов А.И., 2021

От автора

Учитывая исторические особенности становления и формирования коми удорской этнической группы, развивалась культура промыслового местного населения, которая сохраняла свою целостность и специфичность благодаря развитому механизму закрепления промысловых традиций. Однако, вначале замкнутость натурального хозяйства не позволяла активизировать торгово-обменные отношения и увеличения ассортимента товарной продукции. Но, впоследствии, в результате установления тесных связей с северорусскими народностями социально-экономическая ситуация на территории земли Удорской приобрела положительные формы развития и увеличения численности населения в XVI веке в 1,8 раз больше. А промысловый быт коми охотников и рыбаков стал во многом аналогичен быту сельского населения. Появились постоянные сёла и деревни. Закрепились новые отношения права собственности в нормах и правилах промысловой морали, которая тесно была связана, конечно же, и с религиозными воззрениями, сохранившимися в промысловой среде.

Касательно вышеизложенной тематики, читатель определённо найдёт для себя полезные познания о Древней Удоре. Исследовательский материал собран по крупницам на достаточно достоверных фактах и архивных данных. И даже, несмотря на некоторые пробелы в последовательном изложении, ценность от этого не теряется.

С уважением, Алексей Вурдов, писатель Республики Коми.

Введение

Ещё 8-10 тысяч лет назад на территории современной Удоры проживали племена угро-самедийской группы. И в настоящее время неолитическая эпоха подтверждается археологическими памятниками. Но особенно примечательны поздние эпохи раннего, среднего и позднего средневековья, когда древний коми-зырянский этнос в XIII веке н.э. окончательно приобрёл свою значимость в рамках архаичного этнокультурного образования.

По материалам археологических исследований за период с 60-х годов прошлого века до 2001 года выявлены 21 поселение и местонахождение эпохи раннего средневековья, а именно, в четырёх местах по реке Мезень: Кужимском – 3 поселения, лоптюжском – 5 поселений, усогорском – 4 поселения, ойчошском – 6 поселений и местонахождений. Причём, между усогорским и ойчошским участками в местечке Шешты обнаружено ещё одно местонахождение. А на реке Вашка найдены два археологических памятника: поселение Смолокурный и местонахождение Вендинга. Кроме того, обнаружены ещё стоянки древних людей более позднего периода на участках реки Мезень от деревни Мелентьево до села Большая Пысса и на притоке Йирва, которые требуют дополнительных археологических исследований.

Все вышеназванные памятники датируются в следующем порядке:

- Кужим, Ошчой – V– VI вв. н.э.;
- Смолокурный, Ядмас – I и II, Мичачой–III – VI – VIII вв. н.э.;
- Мичачой – II, Шешты – VII век н.э.;
- Усогорск – III, Чойнбвты, Вендинга – VII – VIII век н.э.

И в настоящее время неолитическая эпоха подтверждается археологическими памятниками. Но особенно примечательны поздние эпохи раннего, среднего и позднего средневековья, когда древний коми-зырянский этнос окончательно приобрёл свою значимость в рамках архаичного этнокультурного образования. Несмотря на недостаточную изученность удорского (мезенского) ареала, можно утвердительно указать на наличие ранних постоянных древних поселений в бассейне реки Мезень и притока Вашка.

Настоящая карта-схема бассейна реки Мезень на территории Удорского района Республики Коми составлена главным образом на материалах разведочных и стационарных раскопок мезенских поселений, их местонахождений второй половины I тыс. н.э., открытых и исследованных в результате полевых работ отдела археологии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Первые достоверные археологические памятники эпохи средневековья были найдены на реке Мезень и реке Вашка в середине XX в. (начало 60-х годов), а далее работы периодически продолжались в 70-е – 80-е годы, вплоть до последнего десятилетия. Однако, объёмы обобщающих ис-

следований по дальнейшему обнаружению поселений ванвиздинской археологической культуры (см. примечание) до сих пор недостаточны.

Судя по числу очагов (кострищ), а также по площади (от 217 до 3 000 кв. м), самыми крупными поселениями оказались Ядмас – I, Кужим – II и Мичачой – III.

По разнообразию и характеристике находок и, главное, по составу вещевого инвентаря можно заключить, что основная повседневная жизнь людей была сосредоточена около крупных очагов: здесь варилась пища, изготавливалась глиняная посуда, обрабатывались шкуры животных, использовали кремневые скребки, восстанавливали железо из болотных руд, занимались бронзолитейным делом, создавали искусные украшения, символы, игрушки и культовые предметы, пользовались каменными и металлическими орудиями труда, занимались охотничьим промыслом и рыболовством, скотоводством и земледелием ...

Даже малая часть раскрытых тайн о жизни далёких предков представляет собой удивительный мир об уникальности и самобытности древней Удоры. И прежде необходимо окунуться в этот мир, чтобы глубже ощутить «дыхание» истории родного края.

Примечание:

Ванвиздинская археологическая культура существовала во второй половине I тыс. н.э. (VI – X вв. н.э.) на северо-востоке европейской части России. В географическом отношении археологические памятники тяготеют к бассейнам пяти крупных рек – Вычегды, Мезени, Северной Двины, Печоры и Камы. Своё название культура получила от археологического памятника, открытого в 1919 году у деревни Ванвиздино на реке Вычегде.

Бассейн реки Мезень расположен между 62°10' и 66°18' с.ш. и 43°10' и 51°15' в.д. Площадь его равна 79 650 кв. км, из которых к территории Республики Коми относится 33 940 кв. км.

Длина Мезени в пределах Республики Коми от истоков до деревни Латыюга (т.е. в границах Удорского района) до 505 км. С юго-востока и востока бассейн ограничивается водоразделами Мезени и Вычегды с абсолютными высотами 210-230 м. Малые реки обоих бассейнов близко сходятся своими верховьями, между которыми имеются волоки (реки Яренга и Вашка, Ёлва и Ирва). Северо-восточная граница проходит в области Четласского Камня Тимана с абсолютными высотами до 500 м. Отроги Тимана проникают на территорию бассейна, один из которых (с абсолютными высотами до 190 м) тянется к югу до села Кослан и вызывает образование крупной петли реки Мезень. На остальной части бассейна Мезени рельеф равнинный, местами всхолмленный (с абсолютными высотами от 130 до 180 м).

Почвы преимущественно подзолистые и болотные. Около 89% занято лесами, около 10% – болотами и только 1% – сенокосами, пастбищами и пахотными землями. Река Вашка – главный приток, длина 668 км, площадь водосбора – около 20 000 кв. км, около 500 км протяжённости – на

A scenic landscape featuring a calm river in the foreground, a dense forest of evergreen trees in the middle ground, and a bright blue sky with scattered white clouds. The scene is captured from a slightly elevated perspective, looking down at the river. The text is overlaid in the center of the image.

ДРЕВНЯЯ УДОРА

Части I-III

Часть I. Быль о древней Удоре

Родовые знаки и коми алфавит

В традиционном быту родовые знаки удорцев были знаками собственности и родовой принадлежности. Они изначально имели свои названия: «чѳж кок» (утиная нога), «чѳж лап» (утиная лапа), «дзодзѳг лап» (гусиная лапа), «кыктшупѳд» (две грани), «куимлѳсас» (три зарубки), «розь» (дырка), «чербѳж» (нижний конец лезвия топора), «тшупѳд», «лѳсас», «червень», «ректан кок» (ножка мотовила), «паркома», «чеп» (цепь). Эти названия свидетельствуют о том, что они были связаны с промыслом и домашним хозяйством. Знаки («пасы») ставили на самых различных объектах семейной и личной собственности: амбарах, лодках, охотничьих и рыболовных снаряжениях, домашней утвари, посуде, орудиях труда и т.д. Каждый род имел свой родовой знак, а с появлением последующих поколений дополнялся каким-то элементом (чёрточкой, зигзагом, овалом, точкой, галочкой).

Рисунки родовых знаков удорцев несложные, потому что их выполняли, в основном, зарубками с помощью топора, ножа. Это наклонные кресты (грани), прямые и косые насечки, углы, круги, змейки, лапки.

Родовой знак служил и своеобразным оберегом. Кстати, «пас» – основа передавался от отца к младшему сыну, наследнику, в неизменённом виде, а к старшим сыновьям – добавлялись новые детали или изменения его расположения. Примером служат родовые знаки Логиновых из деревни Ыбула, Вурдовых, из деревень Борово и Кучмозерья и других родовых фамилий.

Часты были случаи, когда один и тот же родовой знак использовался несколькими поколениями. Особенно широко использовался знак «V» («червонь»). К примеру, и в Муфтыге, и Кривом, Ёртомe, Глотова, Макарыбе, Важгорте.

Причём, до сих пор и Вашкинские, и Мезенские жители пользуются этими символами. Даже в промысловых угодьях сегодня внуки и правнуки, отдавая дань памяти своим предкам, обозначают зарубками свою принадлежность родовым «пасом». А ещё старинные дедовские угодья, которые сохранились и сегодня, приобрели так называемый «статус памяти» среди продолжателей поколений.

С распространением грамотности родовые и семейные знаки были вытеснены инициалами и личными подписями. До наших дней учётных знаков на Удоре сохранилось более 245 (по состоянию на 2012 год). (Перечень родовых знаков («пасов») по Удорскому району прилагается (составитель Н.М. Багаева, с. Кослан).

Язычество и вера

Издревле языческие божества высшего ранга (Бог земли, Бог солнца, Бог воды) в среде коми-зырян имели исконное верование. Символом поклонения служил священный столб, который устанавливался в центре поселения. Верхняя часть столба была орнаментирована резьбой в виде лучей солнца, ниже – изображение небесных светил, далее – земные обитатели (птицы, звери, растения, люди), на фоне волнистых линий – рыбы и зубчатый орнамент с радиальными линиями. Помимо этого, изготавливались и деревянные статуэтки поклонных идолов разных размеров. Такие образы имели двойственное значение: в одном случае в качестве хранителя и благодетеля, а во втором – память об усопших близких. Для культовых ритуалов использовались символические предметы священных зверей и птиц (медведь и сокол). К примеру, предметы из бронзы с изображением медведя были найдены в местах древних поселений на «Кужим – II» (верховье реки Мезень) и близ современной деревни Макарыб, а бронзовая хищная птица – на поселении «Усогорск – III». На поселении «Ядмас – I» в числе вещевого инвентаря обнаружены три антропоморфные фигурки, вылепленные из глины с намеченными чертами лица и конечностями. Все эти находки относятся к периоду VI-VIII вв. н.э. Амулеты из ценных минералов также служили в качестве оберегов.

Конечно же, имели место быть и религиозные суеверия. Бытовали образы низшей мифологии (леший, домовый, водяной и прочие) неспроста, ибо люди очень часто сталкивались в повседневной жизни с необъяснимыми явлениями. И примеров тому достаточно. Порою лучшие стрелки-охотники не могли добыть зверей, так как не попадали с близкого расстояния ни стрелами, ни копьями, либо ловушки не срабатывали вовремя. Во время рыбной ловли рыба плещется перед глазами, а в снасти не заплывает.

Считали, что лесной дух или водяной дух разгневаны на неблагодарных людей. Поэтому «мезенские» и «вашкинские» перед промыслом приносили духам-хозяевам разные подношения. Так, лесному духу в глухом лесу клали на пень сочень с просьбой послать удачу на охоте. Перед рыбной ловлей, к примеру, «вашкинские» опускали на воду цельный круглый хлеб («жытей нянь») и омывали амулеты, а «мезенские» – хлебные кусочки и горсть земли с местообитания.

Но, кроме промысловых культов, удорцы также сохраняли культовое отношение огню и деревьям. К примеру, «вашкинские» охотники считали, что огонь раньше был человеком. По этой причине, перед приёмом пищи обязательно совершали обряд «кормления» огня, бросая в него крошки хлеба. А вот «мезенские» – чаще лишь остатки пищи со словами благодарности огню. Вообще в огонь возбранялось плевать, иначе на губах ослушников появлялась короста («лом»). Нельзя было затаптывать ногами, а полагалось заливать водой. Огню предавалась очистительная сила.

Широко практиковался и обряд очищения огнём в случае неудач на промысле. Охотники и рыбаки разводили большой костёр, бросали туда лоскутки от одежды, охапку хвороста и после

произнесения заговора: «Если из воды – в воду, если из леса – в лес, если из человека – в огонь!» – все перепрыгивали через костёр либо обходили его три раза, обязательно сквозь дым. А вот обряд очищения от «бытовой скверны» перед охотой проходил у порога дома или лесной избушки перешагиванием через костёр из можжевельника либо лучин, вынесенных из жилища.

Но всё-таки не зря наиболее верным способом очищения считалась баня, после которой переодевались в чистое бельё.

Не было исключением и одушевление деревьев. Люди верили, что деревья по ночам «разговаривают» между собой, сообщая увиденное днём. А ещё при устройстве ночлега в лесу полагалось предварительно спрашивать разрешения у того дерева, под которым охотник укладывался, иначе оно своим шумом не давало уснуть.

Естественно, существовали определённые заговоры, ибо вера в магическую силу слова и то, что животные понимают обращённую к ним речь и сейчас не потеряла своей актуальности.

В XIV – XV вв. н.э. христианизация коми-зырян на Удоре и беспощадная борьба с народными верованиями, начатая епископом Стефаном Пермским, а затем успешно продолженная его приемниками, привела в конце концов к практически полному исчезновению и забвению некогда бытовавших в среде коми удорцев религиозных воззрений, хотя ещё долгое время старообрядческие традиции сохранялись в сознании людей.

Неудивительно, что с образами низшей мифологии, которые, как правило, не находили себе места в официальной религии, церковь просто причисляла их и подобные формы к нечистой силе.

Во-

обще, представление древнего коми человека об окружающем мире и Вселенной (верхний, средний и нижний миры) выражалось символическими изображениями.

Итак, верхний мир, а это – небесная стихия, солнце, звёзды, представляется в образе лосихи. Средний мир – это земля, люди, звери, птицы. Хозяином нижнего мира являлся ящер – олицетворение тёмных, потусторонних сил, противник солнца. Недаром до наших дней удорские охотники считают ящериц и летучих мышей недобрыми признаками вблизи промысловых избушек. Однако, к концу первого тысячелетия н.э. **мотив лося 9 человек-лося** постепенно исчезает, что, видимо, было связано с изменениями в хозяйстве и представлениях населения об окружающем мире. Он вытесняется мотивом коня, который становится самым популярным животным в изобразительном творчестве народности коми.

Быт и хозяйство племени

Поселение племени строилось на сухой террасе близ берега реки. Возвышенность, которая выбиралась для местожительства «очерчивалась» границей: где-то рвом, а где-то сплошными кольями. Вырытые землянки входом с южной стороны располагались полукругом либо клином. Подобное жилище из расчёта на 5-7 человек обустраивалось в два яруса, а внутри оборудовалась креплениями из деревянных конструкций. Верх устилался берестяной «крышей» (настил) во избе-

жание протечки воды. Сбоку от жилища строили односкатную хозяйственную постройку с ямой для хранения пищевых припасов (мясо, рыба, ягоды, грибы).

Причём, от каждого жилища был запасной подземный выход в обратном направлении от входа. Во избежание обрушения слоя землепроход оборудовался деревянными подпорками. Помимо вентиляционных створов в небольших боковых нишах размещались «кладовые», где хранились резервные запасы пищи и необходимого имущества. Кроме того, в каждом жилище была маленькая печка- «каменка» с вытяжной трубой, которая затапливалась только в холодную погоду и только с разрешения старейшины племени. Всем домашним хозяйством руководила хозяйка семейства, поэтому обустраивать и поддерживать быт в жилище приходилось ей. Однако, главное слово в исключительных случаях было за главой семейства.

С тыльной стороны территории поселения под навесом размещалась каменная печь для обжига глиняной утвари, плавления рудных пород, каления металла и т.д.

В каждом коми племени существовала своя система организации труда по специализации в целях успешного выживания в любых условиях проживания. Особо выделялись наиболее значимые мастера по следующим профилям, а именно:

1. Плотничий (рубщик по дереву) – в его функции входили строительство жилищ, хозяйственных построек, защитных деревянных ограждений вокруг поселений, мостов и других объектов;
2. Плотничий-бондарь – занимался изготовлением бочек, чанов, лодок, деревянной посуды, саней, лыж, разных украшений, рыбачьих инструментов и так далее.

Во всех планируемых делах по осуществлению строительных работ и изготовлению изделий из дерева руководил глава племени или Совет племени. У каждого мастера ещё обязательно были свои помощники-подмастерье.

Остальные мастерские (гончар, кузнец-литейщик, кожевник, охотник, рыбак и другие) могли замещать друг друга при необходимости. Пожалуй, единственным исключением оставался знахарь-целитель, который оберегал людей от болезней, занимался лечением и профилактикой для чего использовал разные растительные и животные снадобья.

Мастеровой по литейному и кузнечному делу ковал наконечники стрел, копий, остроги, культовые изделия, ножи, топоры и даже женские украшения. Причём, какого-то разделения по видам ремёсел не существовало. Поощрялось всякое благое начинание, усердие, трудолюбие, поэтому, гончар мог быть одинаково успешным кожевным мастером, литейщик-кузнец отменным охотником, рыбак – плотником и т.д. Кстати, обучение детей трудовым навыкам по профильным ремёслам начиналось с малолетства. Девочек к женским обязанностям приобщала мать, а мальчиков трудовой повинности обучал отец. Надо учесть, что суровые условия жизни определённым обра-

зом влияли на формирование психики детей и каких-либо поблажек либо излишней жалости по очевидным причинам не допускалось. В конечном итоге, подобные формы воспитания в большей степени укрепляли моральный потенциал к предстоящим тяготам и лишениям.

Обычно племя состояло из 4-7 семей. Глава племени определял состав Совета племени из числа глав семей. Такое верховенство являлось наиболее приемлемой формой управления и единения. Все жизненно важные вопросы, а также споры решались на Совете, и большинством голосов вердикт считался окончательным. Но существовал непреложный закон – решения оглашались публично у священного столба, который стоял в центре поселения как символ родового начала и поклонения Богам. Здесь же проводились различные обряды и ритуалы.

Следует отметить, что ведение хозяйства в основном ложилось на плечи женщин, а также помогали им дети. Остальные виды работ (промысловые, строительные, земляные, заготовительные) выполнялись мужчинами.

Вся бытовая утварь изготавливалась по назначению с учётом потребностей. К примеру, деревянные кадки, чашки, ковши, теса, ложки, глиняные сосуды использовались для пищевых продуктов.

Перед выделкой шкуры зверей замачивали в больших деревянных кадках либо чанах с водой, куда добавляли нужное количество золы. В жилищах в качестве освещения пользовались лучинами, скрепляя их в расщепы из кости.

Из рыбьей чешуи варили клей, а топлёный жир из потрохов употребляли как профилактическое средство от болезней.

Кроме сбора целебных трав, люди использовали ещё некоторые растения для получения естественных красителей. К примеру, из корня подмаренника северного – красную краску, для жёлтого цвета – мох-зеленец, бородатый лишайник – для получения оранжевого цвета, ползучий мох плаун – синего, а из отвара конского щавеля, собранного во время цветения, получали чёрную краску.

Единственный очаг (кострище) диаметром до 3 м служил не просто для приготовления горячей пищи, но и общим местом общения.

Очень важной составляющей для выживания была соль. Если глюкозу (сахар) необходимую для организма добывали посредством сбора ягод (малина, костяника, смородина, брусника и др.), то соль была дефицитом. Однако, мужчины как добытчики самый ценный продукт находили именно на болотах и лесных озерцах («вад»). Поиски были сопряжены большими трудностями, так как оставались два варианта удачи: первый, когда находили солёный источник в виде родника; второй – так называемые «красные» болота и озерца. По первому варианту пищу варили на солёной воде либо мясо рыбы, птиц, зверей выдерживали в этом растворе. А по второму варианту, ис-

кали соляные ямы, насыщенные железом, и путём выкапывания глубоких ям добывали почвенную смесь, а затем выпаривали её в деревянных лотках и оттуда уже отбирали соль.

К примеру, в трёх километрах от деревни Мучкас есть соляное озеро, откуда со дна добывали соль путём выемки уже много веков назад. А с болота, в четырёх километрах от деревни Борово, что на реке Ирва (приток реки Мезень), из соляной ямы также местные жители на протяжении двух веков добывали соль.

Ранее, вместо хлеба из злаковых культур, использовали травяные растения и с добавкой лесных грибов изготавливали лепёшки в качестве повседневной пищи.

В основном, меню состояло из шести видов блюд:

- жаркое на вертеле (мясо птиц, зверей и рыбы);
- печёное в золе (мясо и лепёшки);
- варёное в глиняной посуде (супы с мясом и травами);
- сушёное и вяленое (мясо и рыба);
- напитки из настоев трав и чаги берёзовой, осиновой;
- варенья из ягод и плодов кустарников и деревьев.

Использовались и некоторые соленья (рыба, грибы, икра рыб). А в качестве главного салата использовались свежие побеги ягеля. На зиму в ямах замораживали и ягоды, и грибы, и плоды черёмухи, рябины, и рыбу, и мясо дичи и зверей. В качестве приправ использовали сушёные травы и корни. Широко применялись и топлёные внутренние жиры и, в том числе рыбий жир, бобровая желчь. В качестве масляной лампы для освещения – чаще всего топлёный жир росомахи.

Надо отметить, что жилище состояло из двух ярусов, из них второй (нижний) предназначался для спальни. Применялась строгая дисциплина по профилактике общей санитарии и личной гигиены. Например, каждое утро и вечером перед сном жилище окуривалось с использованием горящих можжевеловых веток и лесной мяты. Детская спальня примыкала рядом. По углам и периметру жилища настилали ягельный мох. На пол настилали шкуры оленей. Круглосуточно в каждом жилище осуществлялось дежурство из числа взрослых женщин, которые также поддерживали очаг. Причём, огонь поддерживали постоянно, круглые сутки. Дежурные строго следили за окружающей обстановкой и в случае опасности поднимали тревогу звуковыми сигналами из рога.

Время отсчитывали от полнолуния до полнолуния посезонно и выстраивали свой природный календарь, который включал до 18 временных периодов. Поэтому четыре-пять видов верхней одежды вполне отвечали сезонному ношению в течение календарного года. В отличие от мужчин, которые носили костяные или металлические амулеты, женщины, в зависимости от статуса, отличались особыми украшениями – бронзовыми цепочками и браслетами, кулонами и бусами из ценных минералов, золотых самородков.

Хотя разнообразием одежда не отличалась, за исключением женской, всё же привилегия уделялась головным уборам. К мужским принадлежали суконные и меховые шапки различной формы, колпаки с высокой и низкой тульей, кожаные шапки-шлёмы («зырянки»), меховые шапки, «долгоушки» и ушанки, сшитые из шкур диких зверей.

Женские головные уборы, в основном, отмечались украшением и формой. Хотя также представляли собой уборы высокие, на твёрдой основе, наподобие «самшур» и «кокошников», но были и повязки, и очелье без дна, и шапки «ушастые» меховые. И лишь впоследствии со временем появились различные платки.

А вот костяные и глиняные игрушки для детей, представляли из себя фигурки различных зверей и птиц. Но важнее всего явились новшества и перемены в хозяйстве, когда железолитейное дело постепенно обрело широкое применение. Совершенствовались орудия труда, предметы быта, снаряжение.

Особую значимость имело гончарство как домашнее производство. Изготовлением изделий занимались в основном женщины, которые хранили традиционные приёмы обработки, передаваемые из поколения в поколение. Технология замеса материала представляла из себя использование

местной глины с добавлением толчёной дресвы или песка. При изготовлении посуды вплоть до середины XIX века преобладала техника ленточно-жгутового налёпа. Применялась также и техника обмазки деревянных заготовок глиняной лепёшкой и скульптурный способ изготовления путём выдавливания стенок и дна сосуда из кома глины. Формы гончарных изделий отличались разнообразием: горшки, миски, кувшины, ковши, сковороды варьировали от баночных до чугунообразных и, причём, мало орнаментировались.

Обжигали на пылающем огне в печи, затем погружали в опару (горячий мучной раствор) или в квас и снова ставили в печь. После такой закалки сосуд становился чёрным и приобретал необходимую прочность. Таким образом, изделие было готово для использования по назначению.

Охота

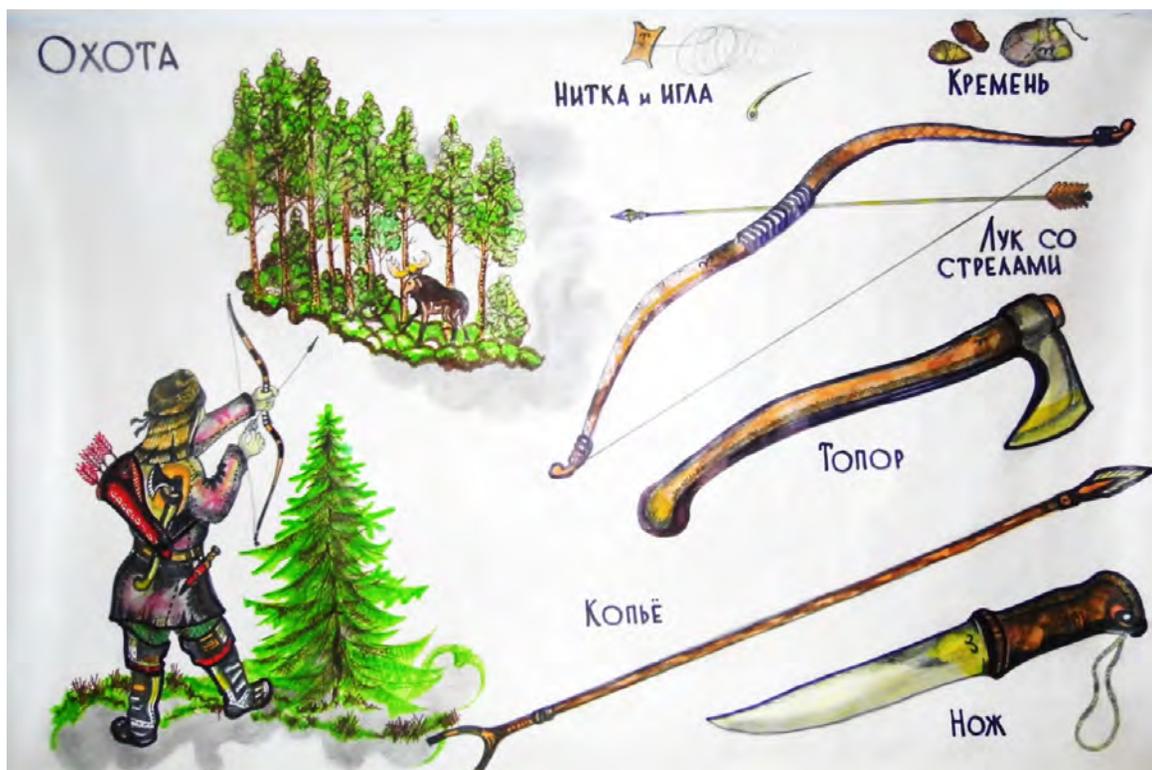
Испокон веков охотничий промысел занимал ведущую роль в жизни коми удорцев. Промысловая значимость, по сути, определяла формирование и развитие культуры, традиций и уклада жизни.

Пища, одежда, обувь, быт, предметы снаряжения и орудия лова напрямую зависели от уровня охотничьего промысла. Причём, даже планирование семьи по подушевной численности учитывалось от возможностей и условий выживания.

Место поселения племени также выбирали с учётом численности в округе зверей и птиц, характеристики типа леса, наличия подземных ключей, речек, сухих возвышенностей, а ещё и соле-

вых источников. Правда, не всегда удавалось отыскать солевые ямы и чаще пользовались прежними запасами либо посредством обменных отношений заимствовали у другого племени. И всё-таки обособленность племён между собой объяснялась несколькими существенными факторами:

- ✓ существовали культовые языческие различия в укладе жизни;
- ✓ сохранение родословных традиций;
- ✓ наличие железолитейных технологий и способов добычи зверей и птиц;
- ✓ территориальная приверженность в целях закрепления и освоения владений (промысловых участков).

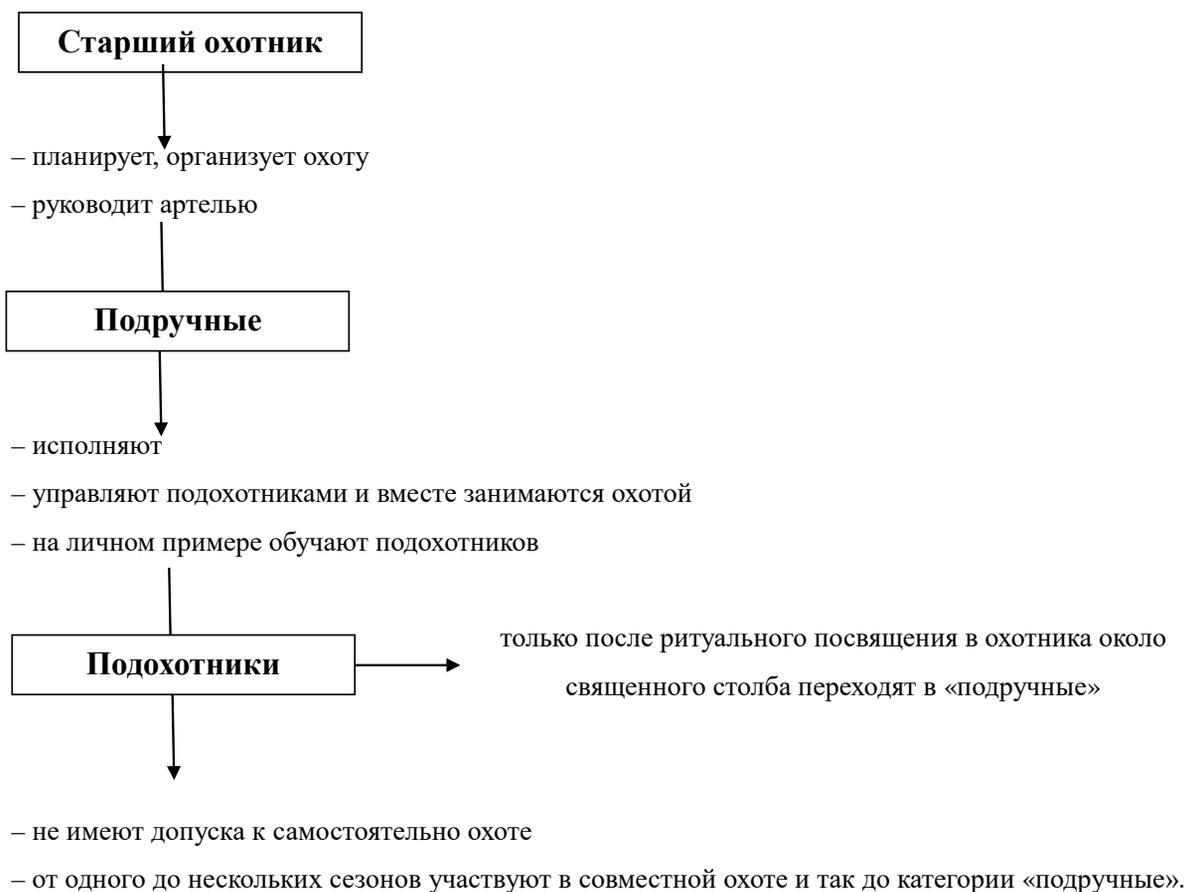
Хотя были исключения, когда по соседству малочисленное племя вливалось в большую семью с другим более благополучным племенем. Как правило, вокруг поселения или местонахождения определялись границы промыслового угодья. Но в любом случае маршрут начинался от Большой реки. Ориентирами служили чаще всего крупные высокие деревья, в комлевой части которых делались затёски с обозначением символических родовых знаков. На звериных тропах устраивались различные ловушки давящего типа и замаскированные ямы на крупных копытных зверей. Хоть и способы промысла казались примитивными, охотники имели опыт загона копытных зверей (лось, олень) во время их переходов и гонов в узкие лощины либо к реке, где в засаде поджидали стрелки. По данным археологических раскопок, подтверждается ещё и тот факт, что основными объектами промысла являлись лось, олень, бобр, рысь, россомаха, выдра, лисица, белка, куньи. Су-

дя по кальцинированным косточкам, отсутствуют останки зайца и медведя. Известно, что медведь считался священным диким животным среди коми удорцев и почитался как добродетель и хранитель обитателей леса. Конечно же, люди избегали конфликтов с медведем и нередко, в случаях удачной охоты, в знак благодарности оставляли зверю часть добычи.

Внешне охотничья одежда мало чем отличалась от повседневной, кроме как накидки с чехлом для топора, кожаных бахил, пояса с ножнами, лука со стрелами и копья. Из охотничьего снаряжения обязательными были лапоти-плетёнки, кожаный мешок, лыжи камусовые и нарты.

Однако, промысловая культура имела свои правила и требовала от каждого охотника знания о повадках промысловых объектов; умение ориентироваться на местности; владеть навыками скрытно выслеживать зверя; точно попадать в цель; проявлять смекалку, выносливость, смелость; познавать растительный и животный мир и т.д.

В каждом племени существовала некая иерархия по категориям промысловиков и в первую очередь среди охотников. К примеру, старший охотник, его подручные и подохотники (возраст до 16 лет):

Причём, помимо основного занятия охотники были поистине мастерами и умели не только строить жилые и хозяйственные строения, печи и запасные подземные ходы, а ещё составляли карты отдалённых территорий на бересте и коже. Случалось, когда приучали хищных птиц и зверей, одомашнивали диких оленей, использовали их вместо вьючных животных.

Промысловый быт

1. Зимние средства передвижения.

Из числа зимних средств передвижения удорчане испокон веков использовали лыжи двух типов: обшитые камусом («лызь») и «голицы» («лямба»). Как правило, у каждого охотника имелись лыжи обоих типов: камусные – для постоянного пользования и «лямпы» для сырой погоды и ходьбы по насту.

Конструктивно «голицы» и подшитые лыжи существенных отличий не имели. Изготавливались лыжи обычно из ели, реже из берёзы. А вот мезенские охотники в качестве материала для лыж использовали также осину. Длина лыж колебалась от 1,5 до 2,0 метров, при ширине 14-17 см и толщине не более 2 см. для ног имелась ступательная площадка длиной 38-40 см, шириной 7-8

см и высотой около 4 см. иногда вместо ступательной площадки прибивали несколько слоёв бересты. На ногах лыжи закреплялись с помощью шнурков («бадь»). Выгибались лыжи, пока дерево ещё сырое. Концы лыж распаривали в горячей воде и выгибали на приспособлении в виде колоды, с вырезом по нужной дуге изгиба. Распаренный конец заготовки закрепляли в вырезе с помощью деревянных клиньев. В изогнутом положении лыжа фиксировалась с помощью жерди с вырезами на концах, в которые упирались носок и пятка лыжи. При изготовлении «голиц» концы лыж часто не загибали, а выстругивали загиб при изготовлении. Иногда также делали и «лызь». Для обшивки лыж использовались оленьи или лосиные камусы, а при их отсутствии употребляли камус с ног телёнка. Обычно, как только камусы просохли после растяжек в длину и ширину, их сшивали сухожильными нитками. Затем прикрепляли с помощью рыбного клея либо на свежую кровь животных и перетягивали края камуса сухожильными нитками, либо гвоздиками (при наличии).

Специальных лыжных палок не существовало и при ходьбе на лыжах их заменял «койбедь» – охотничий посох, имеющий с одной стороны лопаточку, а с другой – железный наконечник. Назначение «койбедь» было весьма разнообразным: при ходьбе на лыжах она заменяла лыжную палку, при стрельбе служила как сошка, лопаткой раскапывали снег, а наконечником пробивали лёд чтобы достать воду и т.д. При случае «койбедь» могла заменить и копьё. Наконечники обычно были конусовидными либо копьёобразными. Длина посоха не превышала двух метров.

Ручные охотничьи нарты так же, как и лыжи были изобретены ещё несколько тысячелетий назад.

Удорцы использовали так называемые прямокопыльные типы нарт с одной горизонтальной передней дугой. Полозья загнуты только спереди, крепления полозьев с копыльями и вязок с копыльями полужёсткое (пазовое, с помощью ремешков), а остальных деталей – мягкое. На изготовление полозьев шла берёза. Обычная ширина полоза была 7-8 см, но иногда доходила до 10 см; толщина полоза по краям – до 1 см, а в средней части – около 2 см. Передние концы полозьев к которым с помощью сыромятных ремешков крепился «баран» нарт, имели загиб около 10 см. Копылья изготавливали обычно из ели. Их высота была 30-40 см, а примерно посередине высоты противостоящие копылья соединялись поперечинами – вязами. Как с полозьями, так и с вязами копылья крепились с помощью пазов и шипов, а дополнительно – сыромятными ремешками. Верхние концы копыльев соединял нащеп – продольная жердь. Крепление нащепа с копыльями, а его переднего конца – с загибом полозьев нарт было мягкое. Вязы, соединяющие копылья, делали иногда также из ивовых или черёмуховых виц. На вязы клался настил из еловых досок и скреплялся с ними ремешками. Для предохранения багажа от выпадения пространство между настилом и нащепами оплеталось верёвкой в виде сетки. К головкам полозьев также с помощью мягкого крепления присоединялись концы горизонтальной дуги – «барана» (обруч). Обычная форма «барана» полу-

круглая, но иногда он изготавливался в виде прямоугольника, материалом служила черёмуха. К первому копылу с левой стороны прикреплялась ременная петля для привязывания жерди-оглобли, которая служила для управления нартами.

Длина жерди-оглобли была около 3,5 м, на более толстом конце вырезался круговой желоб, за

который с помощью петли он крепился к нартам. Для ближней охоты применялись двухкопыльные нарты длиной от 2 до 2,5 м и трёхкопыльные – до 4 м. Для дальней охоты изготавливали четырёхкопыльные нарты длиной 5 м. Ширина установки полозьев нарт соответствовала ширине лыжного следа 35-40 см, что позволяло везти их по накатанной лыжне. Максимальная масса клады на трёхкопыльных нартах составляла 8 пудов. Передвигали ручные нарты с помощью ременной упряжи, которая состояла из сыромятного ремня-потяга длиной 2-2,5 м. Основная нагрузка при передвижении нарт ложилась на плечи охотника, а руки были заняты «койбедь» и оглоблей для управления нартами.

2. Водные средства передвижения.

Однако, помимо лыж, используемых в зимний период, всё-таки главным средством передвижения у промыслового населения Удоры, конечно же, являлись лодки. Применялись, в основном, двух типов: осиновые долблѣнки с разведѣнными бортами и дощанки каркасной конструкции. Долблѣнки, благодаря малой осадке и небольшому весу были незаменимы при плавании по малым рекам, их легко было перетащить через волоки или доставить в непроточные озѣра и старицы. Длина такой лодки была 2,5-3,0 м, грузоподѣмность до 200 кг, что позволяло плавать на ней вдвоѣм либо одному человеку с грузом. Гребли двухлопастным веслом. Технология изготовления выглядела примерно так: выбирали осину довольно крупного размера, затем отрезок ствола длиной 3 метра обтѣсывали с обоих концов, намечая контуры носа и кормы лодки. Потом топором и теслом

на рукояти с прямым или закруглённым лезвием грубо выдалбливали бревно, облегчая его, чтобы проще было вывезти заготовку из леса. В основном эта работа делалась зимой.

Изготовление долблёнки начинали с придания окончательной формы носу и корме. С помощью рубанка поверхность гладко выстругивалась. Затем из ольхи или сосны делали «оржи тув» – круглые деревянные клинышки длиной около 3 см. Буровом («напарья») во внешней поверхности заготовки на расстоянии около 30 см друг от друга в продольном направлении и 5 см – в поперечном, просверливали отверстия глубиной до 3 см и диаметром около 5 мм. В просверленные отверстия забивали «оржи тув», которые предварительно хорошо высушивали, чтобы они, намокнув в воде, разбухали и не пропускали в отверстия влагу. Древесину изнутри осторожно выскабливали с помощью долота до появления колышков, которые можно было легко заменить, так как они отличались по цвету. Для крепления шпангаутов («мегыр») на дне и по бокам с внутренней стороны оставляли выступы длиной 20-25 см, толщиной 1,5-2 см и высотой 5-8 см с просверленными в них отверстиями. Предварительно лодку прогревали у костра. Чтобы она не высыхала и не загорелась, её обмахивали снаружи мокрым веником. Костёр должен находиться с боку от лодки, поставленной на бок внешней стороной к огню. Иногда лодку подвешивали на верёвках или ставили на козлы, а костёр разводили под ней. Внутри лодки наливали 8-10 литров горячей воды, но не кипятком. Если она остывала, для подогрева бросали несколько раскалённых на костре камней. Чтобы вода смачивала всю внутреннюю поверхность лодки, её постоянно покачивали. Когда хорошо прогревшаяся долблёнка начинала раскрываться, в неё вставляли упругие распорки, сделанные из еловых ветвей. В течение дня лодка раскрывалась полностью. Чтобы удержать форму, приданную оболочке, на оставленных внутри выступах устанавливали шпангауты с помощью берестяных полос, продетых в отверстия выступов и закрепляли их. Уже к готовой долблёнке прибивали с каждой стороны по одной узкой набое из еловых досок. Иногда набои заменяли тонкими гибкими шестами.

И, напротив, доски, сшитые из досок, обладают большей вместимостью, чем долблёнки, да и более устойчивые на воде.

Ясно, что выбирали подходящий размер в зависимости от назначения лодки. К примеру, длиной от 5 до 12 метров широко практиковались как на Вашке, так и на Мезени.

Мастер сам подбирал подходящие ели по звучанию и уже потом из этих брёвен выпиливали доски для набоев, которые сначала сушили продолжительностью один-два года, а вот кормовые (для ахтерштевня) и носовые (для форштевня) брусья из изогнутой комлевой части ели (кокоры) после зачистки сушили летом не менее трёх недель. Шпангауты («мегыр») изготавливали также из хорошо просушенных еловых корней. Гвозди были также деревянные: круглые клинышки – нагеля («пу тув»), которые забивали в просверленные буром отверстия. Количество шпангаутов зависело

от размеров лодки и колебалось от 4 до 14 и более, ставили их на расстоянии 50-60 см друг от друга. Количество набоев обычно не превышало 3-4, для лодок большего размера их делали шире. Но на Вашке мастера увеличивали количество набоев до 6-7 единиц и набои шире обычного не применяли. При прикреплении обшивки к каркасу использовались несложные приспособления: «жим» и «пу клещи». «Жим» представлял из себя брусок из дерева с прямоугольными выступами на концах и служил для подгонки первых двух (по одной с каждой стороны днища) досок донной части лодки. Для плотности между одним из выступов и краем набоя вбивался клин. «Пу клещи» предназначались для придания формы боковым набоям. Для защиты от волн поверх бортов прибивался дополнительный набой («кос набой») с небольшим наклоном наружу. Затем лодку конопатили просмоленной паклей и пропитывали внешнюю поверхность «варом», который готовили из смеси смол путём длительного кипячения. На дно лодки стелили обычно настил из досок, а в более крупных по размеру локах делали скамью для сидения («пуклос»).

Старинные технологии изготовления лодок до сих пор на Удоре применяются современными мастерами-лодочниками.

Особенности промысловой морали

Основой охотничьей морали у древних коми-зырян на Удоре было почтительное отношение к любой добыче независимо от её ценности. Обязательно полагалось добывать раненого зверя или птицу, чтобы добыча не мучилась, и ни в коем случае не приносить её ещё живую в охотничью избушку или тем более домой. Кстати, непростительным грехом считалось и упустить подранка. Мезенские охотники шкурки обычно снимали ночью под пониманием подальше от греха, да и чтобы никто не видел. Такая традиция оправдывала поверье о том, что никогда не надо хвастать своим промыслом. А ещё никогда нельзя было называть действительное количество добытого зверя из опасения, что чужая зависть может обидеть зверей и они перестанут попадаться. Издавна у удорцев существовал негласный закон – никогда открыто не проявлять недоброжелательность ни к зверю, ни рыбе иначе удачи не видать. К добыче нельзя было относиться оскорбительно: ни мять руками, ни отдавать собакам, ни детям с ней играть и тем более выбросить в сторону либо на улицу.

Особое отношение было к медведю. Первоначально удорцы не охотились на этого зверя, ибо почитали как хозяина и хранителя тайги. Впоследствии, при разных обстоятельствах, когда приходилось убивать просили прощения. Недаром изображение головы медведя, а не целиком тушу зверя, использовали в качестве символа на бляшках ремней и сумках, а также в качестве амулетов. Медвежий культ имел особый символ. Именно сходство с человеком, видимо, было одной из причин появления среди местного населения Удоры поверья, что наиболее сильные колдуны обладали способностью обращаться с медведем. Однако, наиболее верным способом очищения от всякой порчи считалась баня, после которой люди переодевались в чистое бельё. Чтобы очистить принад-

лежности охоты, на них иногда мочились. И, конечно, широко была распространена вера в очистительную силу огня. Кроме того, верным талисманом, защищающим от порчи со стороны людей, у охотников и рыболовов считались медвежьи и щучьи зубы, концы медвежьих лап с когтями, т.е. частицы животных, которые по верованиям коми-зырян были наиболее близки духам-хозяевам. Хотя, медвежье мясо удорцы и не употребляли, но сало медведя всегда применяли в лечебных целях, и подобное не возбранялось.

Но, всегда удорские промысловики соблюдали свою мораль во имя сохранения промысловой культуры и устоявшихся традиций.

Рыболовство

Несомненно, рыболовство издревле являлось первостепенным промысловым занятием наравне с охотой. Ещё в III-IV веке н.э. люди научились плести рыболовные сети из двупрядной верёвки, свитой из корешков и листьев осоки, а также из волокон крапивы. Такие снасти предназначались для лова крупной рыбы (размер ячеи 50х50 мм, и были связаны ликотовым (косым) узлом, которым до сих пор вяжут и современные сети. Более поздний период использовались нитки из конопли или льна. Однако, в качестве заменителя конопли чаще использовали крапиву, так называемую дикую коноплю («дикой пыш»). «Дикой пыш» собирали осенью в лесу, сушили, а потом вымачивали несколько недель в озерах и опять высушивали. Затем эту крапиву мяли на деревянной мялке, вычёсывали и делали пряжу и нитки.

Самыми распространёнными орудиями лова оставались невод («тыв»), ботальная сеть-трёхстенка и бредень («ковтым»). Причём, применяли и сеть-одностенку, сшитую в виде мешка с диаметром входного отверстия до 4 м («сірп»). К нижнему краю входного отверстия прикреплялись три глиняных грузила, а к обоим углам верхнего края – две верёвки. Техника лова рыбы с помощью «сірпа» была следующая: две лодки, по одной с каждого края, сплавливали невод по реке, в третьей лодке вслед за неводом плыл «отдевальщик», а ниже по течению с двух лодок устанавливался с помощью двух шестов «сірп» отверстием против течения, чтобы входное отверстие не складывалось, верхний край его подтягивали верёвками. Когда невод приближался к «сірпу», его доставали и вынимали попавшую рыбу, а затем снова устанавливали в 40-50 м ниже по течению. При ловле неводом с мотней «сірп» не требовался. Кроме того, с помощью «сірпа» на Мезени ловили крупную рыбу – сёмгу, нельму, хариуса и т.д. В этом случае «сірп» использовали как обычную плавную сеть.

Существовал ещё один древний способ ловли рыбы. В проточных заводях и курьях из кольев сооружали ловушки- «карманы» и оставляли входное «окно». По большой воде рыба заходила внутрь и попадала в западню, затем проход закрывали плотным щитом и потом, по мере убывания

уровня воды, крупную рыбу вылавливали плетёными сачками, а мелкую – обратно выпускали из «кармана».

Надо отметить, что во всех этих довольно примитивных способах ловли рыбы, были очевидными условия по сохранению водных биоресурсов.

Но наиболее широко применялся сезонный промысел лова во время подъёма по рекам лососевых и тресковых видов рыб. Надо учесть, что ещё два столетия назад водными обитателями реки Мезень являлись 23 вида рыб и 2 вида рыбообразных, среди которых ценили такие породы как

сёмга, нельма, сиг, пикша, омуль, пелядь, чир, муксун, камбала, хариус и другие. Рыбные припасы на зиму не раз спасали местные племена от голодной смерти, особенно в неурожайные годы ягод и грибов, малочисленности зверей и дичи в тайге. Поэтому сезонное рыболовство имело особую значимость.

В основном практиковался наиболее доступный способ добычи – лучение, когда на лодке, выезжая в тёмное время суток на водоём либо реку, рыбак разжигал связку мелко нарубленных дров и сплавлялся вниз по течению вдоль берега или стоял в узких проходах, выжидая подъём рыбы. Крупную рыбу кололи острогой и реже использовали гарпун, которым поражали броском с удобного расстояния стоявших рыб на порожищем мелководье.

Орудия лова изготавливались из кости и железа. Рыба поднималась косяками и, несомненно, наиболее успешным являлся артельный улов.

Одновременно применялся и запорный способ лова рыбы. В узких местах русла реки, где порожистые участки, из камней строились перегородки в виде искусственных нагромождений с несколькими проходами для рыбы. День и ночь рыбаки, вооружённые острогами, сторожили, дабы не упустить добычу. И таким образом без улова не оставались. После окончания путины каменные перегородки разбирали, и река вновь обретала прежний вид.

Кроме того, к рыболовному инвентарю принадлежали металлические крючки из железа и бронзы, реже из кости, которые использовались в основном при лове жерлицами и иной придонной снастью.

Следует отметить, что многие древние способы лова рыбы и в наши дни не утратили свою значимость и практическое применение.

Земледелие и скотоводство

С налаживанием торгово-обменных отношений между племенами менялись и формы хозяйствования. От соседних южных племён перенималась агротехника по выращиванию зерновых культур (рожь, ячмень, лён), обработка земли сохой и последующим боронованием, применение зольных удобрений и илово-травяного компоста.

В целом, недалеко от поселения выбирались наиболее плодородные почвенные участки с гумусовым слоем, вырубались деревья и кустарники, выкорчёвывались корневища и весь древесный материал сжигался. После чего, деревянной сохой с железным наконечником прокладывали параллельные борозды и сеяли. К сожалению, из-за неблагоприятных климатических условий и повы-

шенной кислотности почв урожай снимали небогатый, а то и вовсе всходы замерзали до созревания колосьев, либо летняя засуха также уничтожала посевы. Таким образом, земледелие в хозяйстве играло второстепенную роль и широкого применения среди поселенцев на территории бассейна Мезень не нашло. Чаще зерно завозили от южных соседей по схеме «товар на товар» и таким способом пытались решать свои насущные потребности.

А вот направление развития домашнего скотоводства имело практическую повсеместную значимость. Ещё в третьей четверти I тыс. н.э. люди уже владели навыками скотоводства, о чём свидетельствуют найденные кости мелких парнокопытных (овца или коза) на поселениях «Усогорск – III» и «Кужим – II» (крупный рогатый скот). Впрочем, домашних животных представляли низкорослые лошади, собаки длинношёрстные, козы и овцы. Кроме того, на поселении «Смолокурный – I» обнаружены были в результате раскопок фрагменты бивня или зуба мамонта, а на поселении «Мича-чой -III» – уникальная поделка из рога шерстистого носорога.

Некоторые рекомендации для практического использования и применения старинных удорских рецептов

Выделка шкур животных (диких или домашних)

Сначала шкуру животного (олень, лось, корова, лошадь и т.д.) замачивают в чане в тёплой воде «кунва». Выжидают несколько дней в зависимости от вида принадлежности животных шкур. Затем, путём отщипывания на пробу узнают состояние шкуры для дальнейшей обработки, вынимают из чана, расстилают на скамью и скоблят специальной «скобой» шёрстку. После чего пропо-

ласкивают в чистой воде и замачивают в ёмкости раствором «сирва». Как только кожа пропитывается в достаточной степени, вынимают, расправляют и сушат в натянутом виде со всех сторон. Толстую кожу используют для шитья обуви (голенища бахил, сапог), а более тонкую кожу – для полушубков, жилетов, головных уборов и т.д.

Способ приготовления «кунва»

В старину не было ни мыла, ни стиральных порошков, поэтому в чан (котёл) заливали кипячёную воду, затем предварительно просеивали древесную золу, которую засыпали в чан. Доводили на огне до кипения и давали остыть до (+) 10°. Отстоянную воду сливали в другую ёмкость. Использовали такую воду не только в хозяйственных целях, а ещё для умывания головы и тела, при стирке белья, т.к. вода ещё и пенится.

Шашлык из щуки

Выпотрошенную свежую щуку нарежали на поперечные куски и помещали в солёный рассол либо солёное молоко на один час. Затем вынимали и обвязывали каждый кусок отдельно суровыми нитками. Костёр из осиновых и ольховых порубочных остатков доводили до углей. Приготовленные куски нанизали на окорённые ветви черёмухи, укладывали «шампура» над углями периодически поворачивая, таким образом, выжидали до готовности к употреблению.

Выпечка деревенского хлеба (без формы) «Корыв нянь»

Тесто из ячменной или ржаной муки.

Состав: мука, простокваша, вода, соль, листья от кочана капусты.

Порцию готового теста клали на цельный капустный лист, а сверху в качестве начинки использовали ягоды (черника, брусника) либо измельчённую зелень (крапиву, лебеду, хвощ, щавель) либо ложку сметаны. Далее, помещали в горячую печь, вычищенную от золы и углей. Доводили до образования румяной корочки. После чего вынимали и очищали испечённый хлеб от обгоревшего листа капусты.

Приготовление традиционного «Ирвинского» блюда «люль»

В котёл заливается вода вровень с разделанными тушками свежей рыбы без чешуи из пород сига, хариуса и окуня. На огне кипятится около 10 минут (нельзя переворачивать). Затем вынимается рыба, очищается от костей (чешуи), а чистое мясо мелко измельчается руками, но не ножом. После чего кладётся в глубокую сковороду и заливается рыбным отваром вровень со слоем. Ставится на горящие угли. Через пять минут заливается сметаной либо сливками, добавляется соль по вкусу, сливочное масло и зелень (мелконарезанная) из свежей крапивы либо щавеля. Плотно закрывается крышкой и томится ещё около 15 минут. Затем открыть крышку и крошить сверху мелкими ржаными либо ячменными сухариками. После чего, необходимо остудить до образования желе. Блюдо готово к употреблению.

Смола

Путём подсочки комлевых частей деревьев сосны и ели добывают смолу.

Смолу сосны в горячем жидком виде используют для заливки швов при изготовлении лодок из набойных досок, бондарных деревянных ёмкостей (посуды, бочек) для хранения сыпучих веществ, а также для заделки трещин в оконных рамах, на лыжах, санях и т.д.

Еловую смолу использовали как жвачку для профилактики зубов от налёта и дезинфицировали ротовую полость. Кроме того, размягчённую смолу прикладывают к воспалённым участкам ран в виде примочки как противовоспалительное средство.

Изготовление чернил

Отжимают сок свежих ягод черники и голубики. Доводят до кипения и добавляют сажу. Перемешивают. Затем процеживают и дают остыть. Получаются чернила.

Изготовление красящих веществ для покраски деревянных, глиняных и кожаных изделий

В котёл засыпают измельченную кору лиственницы и берёзовый гриб «чагу». Заливают водой в соотношении 1 х 3, ставят на костёр, закрывают крышкой и варят до двух часов. Затем добавляют сажу и сушёную зелёную мокрицу (в небольшом количестве) и ещё продолжают варить около одного часа.

Снимают готовый отвар с огня, добавляют немного горячего рыбьего клейстера (из чешуи). Перемешивают, затем через сито процеживают в другую посуду и опять перемешивают. Дают остыть. Получалась краска тёмно-бордового либо чёрного цвета.

Когда используют только кору лиственницы – получается краска бордового цвета.

Способ приготовления печёной рыбы и боровой дичи в горячей золе.

Предварительно собранные на водоёме крупные листья лопухов вялили под навесом, избавляясь таким образом от лишнего горького сока и ломкости. А выпотрошенную рыбу, к примеру окуня, подсаливали по вкусу, затем заворачивали лопухами, обвязывали суровыми нитками и помещали в горячую золу. Выдерживали около 20 минут, и пища была готова к употреблению.

Таким же образом готовили печёного рябчика. Срок выдержки в золе около 40 минут.

Профилактический и оздоровительный способ.

Затвердевшую еловую смолу откалывали из трещины комлевой части дерева и использовали в следующих случаях:

- Кусочек смолы разжёвывали во рту до размягчения и жевали как жвачку, таким образом профилактировали зубы от налёта (бактерий) и ротовую полость от пародонтоза, вместо зубной пасты.

- Размягчённую смолу растягивали в виде пластинок и прикладывали к воспалённым участкам тела вместо примочек в качестве противовоспалительного средства.

Рыба, запеченная в тесте

250-300 г мелкой вермишели кладём в кастрюлю (котелок). Заливаем до 0,5 л тёплой кипячёной водой и тщательно размешиваем с перерывами и таким образом доводим до консистенции теста. Соль добавляем по вкусу. Причём, можно добавить ещё мелко нарезанную зелень (любой вид). Выпотрошенную рыбу, очищенную от чешуи, кусками либо только филе обмакиваем в тесте и кладём на разогретую сковороду, либо в «форму» для выпечки. При отсутствии масла (подсолнечное, сливочное) или маргарина растопляем внутренний жир рыбы и обмазываем сковороду или «форму». Посуда плотно закрывается крышкой и помещается в горячую печку либо в горячую золу. Через 15-25 минут блюдо готово к употреблению.

Лепёшки

Аналогичным способом готовим тесто в нужном количестве, а в качестве начинки используем ягоды брусники, земляники, черники, малины, смородины либо мелкие кусочки мяса рыбы и выпекаем свежие лепёшки.

Окунь запеченный

Свежий окунь (желательно крупный) обсыпается солью. Не потрошится. Рыба обмазывается глиной слоем до 1,0 см дать время немного подсохнуть на воздухе, а затем поместить в горячую золу «горкой». Выдержать до остывания золы (около 20-25 минут). Вынуть, очистить верхний слой вместе со шкуркой. Употреблять в пищу мясо рыбы в горячем виде.

Рыбная «спираль»

Срезается филе рыбы (щука, сиг, хариус) тонкими полосками, каждую из которой сворачивают в трубочку и перевязывают суровыми нитками. Затем укладывают в спираль и перевязывают крестом на узел. Кладут на горячую сковороду и заливают сметаной либо майонезом, предварительно обсыпав солью (по вкусу). Добавляют зелень. Обжаривают либо запекают до золотистого цвета (около 15 минут).

Коптюжская история

Когда-то в далёкую старину, ещё шесть столетий назад, когда Важгорт обрёл свой статус земли Мезенской да Вашкинской, когда уже появились и другие селения как по реке Вашке, так и в верховье и низовье Мезени, когда местные коми приняли веру христианскую да православную в большинстве своём, когда появились и первые родовые фамилии, в единении своём всяк искал свой путь жизни, свободный от всякой зависимости. Нашлись и наши герои-искатели – Кочевы да Роноевы, Оникей да Осип. Ушлые да умом не обделённые, в трудах мастеровые да охотники-

рыбаки знатные. А дело так обстояло, что жили они в Важгорте, да беда непоправимая настигла их семьи – пожар не пощадил их жилища, рядом стоящие. И случилось это как раз в мае месяце. Обменяли часть хозяйства на два баркаса, да у каждого свои лодки поменьше были, погрузили нужный скраб да четыре козы, да семьи посадили в лодки да поплыли вниз по течению реки до своих угодий промысловых в сторону притока Ежуги, где избушки промысловые собственные стояли. Добрались до места, что на правом берегу реки Вашки, да сначала столб установили с родовыми знаками, поклонились земле-Матушке, женщины поплакали, а главы семейств суровые взгляды показали и в их глазах огонь горел да уверенность небывалая одолевала мужиков. Семь душ Роновых да пять Кочевых разместились в двух небольших избушках да в двух выстроенных шалашах-временках.

* * *

В конце XIV века появились первые единичные дворы сначала в местечке Вендинга, а позже – Важгорте. В каждом дворе проживали от двух до четырёх семей одного рода. Смешение с другими семьями отсутствовало. Но, постепенно со временем также и соседствующие обитатели обустроивали свою жизнь рядом, образуя таким образом починки, в последствии из которых возникали уже деревни.

На возникновение поселения Важгорт в значительной степени повлияли прошлые коми-пермяки, которые в те времена активно расселялись как в Верхне-Вычегодском бассейне, так и на Вашке. Позже, с появлением уже Печорского тракта оседлое население на Вашке увеличилось в разы.

По этим причинам территорию, прилегающую к Вашке, включая Мезень, до XVI века первоначально называли Вашкинской Землёй, а уже потом, после завершения христианизации на Мезени, официально включили в состав Епархии Пермской под названием Удорский край (Удорская Земля). Однако, образование всех поселений происходило из числа местного населения – коми-зырян. Лишь небольшой процент среди жителей составляли русские.

* * *

Денно-ношно главы семейств со своими сыновьями заготавливали строительный лес да катали брёвна в бунты, а женщины окоривали. Благо, сосновый бор стоял вокруг, и не надо было ходить куда-то далеко. Дочери также помогали и варить, и стирать, и мусор собирать да коз пасти. Когда надо было, женщины с детьми на волокушах от берега таскали глину для строительства печей. Делали замесы, лепили формы в виде кирпичей, клали на лотки да обжигали. И вот, наконец, в считанные дни построили, сначала баню, и лишь после этого заложили фундамент под две избы одновременно. Пока мужская половина занималась строительством, женская половина возделыва-

ла участок земли, перекопали между да золой удобрили да ячменем засеяли по две мерки на одну душу, т.е. примерно на $\frac{1}{2}$ десятины (две мерки равняются 4 четверикам или осьмине) да ещё впервые корнеплоды высевали – репу и редьку. И непременно, мужчины ещё и рыбу ловили сетками-вязанками в ближайших курьях. Дети каждый день собирали молодую зелень, так необходимую для организма после зимы. В общем, каждый проявлял усердие и трудолюбие.

По причине отсутствия муки вместо хлеба использовали отборные трубчатые растения, которые измельчали, скатывали, смачивая сливками из козьего молока, и пекли лепёшки. В рационе питания обязательно присутствовал рыбий жир. Кроме того, и взрослые, и дети ежедневно жевали серу (смола) ели, лиственницы либо сосны, которая укрепляла дёсны, защищала от пародонтоза и отбеливала зубы. Чай заваривали берёзовый чагой да с травами. А уже в июне месяце собирали и крапиву, и полевой шавель, борщевик сибирский, чем и заправляли супы из дичи. Кстати, диких уток опытные главы семейств добывали весьма простым способом: привязывали петли к верёвке впритык друг другу, закрепляли один конец верёвки к кустам, а другой на кол в натянутом виде над поверхностью воды утки садились на воду и, плавая вдоль береговых кустов, попадались на ловушку. К июлю месяцу рубленные избы уже красовались лицевым фасадом, готовые принять своих хозяев. Тогда Оникей сказал, обращаясь ко всем: «Пусть наша коми земля-кормилица знает, что мы будем хранить, оберегать и радовать её, и пусть в будущем наши отпрыски, продолжатели рода своего традиции исконные да помыслы светлые, да труды полезные... А вам, наши дети, здесь жить и вашим детям жить достойно да на радость!»

Осип прочитал «Отче наш», после чего все перекрестились, обошли вокруг каждого жилища, и каждая семья вошла в свою обитель. Пребывая в постоянных ежедневных трудах, новые жители уже научились вести счёт времени по новому церковному (юлианскому) календарю, а не как раньше их деды и отцы с даты весеннего равноденствия (22 марта), то есть с использованием ритмов основных промысловых животных (гон, появление потомства, выход медведя из берлоги и т.д.). И они знали, что с 1 сентября начинается очередной Новый Год. Для этого использовался деревянный календарь – бинирамидальные пятигранные бруски с насечками на рёбрах по числу дней в месяцах и году в целом. А церковные праздники отмечались особыми значками.

* * *

Конечно же, в быту коми удорчане пользовались календарём народным. Сохранились следующие народные названия месяцев:

- кӧдзыд тӧлысь (холодный месяц), тӧв шӧр (середина зимы) – **январь**;
- урсим (беличий месяц), чорыд тӧлысь (суровый месяц) – **февраль**;
- рака (вороний), кос тӧлысь (сухой месяц) – **март**;
- кос му (сухая земля), лым сылан тӧлысь (месяц таяния снега) – **апрель**;

- ода кора (весенняя зелень), эж петан тӧлысь (месяц произрастания травы) – **май**;
- лӧддза-номья тӧлысь (месяц оводов и комаров) – **июнь**;
- сӧра (созревание злаков) – **июль**;
- чарла тӧлысь (месяц серпа) – **август**;
- кӧч тӧлысь (заячий месяц) – **сентябрь**;
- кор усян тӧлысь (месяц листопада) – **октябрь**;
- лым усян тӧлысь (месяц снегопада) – **ноябрь**;
- кынӧд тӧлысь (месяц мерзлоты) – **декабрь**.

* * *

И лишь после того, как были закончены работы по строительству круглого колодца, а сруб был изготовлен их полых комлевых частей лиственницы и общего защитного ограждения из кольев вокруг дворов, Оникей до Осип поплыли на лодке вверх по реке в Важгорт к святому батюшке уведомить да просить благословения в честь образования нового селения Кӧдж (Коптюга). Это историческое событие произошло в августе 1580 года. А через пять лет в деревне Коптюга насчитывалось четыре двора и двенадцать человек взрослого населения.

Следует отметить, что в настоящее время Коптюга является последним населённым пунктом вниз по реке Вашке на территории Удорского района.

* * *

По официальной переписи год основания деревни Коптюга (Кӧдж) указан как 1594 год.

Часть II. О чуде

Тайны чуди

Как велик и многообразен мирской соблазн, и какие мы, Человеки, разные и непознанные? И почему на столько мы слабы духом, что-либо не можем, либо противимся искупить свои неправедные грехи? А может, боимся покаяния? Свят, свят!

Да! Всяк свободен. Но не каждый хочет свободы, ибо легче плыть по течению воды, чем наоборот, постоянно преодолевать тяготы, порою невероятными усилиями против течения.

Блаженный тот, кто постигает святые истины любя!

Скорее всего, каждый страждущий, идя своей дорогой, мечтает, наконец, обрести себя.

Почему-то только с годами каждый из нас начинает осмысливать свои жизненные вехи уже с высоты птичьего полёта, а не тогда, когда волею обстоятельств либо в силу иных причин, судьба дарит неповторимые и сокровенные мироощущения, и возможности воистину испытать неземную благодать.

В последнее время подобные размышления часто посещают меня, и тому есть своё объяснение. Ведь как-никак, когда-то я невольно оказался, совершенно загадочным образом, очевидцем невероятных событий и явлений, хотя всё могло быть иначе, если бы...

Но историю, как и музыку, нельзя обмануть!

Ах, молодость, молодость! Бесшабашная и безудержная, ранимая и вспыльчивая, наивная и грешная, радужная и счастливая.

Лет сорок назад, я, будучи молодым специалистом, впервые участвовал в составе геологической экспедиции на Удоре. Маршруты по изучению строения почвенных слоёв, горных пород и залежей различных минералов охватывали прилегающие территории бассейнов реки Мезень и притока Вашка. В дальнейшем, в течение трёх лет сезонных полевых работ, мне удалось исходить этот западный уголок Республики Коми вдоль и поперёк.

Удорская земля меня не только поразила разнообразием природных богатств, где почти вся таблица Менделеева, но и своей национальной культурой, традициями, бытом, фольклором и, что не менее важным явилось сохранение до наших дней уникальной мифологии, легенд, старообрядчества в отдельных селениях. Надо отметить тот исторический факт, что становление самобытной этнографической группы удорцев охватывало довольно длительный период, а именно X-XVIII века. Местная топонимика показывает, что предки удорских коми проживали на значительной территории бассейнов рек Мезень, Пинега, Кулой, Северная Двина. До 1570-х годов в состав «Удорских земель» входила территория по реке Кулой (сейчас это Мезенский район Архангельской области) и до XVIII века, включая низовье реки Вашка, местное население говорило на коми языке.

Не раз в грамотах и писаниях священнослужителей в период христианизации населения, в XV-XVI веках, упоминались селения чуди. В те времена этот загадочный народ, скорее, как первообитатели на земле Удорской, проживал отдельно от коми и русских деревень по берегам вышеупомянутых рек, хотя впоследствии, к концу XIX века, чудь совсем «растворилась» на Европейском Севере. В разных источниках по-разному трактуют подобное «исчезновение» этой народности, но без всяких сомнений ясно одно – дух чуди остался и по сей день!

Каждый раз я стараюсь вновь и вновь пройти по старым маршрутам, прикоснуться к священным местам, знакомым до боли, ощутить таинственное прошлое и задуматься о будущем. А ведь сколько неразгаданных тайн таит в себе древняя земля! И каждый раз передо мной возникают новые образы, и какие-то колдовские, невидимые чары будоражат мои воображения и мысли. Желание поделиться своими познаниями, а также народными сказаниями и явилось первопричиной моей исповеди о тайнах чуди.

Верхнемезенские тайны

Там, где берёт начало река Мезень, сливаются два ручья, а ниже по течению выпадает таёжная речка Четлас. Это подножие гор Тиманского кряжа либо по-другому место именуется Четласским Камнем. Перед взором каждого очевидца открывается незабываемый гористо-лесной пейзаж по обе стороны извилистой голубой «ленты» верховья Мезени. Каждый поворот окаймлён либо скальной породой, либо галечным наслоением, либо валунной грядой с пенными бурунами. А в образовавшихся небольших заводях и в ямках величественно стоят отдельными косяками знаменитая мезенская царица-сёмга и не менее знатный обитатель чистейших вод — хариус. В солнечную погоду их серебристо-стальной окрас преломляется в толще голубой воды тысячами блёстков, и кажется, что первозданная среда обитания создана только для них. Но если внимательно всмотреться в дно, можно увидеть с десятков разных живых организмов и, в том числе, редких рачков, губок, моллюсков, водных насекомых. А какая удивительная береговая и прибрежная растительность!

Казалось бы, как такие растения находят питательную среду сквозь толщу песчано-галечного слоя, чтобы надолго укрепиться корневой системой. Среди лопухов, кувшинок, заячьей лапки, хвоща непременно чуть выше от воды встречаются отдельными колониями и золотой корень, и папоротники (мужской и пирамидальный), и мята полевая, и зверобой, и пион тридомный, а всего более семидесяти видов растений напочвенного покрова, причём, большинство являются целебными травами. И это неслучайно. Ведь десятки родников, ручьёв, а также речек питают серебристой водой главную артерию Удоры.

И можно представить моё состояние, когда сквозь заросли обильных солончаков на берегу речки Четлас с трудом определил нежные бутоны соцветий божелистника. Удлиненные, лопастные, бело-жёлтые лепестки только-только вытянули к свету головки, пытаюсь быстрее распустить-

ся. Но как бы то ни было, плотные, фиолетовые с зелёными крапинками чашечки терпеливо удерживали от преждевременного буйного распускания. По правде говоря, это воистину божественное растение цветёт всего одни сутки и именно в период июльского равноденствия. Не зря в старину говорили, что кто воочию узреет распускание бутона, тот получает божью благодать. Редчайшее растение имеет и другую особенность, его лепестками можно избежать порчу извне. Так или не так, но в известной степени существует тайное поверье местных долгожителей, что, благодаря изготовленному снадобью из этих лепестков, можно реально продлить свою жизнь. Я бережно притронулся к бутонам, но не посмел их сорвать. А как иначе? Внимательно рассматривая, заметил, как гибкий стебель от прикосновения покачнулся, а значит, любое живое имеет право на выживание.

Четлас, Четлас! Хоть и своеобразная речка со скальным оскалом, узкими порогами и бурлящими впадинами, а местами есть такие омутки, где пенящийся водоворот успокаивается до остывания и мягко разливается среди дрожащих лопухов. Искристая гладь воды лаковыми бликами замирает в ямах излучин. А редкие наклонённые над водой ивовые кусты как раз затеяют их покои. И вот там вырисовываются крупные мохнатые листья лучезарника. Распушившиеся цветы линияют розовым пухом в период цветения и их невозможно не заметить, хотя белые лепестки также быстро увядают, как их аналоги из семейства орхидей. Вообще, вся прелесть этих прелестных обитателей состоит именно в том, что способность очаровать привораживает не только внешней красотой, а ещё и специфичным запахом, отчего даже мелкие насекомые навсегда прилипают к пахучим клейким лепесткам. Увы!

В одном месте, как раз на крутой излучине, я заметил скальный выступ в виде козырька, а перед ним небольшой полукруглый вход. Пробравшись сквозь заросли можжевельника, оказался прямо напротив тёмной дыры. Ровная, небольшая каменная площадка позволяла свободно, пригнувшись, на корточках проникнуть вовнутрь, а буквально в двух метрах раскинулся чашеобразный тёмно-синий омут в диаметре не менее десяти метров. Странно, но я сразу предположил, что вход в скальную толщу – это бывшее жилище человека, а не логово зверя и не природное ваяние. Тем более, что края были обрамлены различными насечками, а до воды спускались две ступеньки, явно рубленные каким-то инструментом. Немного задумавшись, передохнул на ступеньке и всё-таки, наконец, решил заглянуть внутрь. Снял рюкзак. Достал маленький фонарик, включил свет и проник в эту загадочную пещеру. Картина, которая открылась перед глазами, поразила меня: белёсые, местами зеленоватые, но сухие неровные стенки витиеватыми тенями играли на свету, но за первым же поворотом очутился в большом каменном «мешке». Но откуда здесь дневной свет? Приглянувшись, оказалось, что освещённый с левой

стороны угол имел нишу, где стояла запылённая деревянная пирамидка. В центре зала выделялся обложенный камнями круг, то есть место костровища, что ещё раз подтверждало факт древнего жилища людей, ибо деревянная труха с остатками затверделых обломков напоминала о былой жизни. Прохладный, чуть застойный воздух, чем-то напоминал пресноватый вкус ягеля. Я тщательно пытался обнаружить ярким лучом фонарика хоть какие-то сохранившиеся предметы, либо символы и рисунки, но тщетно. Лишь несколько глиняных осколков, наверное, посуды, стали единственным утешением осмотра пещеры, да седая пыль старины на сапогах успокоили моё внутреннее волнение и воображаемые ожидания. Но при выходе наружу, в узком коридоре, неожиданно до боли цапнул правое колено. Рваная ранка, а скорее, только ссадина начала кровоточить, на что, честно говоря, даже не обратил внимания. И тут ощупом руки почувствовал какой-то острый зубец. Вытащив нож из ножен и ковырнув несколько раз это место, вытащил металлический наконечник, то ли от стрелы, то ли от дротика.

Что-что, но эта находка уже была радостью, которую, внимательно рассмотрев, сунул в карман куртки. А когда вылез из пещеры наружу и, оглянувшись, вдруг заметил, что следы мои светятся. Объяснений тому не было, и я спокойно уселся опять же на ступеньке у воды.

Ясный почти безоблачный день нежно задувал лёгким ветерком. Однако я вовсе не помнил, сколько времени сидел, а когда очнулся, солнце опустилось за верхушки высоких лиственниц и сосен. С испугу уцепился пальцами за каменные края и тяжело задышал. Через минуту выпрямился и огляделся. Но что это? Со спины на светлую гладь воды падали тени, похожие на людей!

Моментально, страх охвативший меня, поменял состояние до оцепенения – повернув голову, я увидел в двух шагах трёх стоящих бородатых людей в чёрном облачении и конусовидных головных уборах. Они смотрели вперёд и издавали не понятные мне звуки «чу-и, чу-и. чу-и!», а затем каждый поочерёдно выбросил на воду горсть мерцающих крошек, от которых тут же омут преобразился в жёлтый цвет. В следующее мгновение всплески оглушили меня, и больше я не помнил ничего. Хотя нет, мне казалось, что парил, как птица над голубой лентой речки, а потом...

Всё пережитое я осмыслил только тогда, когда очутился по пояс в холодной воде и вдали от этого места. Светлые ночные сумерки напоминали о ночлеге под пологом вековых елей, но самое обидное было то, что я лишился рюкзака с вещами и продуктами, а ещё спичек, которые промокли. Скрючившись калачом и дрожа от холода, я с трудом уснул в обнимку с извилистым корневищем.

Дивное июньское утро с тёплыми воздушными волнами, туманной плавающей пеленой над водой, смолисто-хвойными духами разбудили меня чуть раньше восхода солнца. Ещё влажная на мне одежда продолжала парить, хотя от этого не было легче и так хотелось тепла. Чтобы согреться, я побежал, насколько это было возможно. Только через три-четыре часа я вышел на какую-то лесную избушку – полуземлянку. Жилище имело совершенно жалкий вид: прогнившая крыша с одной стороны уже рухнула, со стороны входа фасадная часть осела на бок. Входная дверца, хоть и с трудом поддалась, позволила мне протиснуться в проём. Внутри пахло прелостью, но главное, курная полуземлянка могла обогреть теплом, тем более что на полочке я обнаружил в теске огниво. Уже через полчаса огонь плескался в каменухе, а я только подбрасывал сухие ветки. Причём, на стене, случайно нашёл рыболовный крючок. Осторожно подточив камушком огнива жало крючка и распустив из полы куртки нити, всё-таки сумел сделать снасть, пусть примитивную, но очень необходимую. Я настолько был голоден, что был готов сожрать любую мелкую тварь, но только не мышей. Срезав удилище из поросли черёмухи и нацепив на крючок личинку короеда, я даже не делал повторных бросков, ибо хариус такой же голодный, как и я, жадно хватал приманку. И только после того как утолил жажду голода из пяти печеных рыбин, успокоился лёжа на полати. Тем более что к тому времени одежда высохла, и я, довольный, дальше отправился в путь.

По моим прикидкам до базовой избушки осталось где-то пятнадцать километров, и я так воспрял духом, что, улыбаясь, спускался вдоль Четласа, напевая свою любимую песню:

«Когда весна придёт, не знаю,
Пройдут дожди, придут снега.
А ты мне улица родная,
И в непогоду дорога...»

И вдруг передо мною возникла довольно высокая каменная гряда. Настроя обойти подобное препятствие не было, поэтому решил преодолеть напрямик через валуны.

Запахавшись, всё-таки достиг вершины, и лишь тогда сумел охватить взором панораму бескрайних просторов вокруг себя. Таёжное «море» в синей дымке огромными валунами уходило далеко за горизонт, а скальные зубчатые пики светились в лучах солнца. Заворожённый увиденным, я, затаив дыхание, как будто растворился в пространстве и в какие-то мгновения забылся, где нахожусь. И, видимо, невольно

шагнул вперёд, но каким-то чудом удержался на ногах, чтобы окончательно не скатиться вниз по камням. «Да вот же она, северная жемчужина! Во всей красе! – подумал, но побоялся крикнуть. – Господи! Как мало нужно человеку для счастья!»

И действительно, окунувшись в эту звонкую синь, ощутил безумное удовольствие, а невидимые лучи со всех сторон пронизывали меня, придавая мне силу и бодрость. Не чувствуя усталости, за полдня я добрёл до своей базовой избушки и, когда уже вышел к устью Четласа, заметил, как из жилища через дымоход и приоткрытую дверь валит сизый дым.

«Хм! Да у меня гость? – удивился я про себя. – Если рыбак, то должна быть лодка, а её не видно. Охотник? Но сейчас не сезон охоты!»

По каменистому берегу я поднялся наверх и, подойдя к двери, громко окликнул: «Здравствуйте! Есть кто внутри?» Выждав некоторую паузу, распахнул дверь настежь и, пригнувшись, вошёл внутрь. В каменке догорали дровишки, а внутри нехитрое убранство было прежним, вернее так, как я оставил доселе. Лампа на подоконнике, мешок с провиантом подвешенный на верёвочке, плащ и полевая сумка на гвоздике, миска. Котелок и кружка – в общем, все предметы были на месте. Вокруг избушки я также не обнаружил ни следов, ни каких-либо иных признаков посещения. Честно говоря, на тот момент я был уверен, что загадочный гость в конце концов объявится, пусть даже вечером. А пока разжёл костёр, сварил густой суп, напоминающий кашу, приготовил чай с чагой и брусничным листом, плотно покушал и завалился кемарнуть на полати. Однако, от усталости так расслабился, что проспал до двух часов ночи. Вот тогда-то, когда проснулся, я и впал в раздумья, ибо за последние полутора суток со мной произошли слишком странные приключения. А может, случайно вторгся в святые места древних чуди? Испытывая неугасающее волнение, прогулялся по мезенскому берегу. Любовался игривой водой, редким бултыханием величественной сёмги, плеском хариуса, ночными всполохами за горизонтом, а между тем белая июньская ночь медленно засияла на востоке робкими лучами восходящего солнца. Конечно, спать уже не хотелось, и я снова у горящего костра упивался горячим чаем. Кругом щебетало, клокотало, пищало, шуршало, звенело и в этой живой, завораживающей атмосфере мне было легко и радостно. И неожиданно со спины над головой стрелой пронёсся сокол. Сначала я не придавал значения, но, когда через пару минут птица опять чуть не протаранила меня, появилось любопытство с чувством предосторожности. И оказалось, не зря! Очередная атака сокола была уже не безобидной, так как острые когти оставили ссадины на голове. После шестого по счёту нападения

птица молниеносно взмыла вверх, а потом замертво шмякнулась к моим ногам. Но что самое непонятное – она в один миг обуглилась, испуская неприятный жжёный запах. Я опешил, вскочил с места, инстинктивно пнул тушку носком сапога в сторону догорающего костра. «Да что же это происходит?» – сверлила мысль в голове, не давая покоя. Затем быстро, быстро подбросил хвороста в огонь и сжёг нечистую мерзость.

А ещё через сутки, закончив описание пробных выемок, я покинул этот дикий, но сказочный и опасный уголок с неоднозначными ощущениями. Мой маршрут пролегал вниз по реке Мезень и, судя по карте, предстояло преодолеть 25 км до следующего участка исследования. Надо сказать, что, потеряв рюкзак и часть необходимых вещей на Четласе, сейчас всё снаряжение и продукты я тащил в мешке, к которому приделал лямки из поясного ремня. Уверенно шагая привычным ходом, где-то напрямую пересекая излучины быстрой реки, а где-то по каменистому берегу, пока не упирался на отвесные скальные стены. В одних местах сосновые боры подступали прямо к воде, а в других – густые ельники с можжевельновыми кустами представляли непроходимые заросли. Что интересно, высоко в небе над головой постоянно кругами парил огромный орлан белохвостый, как будто сопровождал меня, оберегая от возможных опасностей. На каком-то промежутке пути изрядно уже уставший, умываясь от пота, решил выбрать подходящее место для отдыха и когда вышел на пологий берег, услышал какой-то глухой шум. Прислушался и догадался, что где-то впереди, недалеко грохочет вода: «Ага! Либо завал, либо водопад! Ну, посмотрим, что там». Минут через пятнадцать с бугорка увидел створ реки, облачённый клубами воздушно-капельной массы. Ещё ближе подойдя к обрывистому берегу, ему открылась поразительная картина.

Скальные пластовые наслоения по обе стороны реки, как сторожевые башни каменной крепости, возвышались зубчатыми пиками, а посередине русла выделялся огромный валун, чем-то напоминающий медвежью морду, от которого полукругом вырисовывался выступ высотой до двух метров. Зауженный участок массивному потоку воды придавал ещё большее ускорение, отчего широкий слив преобразался в настоящий водопад. Падающая сверху вода шумела, грохотала, бушевала, создавая сплошную полосу пузырящихся пенистых бурунов. В лучах солнца над водопадом висела радуга, а над рябью голубой воды стелилась лёгкая пелена тумана. Признаться, такого зрелища на Севере я не видел никогда. К тому же, некий шарм этой изящности

придавали строчкой вытянувшиеся прибрежные молодые, светло-зелёные лопухи на длинных стеблях и по соседству цветущие белолепестковые водоросли – «водянки».

Сначала я спустился к воде, снял одежду и умылся по пояс. Затем зачерпнул котелок студеной воды и не спеша обратно поднялся на крутой берег.

Лёжа, распластавшись на белом ягеле, закрыв глаза, я не мог надышаться свежестью воды, воздуха, земли, ибо почувствовать себя в единой гармонии с девственной средой и есть высшее блаженство. Закусив на дорогу и сделав краткую запись в блокноте об этом дивном месте, вынужден был идти дальше.

Думаю, читателю необходимо пояснить то обстоятельство, почему я один? Дело в том, что мой напарник, техник Виктор Прохоров в силу исключительных причин остался на нашей геологической базе в местечке «Пöлянин стан» и по расчётному графику мы должны с ним встретиться в местечке «Мича Ичмонь», а это ещё почти полсотни вёрст от моего местонахождения. Поэтому и приходилось не только камеральные работы проводить одному, но и химический анализ почвенных слоёв, описание пробных выемок и минералов. Честно говоря, я уже не укладывался в сроки и когда добрался до исходной точки после небольшого отдыха, соорудил шалаш, а сверху натянул плащ от дождя. И кажись, вовремя! Через полчаса тяжёлые свинцовые тучи под порывом ветра окончательно заволокли небесный свод. Тотчас поднялся гул, заглушая скрип вековых деревьев. Тайга застонала и задышала тяжёлыми хрипами. Изредка с треском на землю то тут, то там падали обломки сухих сучьев, а веер хвойных иголок, лишайниковых хлопьев вихрем кружились в воздухе. Но вскоре, к удивлению, непогода утихла, и я выглянул из шалаша наружу. Однако, никаких просветов на небе не заметил, зато на противоположной стороне реки появилось жёлто-зелёное свечение, которое расширилось на глазах и вширь, и в длину, а цветность постепенно приобрела фиолетово-голубой оттенок. Как мне показалось, размеры атмосферного цветного «экрана» по высоте, от воды кверху, и по ширине на фоне деревьев достигали примерно соответственно шестьдесят и сто метров. Поразительно, но слой свечения колыхался в трёхмерном изображении, по крайней мере, так воспринималось сознанием. Даже хотелось поверить, что это некая живая субстанция. Напряжённо всматриваясь выпученными глазами, я вдруг увидел полное сходство с речным пейзажем. «Господи! Речное отображение, как в зеркале! – чуть не воскликнул от сделанного открытия и присел на корточки. – Как же я сразу не догадался? Но каким образом, откуда? А может мираж?»

И я смотрел, смотрел, смотрел.... Закрывал глаза и снова открывал... созерцал, любовался и фантазировал. А отражение речной синевы словно заколдовало меня, ибо не понимал в каком состоянии нахожусь: то ли в трансе, то ли в глюках.... Тихое блаженство уводило куда-то от реальности. И вдруг вновь я воочию увидел, как на глади воды появились знакомые тени людей в чёрном облачении и конусовидных шапках. Не помню, сколько их было, но точно помню, как мне стало легко, что снова полетел. Честно признаюсь, хотел этого потому, что недавние события были, по меньшей мере, крайне экстремальными. Хотя осознавал своё положение, а что-либо изменить был не в силах. Какая-то другая неведомая сила заставляла меня подчиняться по иному сценарию.

Раскинув руки, полёт над рекой оказался благополучным, так как небо неожиданно озарилось светом, и тёплый поток воздуха опустил меня прямо на галечный выступ. Оглядевшись, тут же заметил, что на месте речного отражения образовалось огромное облако тумана, которое медленно исчезало на вершинах близ лежащих лесистых бугров. Пожалуй, впервые тогда я понял, что древний дух чуди жив!

Впоследствии много раз вспоминал первые ощущения загадочных контактов с древней билью о чуди, но никогда не жалел об этом. Может быть, поэтому в памяти моей сохранились только яркие подробности. И, кстати, не позволял вольности придумывать в своих былых записях излишние фантазии. Хотите верить, хотите нет.

Как-то раз во время выемки грунтовых проб, я спускался с местечка «Кутш поэзя» вниз по левому берегу Мезени. Надо отметить, что это то место, где заканчиваются скальные возвышения и постепенно рельеф сменяется «чистыми» сосновыми буграми. До избушки оставалось ещё около шести километров, как на одном желтовато-охристом плёсе заметил семь крупных силуэтов птиц. Когда подкрался ближе, чётко различил древних лесных красавцев – глухарей. Конечно же, я видел их и раньше, но таких нет. Красная вечерняя заря озаряла их гордую осанку оранжевым свечением, а фиолетово-лаковое оперение придавало благородную величавость. Не знаю, сколько минут я наблюдал за поведением птиц, но они то ускоряясь, то замедляя ход, бормоча и цокая, вытанцовывали круги, как будто исполняли некий ритуал. Однако время неумолимо торопило меня двигаться дальше, и я вынужден был нарушить тишину. Закинув тяжеленный рюкзак за спину и взяв в руки бур, удалился за склон бугра. Потом были и другие забавные встречи с медведицей со всем её семейством, выдрой, рысью..., но только поразительный глухариный танец остался в моей памяти как на ладони. Спустя два года со мной произошёл совершенно невероятный случай, который тут же напомнил о былом ритуале благородных, гордых лесных птиц.

Итак, летняя ночь застала меня в местечке «Мича Ичмонь» (ниже от местечка «Кутш-позья» 36 км). Несмотря на чувствительную усталость, белая ночь с полнолунием не давали шансов уснуть крепким сном. Упёршись спиной к сосне, полулёжа в дремоте, я молча поглядывал на тлеющие красные угольки костерка и безмятежно думал о завтрашних планах. Голубой свет освещал спереди высокий, крутой берег и видимый край излучины реки. Вдруг услышал какие-то протяжные убаюкивающие звуки, похожие на человеческие голоса в хорошем исполнении песнопений. От неожиданности я сначала оцепенел и напряжённо некоторое время прислушался. Преодолев испуг, крадучись, медленно подошёл к краю обрыва и, присев на корточки, посмотрел вниз, откуда доносились странные звуки. А там!

У самой воды около двух десятков людей ходили по кругу, вытянув руки перед собой с полусогнутыми локтями. Мужчины в чёрном одеянии, а женщины в белых балахонах явно совершали какой-то обряд. Трудно было поверить глазам, но я отчётливо разглядел их смуглые лица, светлые глаза, чёрные волосы, чёрные бороды с проседью у мужчин и яркие ожерелья на шее женщин. Как только улюлюкающее пение закончилось, люди вошли в воду и исчезли. И лишь небольшие круги волн, светящиеся зеленоватым цветом, плавно разошлись до середины реки и пропали из виду.

Изумлённый и потрясённый увиденным и услышанным, встал во весь рост и огляделся. Вокруг было тихо и светло. А в голове будто просветлело, и как тут было не вспомнить слова старого охотника из Пыссы, деда Афанасия: «Вода символизирует жизнь! Вот поэтому древние люди-чуди верили своему Богу – Богу Воды и не приняли христианство, как веру невольную..., но душу, освящённую чистой водой, сохранили».

Честно говоря, размышляя о смысле человеческого бытия, сам невольно задаюсь вопросом: «Если каждый человек волен сам выбирать веру, то в чём истина...? Да-а, человек силен и непобедим только верой».

Хотя в давние времена племена чуди жили отдельными селениями от удорских коми-зырян, они сосуществовали мирно, ибо верование было близким по духу человеческому. Удорские коми поклонялись Богу Солнца, и это не противоречило совместному природопользованию, так как в основе своей этнотерриториальные жители края Природу-кормилицу считали единым Богом, единым Спасителем.

Ещё в 1293 году князь Ял привёл своё племя чуди на это благодатное место (ныне местечко «Мича Ичмонь») ибо выбрал самую высокую лесистую гору на берегу верховья Большой реки (река Мезень). Долгий и тяжёлый путь по звериным тропам на вьючных низкорослых, но выносливых лошадях завершился всё-таки не без людских потерь. Однако новое место обитания, богатое рыбой, дичью и зверем, вселяло уверенность в завтрашнем дне. Мужественные

люди, одержимые силой веры и стремлением выживать в суровых условиях, сумели не только обустроиться по старинке, но и вводить разные новшества. Даже по результатам наших почвенных проб было установлено, что на глубине 0,5 метров обнаружена деревянная конструкция крепостной стены. Проще говоря, двойная столбовая защитная ограда вокруг жилищных и хозяйственных построек, находящихся внутри. Причём, по окружности – ров с водой, сливные каналы с задвижками, подземные выходы за пределами крепости и замаскированные ямы-ловушки с заострёнными кольями по периметру. Подобного рода фортификационные сооружения позволяли не просто защититься от внезапных нападений хищных зверей, но и от разбойников, и лесных пожаров. Кроме того, уже в то время чуди использовали самодельные лампы-светильники, а в качестве горючего сжигали топлёный животный жир. В части, касающейся земледелия, возделывали лён, рожь и ячмень. Но самое главное, умели сами добывать железную руду, золото, алмазы, кварц, горючие сланцы и выплавлять металл. Об этом свидетельствуют обнаруженные земляные копи, орудия труда, подземные лабиринты и спектральный анализ образцов пород, останков украшений и других предметов быта.

Вообще, на мой взгляд, есть все основания полагать, что чуди, как народность – есть восточные переселенцы, ибо, судя по их знакам, оставленным на глиняных и берестяных письменах, они схожи с индо-языком. Хотя, это всего лишь версия. И, что не менее странно, ведь чуди как-то общались с коми и русскими поселенцами, и это также есть факт. Ну что ж, оставим этот вопрос науке, а сами снова окунёмся в загадочный мир прошлого.

Итак, однажды князь Ял собрал у священного столба своих глав семейств и объявил следующее: «Большая река оберегала нас много лунных колен, но всё чаще другие Боги (люди другой веры) посещают наши владения и этим нарушают покой воды. У нас умирают от болезней наши братья, сестры, дети. Чужой дух тревожит наши души. По святыням нашим, я обрекаю себя остаться здесь до конца жизни. Бог воды ниспослал нам оберег спасти род наш, ибо по воде ниже братья наши. Идите и оберегайте святыни во имя истины живой воды! Благословляю вас и ныне, и присно!»

Возрадуйтесь ради святилища да душах онных, земных и водных!»

Напутствие князя Яла сородичи восприняли неоднозначно: кто-то высказал мнение дать отпор пришлым, кто-то предложил вместе покинуть обжитой край, а кто-то пожелал остаться здесь со своим благодетелем. Но решение князя было окончательным и беспрекословным.

Так князь Ял обрёк себя и княгиню Юл со своим семейством на самые тяжкие испытания. Через неделю сородичи покинули крепость и на плотах и лодках стали спускаться вниз по реке. Осиротевшая семья ещё год обитала в крепости после кончины Яла – главы семейства. В ночь полнолуния его дети – два сына и дочь – держась за руки, уйдут в иной мир путём

утопления в реке. Мать, убитая горем, будет блуждать в лесах, где до сих пор можно встретить её образ.

И это правда! Да, да! В это невозможно поверить, но по рассказам старых охотников, княгиня Юл в белом одеянии до сих пор странствует в беломошных бескрайних сосняках в верховье Мезени. Не только бывалые охотники встречались с ней, но и я имел случай один раз встретиться с ней. Созерцаемая и осязаемая, белая женщина околдовала меня не просто своими чарами, статью, красотой, а главное, какой-то волшебной притягательностью и благодатью, отчего я до сих пор испытываю чувство благодарности и благоденствия. И мне всё равно, если кто подумает либо посчитает это мистикой.

А ведь всё произошло довольно обыденно.

Было раннее утро, когда местные рыбаки после ночлега в избушке попрощались со мной и отчалили на деревянной набойной лодке от берега. Я ещё раз помахал им рукой и присел на камень, любуясь озарённым горизонтом. Восход солнца успокаивающе ласкал моё заросшее щетиной лицо, но продолжал бодрить мягким туманом. На радость бабье лето изо дня в день баловало меня своей очаровательной щедростью и теплотой. И я так старался насытиться осенним благоуханием, что даже во время текущих регламентных работ зачастую филонил в тихую тёплую погоду, отвлекаясь то на «горящую» листву, то на шумное ликование стай хохлатых дроздов-рябинников, то на скученные шарообразные полчища мошек под пологом вековых елей, то на брусничные подушечные бугорки, налитые красной ягодой...

Как-никак, но от воды тянуло холодком, почему и вскоре, изрядно озябший, поспешил в тёплую избу. Рубленый почерневший сруб чем-то напоминал старинный амбар с козырьком, хотя приземистое жилище с двумя небольшими окошечками явно отличалось печной трубой и невысоким основанием.

Да, кстати, возможно вздор, но в этот день должен был прибыть на лодке мой коллега, техник Виктор Прохоров за образцами грунтов и материалами. Другой бы радовался, что полевой сезон закончился, а я как-то сейчас не думал об этом и не имел, честно говоря, никакого желания покинуть это место, будто что-то меня сдерживало. Практически три недели, проведённые в этом глухом уголке, нисколько не тяготили меня и главное – не ощущалось усталости. В углу жилища нагромоздились наполненные лотки с образцами, на стене висел выпуклый планшет с рабочими документами и отчётами, схемами пробных площадок и абрисами маршрутов, на горячей плите печки всё ещё парили котелок и чайник... Разлёгшись на полати и укрывшись наполовину короткой стёганой фуфайкой, я тихо задремал, утопая в глубине сонливости. Я уже не чувствовал, как тепло разлилось по всему телу, но внутренне ощущал некий знакомый запах воздуха и лёгкость.

В какой-то момент непонятная сила воздействия помимо воли заставила открыть глаза. Отчётливо осознавая своё положение, я также отчётливо увидел перед собой женщину в белом одеянии, сидящую на скамейке. Её длинные распущенные белые волосы ровно покрывали плечи и свисали ниже груди, а сине-голубые глаза пронзительно изучали меня. По крайней мере, так показалось. Однако взгляд обдал холодом, отчего сначала мне стало не по себе, но чем дольше я смотрел, тем больше терял самообладание. Сознание будто помутнело, и так захотелось её обнять, поцеловать, то есть я был готов на совершенно решительные поступки как мужчина. А может это сиюминутная страсть? Да нет же, нет! В этом и загадка, ибо до сих пор уверен, что сила женских чар, а может привороты, безгранична и всеильна. Признаться, впоследствии я ощутил высочайшее блаженство и от ощущения привлекательных форм женского тела, и от взаимного физического удовольствия, и даже от собственной всецелой покорности. Казалось вот оно счастье!

Как ни странно, ранним утром мы вместе купались с ней в реке, но как только появилась за поворотом лодка, моя ненаглядная таинственно исчезла.

Охваченный страхом и растерянностью я на какое-то время потерял дар речи. И когда Прохоров тряс меня за плечи и громко кричал, пытаюсь понять моё состояние, я сам ничего не понимал и не соображал.

К вечеру постепенно я оклемался и пришёл в себя. Испуганный коллега потом то ли всерьёз, то ли в шутку долго ещё считал меня свихнувшимся. Стыдно признаться, но я и сегодня мечтаю встретиться с таинственной лесной незнакомкой. Хотя, почему незнакомкой? Не знаю, как бы сложилась тогда моя судьба, если бы вовремя не прибыл мой товарищ и спаситель Виктор Прохоров. Честно говоря, иной раз и сам сомневаюсь, что такое со мной произошло.

Вообще, полевые работы – это тяжёлый труд не только на выносливость, терпение, умение, а это, скорее, некое состояние человека, как специалиста своего дела, который практически в экстремальных условиях постигает уроки самовыживания и скрупулезно, через тяготы и лишения, добросовестно, без нытья выполняет необходимые производственно-исследовательские задачи. Проще говоря, искатели – бессребреники на пользу Отечеству! Хотя, что греха таить, раньше я считал не совсем так, ибо романтика и риск захлёстывали порой полезные эмоции, видимо, поэтому ещё не раз попадал впросак из-за своей глупости. Но была искренняя вера и преданность своей профессии, которые и определили мою дальнейшую судьбу.

Итак, в пожелтевшем, изрядно истрёпанном блокноте обнаружил еле различимые записи, сделанные карандашом о Мезенской Ёлве. Воспоминанию содержание текстовок трудно поддавались, но когда прочитал о «Плачущей» горе, будто ёкнуло в сердце: «медведь с мед-

вежатами», «бубен», «вывих ноги», «голубоглазая девочка верхом на лошади»... Да, было, было ...

В семнадцати километрах вверх по течению от устья речки Мезенская Ёлва среди череды крутых лесистых бугров, подступающих к воде, затерялась небольшая каменная ложбина, от которой змейкой вытекает подземный ручей. Казалось бы, ничего особенного. Подобных светлых уголков природы на Удоре немало. Но что поразило?

Когда я под пологом шатровых пихт разбил палатку и обустроил свою временную стоянку, стал замечать странные явления, происходящие вокруг выбранного места. Во-первых, с наступлением темноты в первую же ночёвку заметил по периметру ложбины некое точечно-прерывистое свечение на земле. Однако, подойдя ближе, святающиеся пятна медленно исчезли, как будто затухли. Бело-матовый свет мне напомнил свечение фосфорных камешков на циферблате наручных часов Прохорова. Немного оправившись от волнения, я поднялся на бугорок, чтобы лучше обозреть контуры свечения и нарисовал карандашом увиденное. Получилось изображение почти ромбовидной формы. И тогда меня осенило: «А не может ли это быть каким-либо древним сооружением? Допустим, жилищем людей с крепостной оградой да тех же чуди, в конце концов!» Утром складной лопатой я попытался отрыть небольшую траншею именно на линии свечения, но, увы, кроме зольного слоя толщиной в палец, ничего примечательного не обнаружил.

«Итак, что имеем? Первое – свечение в тёмное время суток, второе – отсутствие фундамента, третье – наличие зольной прослойки, четвёртое – подземный холодный ключ, пятое – ложбина не зарастает древесными породами, судя по контуру свечения, имеет чётко выраженную границу, – размышлял я, пытаюсь проанализировать ситуацию. Шестое – воздушная среда однородная, без признаков посторонних запахов, седьмое – почва подзолистая, иллювиальный слой плотный... Эх! Сейчас бы радио-замеры сделать да пробный химический анализ почвы! По крайней мере, здесь никакой опасности для себя не вижу, и то хорошо. Ладно, пора своими изысканиями заниматься, а то и за неделю не успею».

Вечером после обхода участка по квартальной просеке я еле добрёл до своей «берлоги» и обессиленный рухнул. Через полчаса, очнувшись от усталости, сначала утолил жажду в ручье и лишь после этого принялся разжигать огонь. Маршрут оказался тяжёлым: буреломы и крутые лесистые бугры отобрали все силы. И сейчас, когда уже расслабился, чувствовал дрожь по телу. Обезвоженный организм требовал определённого времени для восстановления нормального состояния. А тут ещё комарьё и мошкара надоели как никогда. Короче говоря, настроение угнетённое, и единственное желание было скорее напиться горячего сладкого чая.

Снова побрёл к ручью, чтобы набрать в котелок и чайник родниковой воды. Неожиданно мой взгляд упал на округлый предмет, который блестел на галечном дне в двух шагах от меня.

Без всякой мысли забрёл в ручей и, наклонившись, нащупал его рукой, пытаясь достать со дна. Округлый камнеподобный предмет не поддавался, пришлось немного отрыть по бокам. Но когда извлёк, признаться стало не по себе – в руках я держал человеческий череп! Опешив, так крепко вцепился пальцами за края, что не мог их разжать, пока не открылось дыхание. «Господи! Свят, свят! – перекрестился я и бережно положил находку на гальку. – А может, святящиеся точки также черепа? Допустим, древние жертвоприношения либо своеобразные захоронения?» Да что уж там думать или предполагать. Я вычистил, вымыл от песка черепушку и без задней мысли занёс в палатку. После позднего ужина смиренно уснул вопреки ясному осмыслению, в каком месте я прибываю. Пожалуй, кульминацией стал завершающий день изысканий. Впрочем, всё по порядку. Затянутое небо сплошным тёмно-серым полотном хмуρο стонало редкими птичьими голосами, вялыми порывами западного ветра и дышало влажным воздухом. Уже как два часа я с трудом преодолевал заросли ивняка по берегу речки и, наконец, вышел на крутую известняково-скалистую стену, которая «подковой» огибала излучину протяжённостью, эдак, на метров восемьдесят, не меньше. В трещинах и мелко испещрённый временем, ветрами, дождями её цельный фасад, будто держал передний край от разрушений вокруг прилегающих творений природы. Причём, посередине «подковы» выделялась выпуклая «щека», по которой, как из глаз, двумя струйками непрерывно текли прозрачные «слёзы». Плачущая гора, видимо, имела некий смысл для каждого проходящего мимо, ибо у подножия была небольшая куча покрытых налётом камней, явно сложенная руками людей в знак признательности Чудесам природы. Малая вода в речке позволяла мне боком пройти до конца стены, где заметил еле различимые замшелые разные насечки на гладкой каменной плите. Как сумел, затем подчистил кончиком лезвия ножа неровные борозды и срисовал в блокнот, почему мне и известна вся надпись в виде знаков. Вот она: «dnt». Конечно же, подобные символы мне ни о чём не говорили тогда и сейчас, также не знаю разгадки. Но, известно одно, что любые знаки на камнях высекали не спроста, а по каким-либо значимым событиям или увековечивая святилище. И очень жаль, что в то время у меня не было фотоаппарата. Кстати, впоследствии много раз приходилось только вздыхать от безвыходности запечатлеть прекрасные и таинственные мгновения.

«Яма чуди»

Судьба остальных чудей из племени Яла почти два столетия имела своё продолжение без каких-либо трагических последствий за исключением одной общины, которая выбрала своё пристанище между нынешними деревней Кучмозерье и селом Глотова (от местечка «Ми-

ча Ичмонь» Вниз по реке Мезень 197 км). Глава общины Нил как старейшина не случайно отделился от остальных сородичей, ибо случай тому стал волей выбора. Его сын увидел свечение на бугре, где звезда с небес упала на землю. Люди на этом месте возвели жилища как раз перед наступлением холодов около незамерзающего подземного источника. Междуречье притока р. Ирва и Большой реки (р. Мезень) позволяло без особых усилий пережить первую зиму, так как обитатели вовремя сумели запастись и оленьим мясом, и рыбой, и жиром, и зерном, и ягодами – грибами, и лечебными травами – кореньями. Характерным для чуди тех времён жилищем были полуземлянки со смежными помещениями и запасным выходом, широкие печи с трубой и «змейками» внутри сохраняющими тепло. С южной стороны располагался встроенный хлев и сарай, с северной – погреб и чулан. Помимо этого, сообщающиеся ходы и система вентиляции в условиях компактного обустройства позволяли обитателям в случае необходимости легко перемещаться внутри, не выходя наружу. Отдельно на территории общего двора был «мытник» (баня), где в определённый день последовательно сначала мылись мужчины, а затем женщины с детьми. Кстати, в такой «чистый» день все работы, кроме неотложных хозяйственных, отменялись. И вообще, житие планировали по особому природному календарю, а это означало, что между полнолуниями в зависимости от сезона года выполнялись необходимые трудовые и промысловые занятия.

Существовал и периодический ритуал очищения души от скверны и болезней, посвящения брачных союзов и в охотники, омование новорождённых и усопших, а также обряды восхваления за труды полезные и приношения растительных, животных даров Богу воды. Чуди отличались и дисциплиной, и уважением друг к другу, и почитанием старших, и верой единой, и волевым воспитанием сызмальства – на этом строились традиции и культура. Причём, сложившаяся иерархическая структура в общине выстраивалась по возрастной категории глав семейств из числа мужчин-наследников, хотя бывали и исключения по причине смерти, немощности либо грубого нарушения устоев общины. Каждая община имела свой родовой знак, и каждая в ней семья – свой символ в этом знаке.

Итак, для обитателей общины Нила наступила первая весна на новом месте. Ещё не везде снег сошёл, а люди уже готовили выбранные подсеки, где выжигали лес под пашню. И стар и млад вносили свой посильный вклад в общее дело: кто из ивовой лозы плёл корзины, кто из бересты и капа изготавливал разную утварь, а кто – лодки-долблёнки и рыболовные снасти. Но после завершения посевных работ над поселением чуди стали происходить непонятные явления. Почти каждую ночь сверху громкие раскаты грома с молниями разрывали небо, и на жилища сыпались тысячи огненных искорок. И так продолжалось сорок семь раз, то есть ровно столько, сколько было лет отроду старейшине Нилу. Тогда глава общины собрал всех своих сородичей и объявил:

«Кара небесная против нас, а скорее, против меня. Тёмный дух зла преследует нас и не пускает в чистую обитель благодатной Природы. Большая река принимает нас достойно, но силы небесные против. И то, что я поверил знамению небес, когда упала звезда, это моя ошибка. Поэтому каждый вправе высказать своё мнение».

Мужественный, коренастый, смуглолицый бородач, пожалуй, впервые позволил себя показать перед другими слабым и растерянным. Люди с тревогой и надеждой смотрели на своего благодетеля, но упорно молчали. Тогда, после долгой паузы, встал старший сын главы общины Чу и с поклоном ко всем присутствующим попросил слово. Отец молча кивнул головой. «Я виновен во всех бедах, ибо я первым увидел падающую звезду. И моя просьба отпустить меня с семьёй на Большую реку, чтобы найти свою обитель и пристанище. В семье моей двое сыновей вольного возраста, которые будут моей опорой. Кроме того, я не претендую на наследие. Я поклоняюсь Отцу своему и всем соплеменникам за доверие ко мне, и пусть долги наши останутся со мной, тогда и милость небес вернётся ко всем», – Чу закончил свою речь и поклонился. Никто не ожидал такого поворота событий, и только Нил, также неожиданно для всех, дал согласие.

Через три дня вся община проводила семью Чу в неизвестный путь. И действительно, гром и молнии не пугали больше людей много-много лет, а именно до той поры, пока не появились другие соседи – вымские коми крестьяне. Новые переселенцы обустроили недалеко свои селения. На берегу Большой реки ниже по течению построили Глотово-Слободку, а на реке Ирва – деревню Кучмозерье. Хотя уклад жизни коми жителей несколько отличался от чуди, их объединяло единство с окружающей природой. Гордые чуди не общались с коми-зырянами, но и зла не держали даже, когда их пути пересекались во время охоты и рыбалки. В те времена коми тоже были язычниками и почитали своих богов. Однако трагическая судьба общины чуди надолго осталась в памяти удорян. Однажды ночью небесные силы так разгневались, что небывалые раскаты грома и яркие молнии потрясли всю округу. Огненные стрелы безжалостно пронзили жилища, и весь двор был объят пламенем. Испуганные люди спрятались в подземном помещении и оказались заживо погребёнными. Не выжил никто. Из ближайшей деревни Кучмозерье уже утром пришедшие жители увидели страшную картину. Дым и пепелище, огромная яма и чей-то глухой стон, доносившийся из-под земли, говорили о конце света для чуди. До сих пор местные люди называют это место «Ямой чуди».

Два дня мы с Прохоровым на вёслах спускались вниз по Мезени. Позади, вместе с базой экспедиции, остались и приятные воспоминания о бане по-белому, чистой постели, борще по-домашнему... За три дня отдыха мы не только набрались сил, а пополнили продуктовый запас, узнали свежие новости, уточнили план дальнейших изысканий, обновили снаряжение. И сейчас

легко, с хорошим настроем на ходкой деревянной лодке за поворотом, судя по карте, ожидали местечко Шёрёзын с приметным бугром.

«Ну что, Витя, устроим ночлег прямо здесь на берегу, уж больно это место глаз радует, – как только причалили, тут же я предложил товарищу. – Хотя отсюда деревня Кучмозерье всего в трёх верстах, но некогда гулять. У нас с тобой до утра трассировка маршрута, съёмка. Ну, посмотрим, что за местность. Да и выбрать надо, где застолбиться».

«Иваныч, давай пока не о работе, – откликнулся Прохоров, устанавливая палатку. – Я так хочу жрать, что сил нет! Давай горяченькое что-нибудь, а то костёр уже догорает и вода в котелке выкипела».

После вечерней трапезы в разговоре Виктор высказал интересное наблюдение: «А знаешь, Иваныч, вот где бы мы ни останавливались, я имею в виду прибрежные участки, везде скрипят только самые крупные деревья. Вроде бы ничего удивительного, они перестойные, с возрастом одряхлели, но если ты заметил, именно в этих местах уровень перспективных почвенно-минеральных пластов самый высокий. А сейчас слышишь? Ветра почти нет, а скрипы есть и где-то рядом».

«Да, есть какая-то закономерность, ты прав, – согласился я и добавил. – И особенно в брусничных типах лесных массивов, где и бонитет состава, и плотность древостоя выше. Удивительные девственные леса! Недаром сланцы, кварц, бокситы, гранит, мрамор, золото прямо на поверхности земли. Бери – не хочу! Эх! Нам бы ещё научиться пользоваться, а то научились только грамотно изведать. Вить, но скажи, ведь предки все эти земные богатства сохранили для будущего, а где благодарность взамен?»

Ещё какое-то время между разговором любовались плесканием хариуса на тёмной речной глади и лишь потом залезли в спальники.

Через день мы перенесли свой скромный лагерь в глубь леса, где и разбили палатку возле небольшого ручья, который вытекал сверху с бугра, вероятнее всего, с родников, ибо в округе поблизости не было ни болот, ни озёр. Да и вода была очень холодной и прозрачной, как слеза. По руслу белый кварцевый песок выделялся узкой каймой, хотя местами выпячивались галечные «языки». Ночь выдалась тёплой и безветренной. Стройные высокие сосны вперемежку с молодыми хвойными кустарниками разукрасили ландшафт зелёно-оранжевыми цветными фонарями и витиеватыми сюжетами. Утомлённые за день, после сытного ужина, мы вдвоём молча сидели у костра и дремали. Виктор, в полной дремоте, что-то ещё пробурчал про себя и первым удалился в палатку спать. Я спокойно сидел перед тлеющим костром и думал о завтрашнем дне. «Какая тишь да благодать», – подумал про себя и лишь изредка улавливал лесные шорохи. Отяжелевшие веки постепенно смыкались, а голова увесисто склонялась на грудь. Но вдруг услышал дальние звуки похожие на барабанную дробь. Они то отдаля-

лись, то приближались и прерывисто переходили в глухие стоны. «Господи! Ничего не пойму! Что это?» – дремоту как рукой сняло и уже внутреннее напряжение охватило всё тело. Чем больше я вслушивался, тем сильнее колотилось сердце. Затем поднялся на ноги и немного отошёл от костра, внимательно всматриваясь в темноту. А странные звуки продолжались. Даже как-то на мгновение показалось, что где-то там, вдалеке, ярко-красное зарево заиграло. Честно говоря, начал испытывать определённый страх, когда вновь вполне отчётливо увидел далёкий столб света, который также неожиданно исчез, как и появился. Причём, звон в ушах не давал сосредоточиться, чтобы понять, что же происходит на самом деле. Да – а, а ведь стоны человеческие! А может, чья-то избушка сгорела, и там люди? Да нет же, на карте поблизости нет никаких лесных строений, а деревня в другой стороне. А может мираж и всё это мерещится? В конце концов, я обратно присел возле угасшего костра, закрыл ладонями уши и попытался успокоиться. Что дальше произошло, не помню, но очнулся, когда уже рассвело. Оказывается, спал сидя. Озябший от утренней свежести сначала разжёл костёр и повесил на крючок чайник с водой. Из палатки доносился здоровый храп Виктора. А вокруг снова любопытные сойки, на верхушках деревьев стайка неугомонных клестов выколачивали семена смолистых зелёных шишек, где-то дробью барабанил дятел, над головой порхали хвостатые бабочки – сосновки, в общем, после унылой ночи тайга ожила привычной жизнью.

«Странно, но ведь в полночь было всё по-другому и, главное, пережитому нет логических объяснений. Странно...» – опять мысли лезли в голову, не давая покоя.

Вскоре, разбудив напарника на завтрак, я не счёл нужным рассказывать о ночных ощущениях, а, наоборот, поторопил его совместно уточнить рабочие маршруты на сегодня. Настроение у обоих было бодрое, и под весёлые анекдоты мы с удовольствием слопали по миске перловой каши. Довольный Виктор даже похвалил меня за то, что я в такую рань умудрился сготовить горячий завтрак. Конечно же, я не подавал вида о мотивах усердия да, впрочем, это и не важно было. Важнее для меня было другое, ознакомиться с незнакомой местностью. На маршрут мы вышли вместе и около одного километра топали по квартальной просеке до исходной точки, где и разделились по разным сторонам. Ещё через полчаса пересёк с виду обычный бурелом, но что удивило? Почти все верхушки сосен были обгоревшими, где-то обуглившимися и почерневшими, а где-то только высохшие с сохранившейся пожелтевшей хвоей. Признаков лесного пожара я не обнаружил. Многие деревья лежали внахлест верхушкой к верхушке, а вывороченные корневища и переломанные почти на половину стволы представляли удручающую картину. Это какая же неведомая разрушительная сила могла причинить эдакую боль живому лесу! К полудню на абрисе нанёс почти все отработанные пробные точки. От отяжелевшего рюкзака ныли плечи, и нужно было где-нибудь у воды сделать привал. Но надежды наткнуться на ручей либо лужу не оправдались. И пока по компасу лишь сориентировался на круг в сторону нашего полевого лагеря. По профилю местности возвышенно-

стей было немного, но когда я набрёл на кратерообразную, чуть вытянувшуюся, заросшую яму, несколько удивился. «Странно, сосняк, почва песчаная, иллювиальная, наверняка творение человеческих рук, – подумал я, снял рюкзак, планшет, собрал складную лопату и спустился вниз на дно. Не успел ещё отрыть ямку глубиной до сорока сантиметров, как наткнулся на чёрный зольный слой с древесными загнившими остатками. А вот вторую ямку легко удалось углубить до одного метра, а дальше оказалась пустота, и даже чуть не выронил из рук провалившуюся внутрь лопату. Но как назло заморосил дождь, и моя куртка-энцифалетка стала предательски намокать. Пришлось прекратить дальнейшие поиски того, чего я сам не знал. Однако некое профессиональное чутьё предсказывало мне в следующий раз докопаться в прямом и переносном смысле до разумных выводов.

Так я и решил. Придя в лагерь, поделился мыслями с Витей, который загорелся любопытством больше, чем я.

Итак, новый день мы посвятили загадочной яме. На месте определили отрыть дно по периметру. «Иваныч, действительно, здесь много золы и обугленные фрагменты деревянной конструкции, – пыхтя от потуг, сбивчиво говорил Прохоров, выбрасывая на поверхность чёрно-красные куски. – Видимо, когда-то в древности была стоянка людей. А вот и осколок от глиняной посуды. Да, да, так и есть».

Чумазые и потные, мы уселись на край ямы отдохнуть и несколько минут смотрели на свои раскопки. «Та-а-к! Какие предположения?» – спросил Виктор меня, указывая пальцем на изрытую площадку. «А что? Попробую выложить свои соображения, – уверенно заявил я и после недолгой паузы начал излагать свою версию. – Судя по конуру фундамента, строение было жилищем людей типа полуземлянки с подвальным помещением, о чём, кстати, свидетельствуют пустоты. Причём, пожар уничтожил верхний и средний ярус, а нижняя часть повреждена лишь частично. Но надо посмотреть подвал, тем более, что он глубокий и позволяет, как я думаю, проверить самим. Давай сходим в лагерь, пообедаем заодно, возьмём фонарики, верёвку и продолжим обследование. Уж больно притягательное место». «Да нет вопросов! Сходим в лагерь, – тут же согласился коллега. – Эх! И почему я не работаю археологом? Ведь как интересно первым прикоснуться к древности, узнать историю предков...» «Ты, я вижу, совсем голову потерял от мечтаний, – улыбнувшись, я похлопал по плечу Прохорова. – Чёрт побери, мне тоже очень охота заглянуть в эти пустоты. А вдруг обнаружим нечто таинственное?»

И вот наступил тот волнительный и долгожданный момент, когда Витя первым, держась за мои руки, спрыгнул в чёрную яму. «Да, тут довольно глубоко и какие-то лабиринты или ходы, не пойму, – снизу кричал он, играя лучами фонарика вокруг себя. – А воздух здесь тёплый и какой-

то запах, будто от кипячёного молока. Да, вижу два обвала, но пролезть можно. В общем, Иваныч, спускайся!»

Закрепив один конец верёвки за дерево, я быстро спустился вниз. Виктор, сидя на корточках, буквально в трёх шагах от меня осматривал завал в проходе и что-то бормотал. Слева и справа куда-то вглубь уходили ходы. Неровные стенки местами блестели мелким белым налётом, но сырости не ощущалось. Полусогнувшись, незаметно для себя я углубился в ближайшем проходе и очутился в объёмном полуподвальном помещении. Своды были выложены внахлёт чешуйчатобразными лопастями, скорее, из лиственницы, ибо на свету они приобретали бурый окрас. Казалось невероятным, но на стенах хаотично выделялись различной величины какие-то гладкие наросты, похожие на остывшие от плавления смолевые выделения. На неровном земляном полу заметны были небольшие кучки мелкого песка, а по периметру лежали покрытые пылью довольно массивные валуны. Только я выпрямился, как на щеку что-то капнуло холодное. Вытер пальцем и осветил фонариком. Чёрная вязкая жидкость по запаху даже чем-то напоминала смазочное масло нигрол. Осторожно сделав два шага во внутрь помещения, нечаянно почувствовал чей-то взгляд, хотя точно знал, что никого нет. Я ещё раз огляделся вокруг, но в лучах света лишь еле проглядывались тонкие клубы пара от собственного дыхания. Внутри всё заклокотало, от сильного волнения мною овладел страх, и только единственная мысль била по вискам – скорее уносить ноги. В ушах постепенно усилился звон, а ноги начали тяжелеть. Я уже удалялся от заколдованного помещения, как вдруг услышал протяжные убаюкивающие звуки.

«Где-то я уже слышал...» – единственное, что я успел подумать. Всё произошло за какое-то мгновение, как прямо в лицо ударила ярким светом вспышка, и пронзительная боль поразила грудь. Когда открыл глаза, понял, что лежу в проходе, зажатый в руке фонарик тускло светил на серую стенку. Попробовал пошевелиться. Ага! Получается. Тогда я с трудом приподнялся на колени. Перед глазами был сплошной туман, а отяжелевшую голову дурманил запах гари. Изо всех сил на полусогнутых, падая и опять двигаясь вперёд, я искал спасительный выход. Как будто обезумевший, отталкиваясь одной рукой от стенки, ударяясь головой и не чувствуя уже никакой боли, с трудом наконец вырвался из подземного плена. Очутившись в проёме, в который спускались с Виктором, я споткнулся и рухнул на него лежащего. Мой товарищ, обхватив голову обеими руками, громко стонал. «Витя, Витя, вставай! Витя, немедленно надо наверх! – кричал и тряс его за плечи. И тут я заметил, как из соседнего прохода полыхало пламя небольшими языками, выбрасывая снопы искр. Приподняв Виктора, вложил ему в руки конец верёвки и, всячески помогая ему, заставлял подниматься наверх. Наверно, инстинкт самосохранения возымел над упадком сил и он, как раненый зверь, с рёвом самостоятельно начал карабкаться наверх, хотя снизу я тоже подталкивал его как мог. Затем сам последовал за ним, и уже он тащил меня сверху. Дневной

свет бил в глаза и последнее, что я помню, это сноп пламени в виде огромного выхлопа из ямы. Хоть и лицо обдало жаром и копотью, мы оба чудом выжили.

Правда, огонь обжѣг одну ногу у Прохорова, но тот лишь громко матерился на чѣм свет стоит и дико хохотал.

Впоследствии мы сутки почти не разговаривали друг с другом, а больше времени спали, стараясь забыть кошмарные приключения. Нет! У нас не было абсолютно никаких взаимных обид, просто каждый из нас старался осмыслить произошедшее.

Да-а, не зря старые люди говорили мне когда-то, что «дух чуди бессмертен».

Ещё через четыре дня мы закончили работы. Перед тем, как покинуть местечко Шөрöзын, по правде говоря, была мыслишка ещё раз сходить до «Ямы чуди», но, как говорится, «бережёного бог бережѣт».

Чуть позже Виктор мне признался, что тогда в проходе на свету он отчётливо видел человеческие фигуры, которые, протянув руки, медленно двигались навстречу. И что со страху он даже не помнил, как очутился возле выхода наверх.

Больше о том случае, что с нами произошло, мы не вспоминали.

Чернутьевское городище

Примечательно, что Чу и его семья, преодолев по реке расстояние более, чем сто вёрст, благополучно добрались до местечка Кар-нöрыс (чудский город), где сейчас село Чернутьево. Объединившись, там проживали три общины, а князем был Кий, который пользовался большим авторитетом среди чуди ибо не только был силён умом, но и обладал способностью прикосновением рук и с помощью заговоров творить чудеса, а также исцелять от болезней. Да и построенное на высокой горе городище выглядело как чудо-крепость.

Прибывших с верховья Большой реки приняли достойно, и семья Чу спокойно обрела постоянное пристанище.

Промысловые и сенокосные угодья простирались в радиусе двадцати километров и более, а вокруг городища раскинулись пашни. В зимнее время снаряжались конные подводы, гружёные пушниной, шкурами, рыбой, дичью, глиняной посудой, пером, игрушками... и отправлялись на ярмарки в Вологду, Новгород, Москву.

И надо сказать, что до наших дней существует народное предание о спрятанных сказочных богатствах золотых изделий и монет. По одной версии, клад зарыт между тремя буграми близ «Кар-нöрыса», по другой – утоплен в озере «Вöйса-ты». Но как бы то ни было, чуди жили зажиточно, о чѣм свидетельствуют сохранившиеся украшения, драгоценные камни, серебряная посуда, шелковая и парчовая одежда.

Очевидно, коми-зыряне по уровню жизни отставали от чуди во многом, и, кроме того, проживали небольшими поселениями.

При выемке почвенных образцов я не раз обнаруживал и зольные прослойки, и остатки деревянных конструкций, и фрагменты глиняной посуды. И когда на 47^м-пикете, что в трёх километрах от деревни Елькыб по направлению в сторону села Чернутьево, лопата уперлась явно на что-то металлическое, был ошарашен находкой. С Полуметровой глубины вынул лошадиную подкову, но не совсем обычную. Осторожно соскрёб лезвием ножа буро-чёрный налёт с предмета и увидел до боли знакомый нарисованный знак в виде конуса. «Неужели подкова чуди? – воскликнул я от радости. Ну, а чья ещё? Ведь конус – символ чуди! Да – а!» Я ещё раз потёр рукавицей, стараясь довести до блеска, но не получалось. Только полукруглый в центре выступ приобрёл ярко-бурый окрас и не более того. «Та-а-к! Вот мой оберег от всяких опасностей и наваждений. Да каких наваждений, духов! Пожалуй, это на счастье!» – вдохновлённый удачей подумал я и положил подкову в нагрудный карман куртки.

Причём, это место на план-схеме отметил кружком. Честно говоря, хоть и одолевала меня шкурная мысль ещё покопать, но какое-то шестое чувство подсказывало мне, что удачи не бывает сразу много. Прогибаясь под тяжёлым рюкзаком, пыхтя и обливаясь потом, я упорно преодолевал намеченный маршрут, невзирая на довольно крутые лесистые бугры. Наконец, вышел на ручей с озерком. Ключевая вода была холодной и чистой. Сбросив рюкзак, снял промокшую куртку и окунулся с головой в воду. Мурлыча от приятной свежести, руками плескал воду на себя и радостно улыбался, как ребёнок, ибо настолько это забавно выглядело со стороны, что любой наблюдающий наверняка бы вспомнил своё детство. Затем, расстелив куртку, я разлёгся у воды, чтобы дух перевести. Но тело гудело от усталости, а мышцы ног будто горели, поэтому спешно снял бродни и только тогда ощутил настоящую свободу. Подложив рюкзак под голову и испытывая истинное блаженство, я молча, безмятежно смотрел на воду ни о чём не думая. В принципе, рабочий день был закончен, поэтому я не торопился до своей палатки, тем более, что до неё осталось как «рукой подать».

Но что это? Либо мне чудится? На ласковой глади озера выросли человеческие фигуры: первая – смуглый бородатый мужчина в длинной холщовой рубахе и штанах, в кожаном жилете, похожим на камзол, бахилах и в руках держит копьё; вторая – женщина с длинными, ниже пояса светлыми волосами в холщовом балахоне и тюнях из кожи; третья – подросток с русыми волосами, в холщовой длинной рубахе с поясом и бахилах; четвёртая – девушка в длинном холщовом балахоне с пояском и кожаных тяти, а волосы подобраны и подвязаны разноцветной тесёмкой. Но самое удивительное было в другом, из под их ног проглядывалось яркое свечение и лёгкий молочный туман плавал над поверхностью воды, а я их видел реальными, то есть как живых. Я чувствовал даже их дыхание. Как ни странно, даже отчётливо слышал голос главы семейства, этого бородача, который

как бы спрашивал, хотя я не понимал слов, – «Блаженны ли вы, люди Большой реки, творениями мирскими аль покой потеряли из-за корыстных помыслов аль выхода нет аль память не чтёте?... Дума от сердца, как вода слеза, а кои так, то жить вам трудах на благо честных помыслов. Не бывать ереси, только вода святая отчистит душу! Помните, ни огнём, ни мечом нельзя покорить веру!» Через какое-то время у меня затекла левая нога от застывшей позы и не помню, каким образом в ответ заговорил с бородачом: «Случалось, я уже встречался с вашими собратьями. Они появлялись передо мной, но не разговаривали. Я не желаю вам зла, однако понять не могу, извините, конечно, вы духи чуди или на самом деле до сих пор существуете?»

А они смотрели на меня, не шелохнувшись и не моргая глазом, как будто изучали.

Шли секунды, минуты, и мне стало как-то не по себе, и я понимал, что от меня ничего не зависело в подобных обстоятельствах. «Господи! Спаси и сохрани!» – единственное, что я успел подумать, прежде чем они исчезли в дымке.

Через пять минут уже я уносил ноги с этого места, стараясь поскорее дойти до своего «логова».

Кстати, найденная подкова, которая сегодня висит дома на стене, много раз ещё послужила мне талисманом удачи. Ну, а пока я продолжу об исторической действительности Чернутьевского городища.

В период христианизации судьба чудского города была обречена. Судя по легенде, написанной этнографом Питиримом Сорокиным в 1911 году, обстоятельства складывались следующим образом: «Когда Степан (Стефан Пермский) пришёл крестить в «Кар-нõрыс», его не пустили, заперли ворота, и чудской князь решил умереть, а не креститься...А был он с крыльями. И пришлось Степану уйти обратно за солдатами...

Когда пришли солдаты, то взяли город приступом, кого поубивали, кого силой крестили, кто убежал, а сам князь улетел куда-то...А была у того князя дочь, красивая, молодая, статная. Одела она лисью шубу, села в лодку и запела:

«Мой дорогой «Кар-нõрыс»,

Место, где ела я сладкую крупу.

Полная рыбы речка

Остались! Пропадайте!»

(кар – город, нõрыс – мыс)

И бросилась она в реку. И пропала её бедная головушка...»

Впоследствии долгие годы местные коми жители Чернутьево на месте городища часто слышали стоны когда-то погребённых заживо чудей. Опасаясь проклятий и колдовской силы духов, люди поставили крест («Ильин крест»), после чего наступило успокоение.

Уже шёл третий сезон как я участвовал в составе экспедиции. По данным схемы профиля местности как раз занимался определением границ базовых пробных площадок. Со дня на день должны были прибыть в село Чернутьево два геофизика, а я их должен был встретить. Сам временно проживал в деревенской избе, снимая комнату у пожилой четы Афанасьевых. Хозяева, дед Илья и бабушка Парасковья, ко мне относились душевно и любили коротать вечера за самоваром, рассказывая мне о всякой всячине. Я с трудом понимал коми говор и старался их не обидеть своим невежеством, поэтому чаще всего кивал головой и поддакивал. Но один раз Парасковья достала из сундука любопытную старинную вещь, поясняя, что это досталось ей по наследству от родителей. Перед взором предстал величиной в ладонь чёрный фрагмент деревянной статуэтки. Гладкая форма с множественными мелкими трещинками чётко изображала человеческое лицо с конусом на голове, шею, плечи и часть груди на месте разлома. Указывая пальцем на реалитет, хозяйка убедительно старалась пояснить, что это идол древних чудей, которые когда-то здесь были первообитателями. Конечно же, моим расспросам не было предела. В конце концов, я уяснил лишь место бывшего городища и освящённый чудским князем родник, который совсем рядышком вытекает в реку. Но к счастью потом заговорил со мной тэт-а-тэт дед Илья, который гораздо лучше понимал по-русски: «Милой, морт! Э-тэ-кё, этот идол тунавны вермас, э-тэ-кё, волшебник! А нёшта-на, зэв уна озыр, богатства кёнкё дзёбёмны быттьёкё, попрятаны, но никто оз тёд кёні А я, чайта, пустое дело корсьны, я говорю искать-то что? Как сійё? Казна, казна чуди! Болтают-то всякое, а вот чудеса здесь есть, счас же всякое...Бывает и скот пропадает, и рыба куда-то девается в реке...Но вот ключ хорош, зэв бур, мортёс бурдёдё, я говорю ключ полезный человеку». После недолгого разговора дед развёл руками и снова, как и прежде, замолчал.

Полученная информация о древней стоянке чуди меня вдохновила не на шутку, тем более уже имелся определённый накопленный материал о чуди за предыдущие два года. С позволения хозяйки напоследок сфотографировал своим стареньким «Зенитом» фрагмент идола и на этом вроде успокоился, но короткие записи в блокноте всё равно будоражили моё воображение, и поэтому я заранее спланировал завтрашний день перед сном.

И вот я уже у подножия большого холма, который наполовину выглядит, как луг, а остальная часть покрыта лесом. На вершине, примерно метров на сто, вытянулась седловина. На первый взгляд вроде ничего необычного, разве что травостой выше, чем на примыкающих лугах. Однако, стоило обойти вокруг, как глаз замечает контуры заросшей насыпи с двух сторон. Я выкопал в разных местах несколько неглубоких ям и убедился в том, что в двух случаях имеется чётко выраженный зольный слой. Ну что ж, это уже удача. Тут же нарисовал в блокноте визуальную схему высот и зашёл в лес, тем более, что над головой уже нависли сплошные свинцовые тучи. «Кажись вовремя, – подумал я и плюхнулся под пологом мохнатой ели. – Ух-ты, ух-ты, как полил!»

Прошло около часа, и дождь немного успокоился. Я сидел, съёжившись, и дремал. Стволы деревьев окутались лёгким туманом, и от земли также парило. Вдруг слышались глухие вздохи, и передо мной начали высветиваться какие-то размытые контуры человеческих фигур. Я обомлел и напрягся. Жёлто-зелёное свечение чередовалось небольшими вспышками. Затаив дыхание, пытался встать, но не было даже сил пошевелиться.

«Господи! Что это?» – вслух выдавил я из себя и закрыл глаза. И тут внезапная боль в голове заставила снова смотреть. Передо мной стояли семеро бородачей в конусовидных шапках, накидках до колен и с копьями в руках. Они бормотали какие-то короткие слова, топая ногами. Странно, с небес лил дождь, а они не выглядели промокшими. В какой-то момент бородачи наставили на меня свои копья. Я хотел кричать, но не мог даже рот открыть. Безжалостные существа поочерёдно тыкали меня в грудь остриями копий, отчего я ощущал боль. На какое-то мгновение мысленно я уже простился с жизнью и полностью подавленный беспомощностью смирился со своей участью. До сих пор не могу понять, как я догадался вспомнить про идола-статуэтку. Ведь именно когда представил в мыслях лик идола чуди, ужасный кошмар закончился. Случайно или неслучайно, но своим спасением обязан именно древней святыне. Существа исчезли, и только семь точек на груди остались на всю оставшуюся жизнь метками – напоминанием о бессмертной чуди. А кстати, фотографию лика идола в деревянной рамке бережно храню дома.

Латьюжская гора

Рядом с деревней Латьюга, а это в ста верстах по реке Мезень от села Чернутьево, высится гора, покрытая лесом. Надо сказать, что ниже начинается территория нынешней Архангельской области (Лешуконский район).

В списках населённых мест Архангельской губернии в 1858 году помечено: «В Архангельском уезде, по правую сторону Северной Двины, русские живут в смешении с чудью в следующих деревнях: Боровской, Емельяновской, Степановской, Савинской, Щиновецкой, Филимоновской и так далее, всего 20 деревень. В Холмогорском уезде на реке Двине, Бояр-Курье и Куроострове в 21 деревне и двух сёлах. По реке / – 9 деревень. По реке Вамже и у озера Кульменя – в трёх деревнях. По списку священников местных приходов чудь жила отдельно деревнями – в восьми деревнях». И действительно, к этому времени чудь постепенно переместилась по Мезени вниз. Последним их пристанищем и как раз являлась деревня Латьюга, то есть Латьюжская гора.

В древности здешние обитатели – чуди, занимались не только традиционными промыслами, а в большей степени коневодством. Рассказывают, что якобы и поныне сохранённая мезенская порода лошадей была выведена ими. Низкорослые чёрной и тёмно-бурой масти с длинной шерсткой

лошади спокойно переносили и суровые зимы, и летнюю жару, отличались выносливостью и силой. Причём, и в настоящее время сохранилась эта порода в низовьях Мезени (Мезенский район). Заливные луга, сенокосные подсеки, ягелевые сосновые боры позволяли успешно разводить домашних животных в подобных условиях. Даже князья Владимирский и Новгородский посылали своих подданных закупать чудских лошадей. Кроме лошадей люди держали и коз. А из козьего молока варили сбитуую творожную массу подобно брынзе. Примечательно, что помимо варки и жарки, мясо и рыбу запекали в горячей золе и коптили, тем самым готовый продукт сохраняли довольно длительное время. Свежий ягель, а точнее, верхушечные части мха в качестве белковой пищи употребляли в сыром виде. И всё-таки традиционной пищей являлась строганина из мороженого оленьего мяса, сёмги, нельмы, сига... А топлёный внутренний жир животных служил в качестве горючего для самодельных ламп и фонарей, а ещё им смазывали швы на одежде и обуви, предохраняли от обморожения во время холодов открытые части тела и использовали как средство растирания от переохлаждения. Рыбий жир употреблялся как ценнейший продукт питания и профилактическое средство от различных заболеваний. Кроме того, из рыбьей чешуи варили клейстер для хозяйственно-бытовых нужд. Надо сказать, что из сушёных водорослей и измельчённой коры лиственницы готовили красящие вещества с добавлением сажи и смоловых добавок. И вообще, в каждой общине была своя кузница и смолокурня. Отличались чуды и высокой культурой земледелия, и уровнем селекции культур. По тем временам они считались одной из наиболее развитых северных народностей. Причём князья и старейшины общин обязательно обладали магическими способностями. В эти тайны строго посвящались только избранные наследники. И, наконец, отсутствовало всякое смешение с другими народностями. Судя по родовым знакам, не исключено, что ещё имели и свою письменность. Кстати, до настоящего времени сохранились даже некоторые элементы орнамента, в том числе симметрия строгих геометрических знаков (равносторонние треугольники, параллельные и перпендикулярные формы, конусы и пирамиды).

Но моя исповедь была бы неполной, если не открыть ещё одну тайну. Итак, недалеко от Латьюжской горы вниз по Мезени, на правом берегу выпадает старица, куда в свою очередь впадает небольшой ручей. Буквально в двухстах метрах от реки находится святая обитель монаха-отшельника Оникея. Исконная келья, рубленая самим монахом, простояла более двух веков, но в 30-е годы прошлого века по решению губернского наркома была сожжена. Однако, в недалёком прошлом жители села Большая Пысса по сохранившимся рисункам построили на том же месте новую. И в настоящее время толпы паломников со всех уголков страны посещают это святое место.

Но вернёмся в прошлое. Никто не знал, каким образом и откуда монах очутился в этом диком краю. Ясно лишь одно, что отшельник посвятил себя Христу и, воздавая Ему свою любовь, взамен обретал благодать и милость. В то время на Латьюжской горе уже были обитатели – община чуди. Вначале они неодобрительно восприняли нового соседа, который являлся чужаком по причине другой веры, но миролюбивая и тихая жизнь монаха ничуть не нарушала спокойствие чуди. Шли годы. Разумные чуди активно занимались торговлей с русскими соседями, поэтому несомненно купцов привлекал этот богатый северный край.

Монах Оникей часто замечал зимой, как чуди на реке встречали вереницу гружёных подвод. Один раз к нему пришли чуди и попросили прийти в гости для делового общения с приезжими купцами. Оникей согласился. Два русских оказались также православными христианами, и монаху было легко убедить их в честности чуди при налаживании торговых отношений. Взамен купцы отблагодарили монаха и в качестве дара уговорили принять топор, котелок и серебряную чашу. Впоследствии Оникей часто молился за здоровье бескорыстных мирян, а те в свою очередь каждый год посещали келью, прося благословение.

Постепенно коми-зыряне расселялись по всей реке, причём, мелкие починки объединялись, образуя селения из пяти и более дворов. Деревня Латьюга также пополнилась тремя дворами, хотя половину жителей составляли яраны (оленоводы). Однажды у старейшины тяжело заболел старший сын. Местные знахари, как ни старались избавить от хвори, были бессильны. Тогда старейшина с поклоном о помощи явился к монаху Оникею. И монах, к удивлению, всех исцелил больного, за семь дней поставил на ноги. С тех пор коми-зыряне уважливо и радушно относились к целителю-отшельнику и помогали ему хлебом-солью, а монах до глубокой старости каждому страждущему раздавал освящённую воду из источника и исцелял людей купанием и молитвами. В округе все знали не только о подобных чудесах исцеления, но и о силе заговора супротив злых чужаков, а также вредных земных тварей. Скажем, было время, когда гружёные товарами купеческие карбасы, поднимаясь вверх по реке Мезень, едва доходили до старицы, как из трюмов чудесным образом всякие грызуны и вредные насекомые сами выползали в воду. Видимо, поэтому до сих пор на Удоре нет крыс.

Да и чуди не оставались в стороне. Во время своих ритуалов у воды они не раз воздавали дань уважения и признательности к святому старцу. Нередко приглашали Оникея к себе на праздники, ходили сами к нему с дарами. Причём, чуди охраняли и реку, и леса от захвата сторонних чужаков, выставляя дозоры на границе не только своих угодий, но и коми, с которыми на протяжении многих веков мирно жили бок о бок. Сохранилось предание, когда однажды летом случился пожар в Латьюге, тогда, спасая всем миром и благодаря помощи чуди, деревня сохранилась. Недаром о чуди и поныне помнят на Удоре, ибо в этом есть не просто некое таинственное и

загадочное, но, пожалуй, главное, историческая действительность, обрамлённая легендами и мифами. Быть может в этом тоже своя истина? Несомненно! Иной раз я думаю о том, что мы, современники настоящего, в большей степени невежественны и неблагодарны по отношению к прошлому. И всё-таки, время не только стирает память, оно ещё и заставляет нас помнить о наших далёких предках. Так и хочется воскликнуть: «Чуди! Где вы?»

Последний раз на Удоре я побывал два года назад и именно на Латьюжской горе отыскал место, где когда-то временно размещалась наша геологическая база. Заросшая березняком полянка, высохший родник и вот она, та могучая шатровая ель, на стволе которой я оставил свои инициалы. Нашёл, нашёл! Затянутые и залитые серо-бурой смолой, они напоминали мне мои самые прекрасные, незабываемые годы, овеянные не только приключениями, но и смыслом жизни. Я обнял комлеву часть ствола дерева да так крепко, что даже поцарапанные щёки от шершавой коры не чувствовали боли. И только горячие слёзы обжигали морщинистое лицо от счастья. Да, я зарыдал... Я рыдал без стыда и не от боли, и обид... Какая-то нахлынувшая огромная радость охватила меня да так, что душу выворачивала на изнанку. Вроде бы всё было понятно, но поделиться с таким невообразимым чувством ни с кем не хотелось, да и поделиться-то не с кем было.

Возможно, я и выглядел со стороны беспомощным и жалким, но, поверьте, самым счастливым на свете! Какое всё-таки блаженство найти себя и осознать. Господи!

А собственно, что мы знаем о народности чуди? Мифы, легенды, исторические справки и очерки, но ведь душа человеческая необъятна. Скорее, добрая память о наших предках это и есть вечное, земное.

Часть III. Археологические памятники древности на территории Удорского района Республики Коми (по состоянию на 2001 г.)

Перечень учётных поселений, стоянок, местонахождений и могильников на территории Удорского района

1. **Поселение Кувжим** находится на правом берегу Мезени, выше устья р. Елва, по правую сторону от ручья Кувжим, ниже его. В результате археологических работ выявлен культурный слой, содержащий многочисленные фрагменты керамики, кремневые скребки на массивных отщепах, пережжённые кости, куски железного шлака, следы очагов. Памятник относится к ванвиздинской культуре.

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С. Отчёт 1973.

2. **Поселение Нимейчой I** расположено на левом берегу Мезени, в устье р. Елвы в районе Елвинской рыббазы, в урочище Нимейчой. При разведочных работах извлечено большое количество фрагментов сосудов, отходов кремневой мастерской (отщепов, осколков и чешуек), обломки глиняных льячек, расчищен очаг. Памятник относится к финальной поре лебяжской культуры бронзового века или самому началу железного века, т.е. VIII в. до н.э.

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

3. **Поселение Нимейчой II** расположено на левом берегу Мезени, севернее поселения Нимейчой I, недалеко от бровки террасы. Здесь выявлено два жилищных котлована округлой формы с кольцевыми валами. При разведочных раскопках извлечён керамический и кремневый материал (орудия, отходы). Памятник относится к эпохе бронзы (II тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

4. **Поселение Нимейчой III** находится в 130 м северней поселения Нимейчой II. Обнаружена одна жилищная впадина овальной формы. При разведочных работах извлечены кремневые отщепы, обломок наконечника стрелы и черепки сосудов. Памятник относится к эпохе бронзы (II тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

5. Поселение Нимейчой IV занимает самый южный участок террасы в месте слияний Елвы и Мезени, в 200 м южнее поселения Нимейчой I. Площадь памятника определена приблизительно в 8000 кв. м. На поверхности найдено большое количество отходов кремневой мастерской (отщепы, осколки и чешуйки), зафиксированы каменные очажные вымостки. Памятник датируется в широких пределах бронзового и железного веков (I тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

6. Поселение Нимейчой V расположено на левом берегу Мезени, в окрестностях Елвинской рыббазы, в урочище Нимейчой, недалеко от Елвы и от бровки террасы. Разведочными работами выявлены обломки глиняных сосудов и кремневые отщепы, расчищен очаг. Датируется эпохой раннего железа (I тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

7. Стоянка Елва открыта на левом берегу Мезени, ниже устья Елвы и рыббазы. На площади стоянки выявлены культурные остатки: нескольких фрагментов сосуда, кремневые скребки, обломок наконечника стрелы и дротика. Памятник, по всей вероятности, относится к бронзовому веку. На памятнике необходимы дополнительные работы.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

8. Поселение Руччой расположено на левом берегу Мезени, выше деревни Зерзаяиб, в местности Руччой. Площадь поселения равняется не менее 2400 кв. м. В результате разведок и раскопок выявлен культурный слой, содержащий многочисленные кремневые отщепы, осколки, кремневые орудия (скребки, наконечники стрел и дротиков, свёрла), заготовки орудий, абразивы, обломки тигля, кусочки бронзы, перегорелые кости. Расчищен очаг. Поселение датируется ранне-ананьинским временем.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

9. Зерзаяибское местонахождение обнаружено на левом берегу Мезени, выше деревни Зерзаяиб, по обе стороны безымянного ручья. Найдено около 50 мелких кремневых отщепов, лежащих на поверхности и в осыпи берега.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

10. Стоянка Макариб находится на левом берегу Мезени, выше деревни Макариб, у кладбища, на склоне 6-метровой террасы. На поверхности найдены кремневые предметы (отщепы,

скребок, две заготовки орудий), мелкие тонкостенные фрагменты керамики. Материал стоянки можно отнести не ранее, чем к бронзовому веку.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

11. Стоянка Мозындор открыта на левом берегу Мезени, ниже по течению от деревни Макариб, недалеко от края террасы. На поверхности обнаружены кремневые отщепы и осколки, скребки, наконечники стрел, режущее орудие и обломок массивного рубящего орудия. Материал относится к эпохе бронзы.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

12. Стоянка Буткан. Находится на левом берегу Мезени, западнее деревни Буткан, на восточном берегу проточного старичного оз. Буткан ты. Разведки и раскопки выявили культурный слой, содержащий большое число кремневых отщепов, кремневые скребки, обломки наконечников стрел и их заготовки, проколки, отбойник, кремневый топор со сбитым лезвием. Керамика представлена единственным черенком без орнамента. Памятник датируется временем не ранее бронзового века.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

13. Бутканское местонахождение ниже стоянки Буткан, на той же террасе, на участке лесной дороги, идущей в с. Кослан, в районе безымянного ручья, на поверхности найдены два кремневых скребка и отщепы.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

14. Поселение Усогорск I расположено на левом берегу Мезени, на территории лесосклада п. Усогорск. культурные остатки (керамика и кремневые предметы) собраны на поверхности и в разведочных шурфах. Выявлена одна жилищная впадина. Памятник относится к эпохе ранней бронзы (II тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

15. Стоянка Усогорск II находится на левом берегу Мезени, западнее поселения Усогорск I. Разведочными работами выявлены культурные остатки, состоящие исключительно из фрагментов толстостенной керамики, относящейся по всем признакам к эпохе неолита (III тысячелетие до н.э.). на территории памятника необходимы дополнительные разведочные работы.

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

16. Поселение Усогорск III расположено на левом берегу Мезени, на территории лесосклада п. Усогорск, западнее стоянки Усогорск II. На поверхности и в разведочном шурфе собраны обломки сосудов, кремневые отщепы и металлургические шлаки. Поселение относится к ванвиздинскому времени (I тысячелетие н.э.).

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., Королёв К.С., 1975;

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

17. Стоянка Усогорск IV открыта на левом берегу Мезени, на территории лесосклада пос. Усогорск, западнее поселения Усогорск III. Собрано около сотни фрагментов от толстостенных сосудов, украшенных ямочно-зубчатым орнаментом. Стоянка датируется эпохой неолита (III тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

18. Поселение Ус I расположено на правом берегу р. Ус (левого притока Мезени), у водозаборной станции пос. Усогорск. Культурный слой поселения сохранился лишь частично, на поверхности и в расчистках собраны фрагменты глиняных сосудов и кремневые предметы. Найдены предметы металлургического производства – литейные шлаки, очажные камни. Вещественный комплекс поселения датируется временем ананьинской культуры – VIII-III вв. до н.э.

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

19. Стоянка Ус II находится на правом берегу р. Ус у водозаборной станции пос. Усогорск, недалеко от поселения Ус I, между двумя глубокими траншеями, прорытыми для проезда к насосной станции. На поверхности собраны обломки глиняных сосудов, кремневые отщепы и ножевидные пластинки. Место стоянки было обитаемо дважды в эпоху неолита (III тысячелетие до н.э.) и в гляденовское время (II в. до н.э. – III в. н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

20. Стоянка Ус III находится на правом берегу р. Ус, у водозаборной станции пос. Усогорск, у края террасы, на которой расположены предыдущие памятники Ус I и Ус II. В отвалах канав собраны фрагменты сосудов, отщепы кремня. Памятник нуждается в дополнительных разведочных работах. По облику керамики стоянку можно отнести к ананьинскому времени (VIII – III вв. до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

21. Стоянка Сынъель открыта на правом берегу Мезени, выше южной оконечности курьи, у болота, выше дер. Разгорт. В результате разведки обнаружены три жилищные впадины с культурными остатками (кремневые отщепы, массивный скребок и абразивная плитка). Датировка стоянки не установлена.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

22. Сынъельское местонахождение. К северу (ниже по течению) от стоянки Сынъель, на лесной дороге найдены три ножевидные пластинки и один скребок на пластине.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

23. Местонахождение Шешты обнаружено на правом берегу Мезени, ниже дер. Разгорт, недалеко от устья старичного озера, у самой воды, на сыром заливаемом месте. На поверхности собраны фрагменты ванвиздинской керамики.

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С. Отчёт 1973.

24. Стоянка Пежью открыта на правом берегу Мезени, у бровки террасы – левого берега ручья Пежью, в его приустьевой части (между деревнями Разгорт и Вылиб). В результате разведочных работ выявлены культурные остатки: кремневые отщепы и осколки, кремневые орудия (скребок, режущее орудие) и два фрагмента керамики. Находки датируются временем ранней бронзы.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

25. Нижне-Вылибская стоянка находится на левом берегу старицы р. Мезень, в окрестностях дер. Нижний Вылиб, на надпойменной боровой террасе. Подъёмный материал составляют два кремневых изделия с ретушью по краю, ножевидные пластины, отщепы и осколки. Стоянка может быть датирована эпохой неолита или ранней бронзы.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

26. Местонахождение Присадты. На правом берегу Мезени, выше дер. Елькиб, у края восточного берега оз. Присадты, на поверхности найдены 9 отщепов кремня.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

27. Местонахождение Елькиб. На правом берегу Мезени, выше дер. Елькиб, на лесной дороге, идущей вдоль восточного берега озера, найдены три ножевидные пластины из кремня и один скребок на отщепе.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

28. Стоянка Елькиб находится на левом берегу Мезени, к востоку от дер. Елькиб, на надпойменной боровой террасе. Собран подъёмный материал, состоящий из двух скребков, трёх отщепов с ретушью, сломанной ножевидной пластины и отходов кремневого производства. Ввиду незначительности материала дату стоянки определить невозможно.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

29. Стоянка Изба находится на правом берегу Мезени, ниже по течению от дер. Елькиб, на террасе коренного берега, отдельного от русла Мезени шириной (до 2 км) поймой. Обнаружен жилищный котлован с культурными остатками (кремневые отщепы и осколки, обломок незаконченного наконечника стрелы, скребок). Стоянка, состоящая, по-видимому, из единственного жилища, относится ко времени не ранее эпохи бронзы. На стоянке необходимы дальнейшие работы.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

30. Поселение Чужьяёл находится на левом берегу Мезени, выше дер. Чернутьево, у ручья Чужьяёл, недалеко от бровки террасы. Поселение обнаружено по хорошо видимым пяти жилищным впадинам. Раскопки дали богатый вещественный материал, состоящий из сотен фрагментов сосудов, небольшого количества отходов кремневой мастерской, кремневых орудий – наконечников стрел, скребков, резчиков. Памятник датируется ранней порой бронзового века (III тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С., Мурыгин А.М., Королев К.С., 1975;

Стоколос В.С. Отчёты 1973., 1974

31. Чернутьевский могильник. Памятник находится на правом берегу Мезени, на боровом холме, расположенном восточнее с. Чернутьево. Здесь обнаружены 49 ям, расположенных рядами. При разведочных работах вскрыты четыре ямы. В заполнении ям встречены углестолярные прослойки; находок вещей нет. Могильник датируется ориентировочно XV в.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

32. Чернутьевское поселение расположено на правом берегу Мезени, на западной окраине с. Чернутьево, на склоне надпойменной боровой террасы. Стоянка почти полностью разрушена дорогой и хозяйственными постройками. В результате разведочных работ выявлен культурный слой, содержащий очажные камни, фрагменты керамики, обломки железных предметов, шлаки и мелкие кальцинированные кости. Памятник относится к ванвиздинской культуре (I тысячелетие н.э.).

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

33. Стоянка Чернутьево I расположена на западной окраине с. Чернутьево, на правом берегу Мезени, на 3-метровой террасе. Памятник имеет внешние признаки в виде двух котлованов. Разведочный шурф в одном из котлованов дал кремневые отщепы. Датировка памятника не установлена.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

34. Стоянка Чернутьево II расположена ниже по течению от крайних домов дер. Чернутьево, на той же боровой террасе, что и стоянка Чернутьево I. Зафиксирован жилищный котлован, в заложенном шурфе здесь найдены отщепы и осколки кремня. Датировка памятника не установлена.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

35. Поселение Кыстырью расположено на правом берегу Мезени, ниже дер. Чернутьево, у бровки 10-метровой террасы, уходящей в данном пункте в сторону реки. Обнаружены два жилищных котлована. Разведочные работы и раскопки выявили культурный слой, содержащий обломки глиняных сосудов с ямочно-зубчатой орнаментацией, кремневые концевые скребки, ножевидные пластины, ножи клювовидной формы. Поселение датируется неолитической эпохой (III тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С., Мурыгин А.М., Королев К.С., 1975;

Стоколос В.С. Отчёты 1973., 1974.

36. Поселение Ошчой I расположено на левом берегу Мезени, ниже дер. Чернутьево, в урочище Ошчой. Выявлены 16 жилищных впадин. Собрана керамика двух типов: пористая с зубчатым орнаментом (близка гаринско-борской) и обломки из плотной глины с примесью шамота и песка, орнамент зубчатый. Последняя керамика, видимо, более ранняя, чем первая, датируется временем энеолита.

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

37. Поселение Ошчой II расположено на левом берегу Мезени, в урочище Ошчой. На территории поселения, частично совпадающей с предыдущим памятником, собрана керамика ванвиздинского облика с гребенчатой и шнуровой орнаментацией. Площадь памятника около 5000 кв.м.

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

38. Поселение Ошчой III расположено на левом берегу Мезени в урочище Ошчой. Памятник расположен на удалении от бровки террасы, территориально примыкая с юга и юго-востока к поселению Ошчой I, внешних признаков не имеет. Инвентарь (керамика, кремневые скребки, наконечники), собранные на разрушенных участках почвы, относится к эпохе раннего железа. Посуда котловидная, из глины с примесью песка и кварца, орнамент зубчатый и шнуровой, имеет аналогии в пределах ананьинской культуры.

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

39. Поселение Ошчой IV расположено на левом берегу Мезени, восточнее поселения Ошчой III. Выявлены два жилищных котлована. На поверхности собраны кремневые отщепы, наконечник стрелы с усечённым основанием. Памятник ориентировочно датирован бронзовым веком (II тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., Королев К.С., 1975; Стоколос В.С. Отчёты 1974.

40. Поселение Ошчой V расположено на левом берегу Мезени, южнее поселения Ошчой IV. Обнаружены семь жилищных котлованов овальной или прямоугольной формы, иногда с кольцевым валом и периметру. В разведочных шурфах собраны кремневые отщепы и фрагменты глиняных сосудов с зубчатым орнаментом. Памятник датируется ранним периодом бронзового века.

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

41. Поселение Ошчой VI расположено на левом берегу Мезени, северо-восточнее поселения Ошчой V. При разведочной шурфовке собраны каменные топор и тесла, наконечник стрелы, осколки, отщепы кремня; керамики не было. Памятник относится, вероятно, к времени позднего неолита – энеолита.

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

42. Поселение Уип находится на левом берегу Мезени, выше устья р. Уип, впадающей в Мезень, на возвышенном участке 6-метровой террасы. Зафиксированы два жилищных котлована.

В результате разведочных работ собраны кремневые отщепы и осколки, орудия (скребки, обломок наконечника стрелы), фрагмент керамики. Памятник относится к эпохе бронзы.

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С. Отчёты 1973.

43. Стоянка Мелентьево I расположено на правом берегу Мезени, выше по течению от д. Мелентьево, в 70-80 м от бровки 8-метровой террасы. Зафиксирован один жилищный котлован, в котором найдены кремневые орудия (скребок, обломок наконечника стрелы) и отходы кремневого производства. Установление возраста памятника требует дополнительных работ.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

44. Стоянка Мелентьево II находится на правом берегу Мезени, ниже по течению от д. Мелентьево. Обнаружена жилищная впадина с культурными остатками (кремневые отщепы и осколки, обломок скребка). Датировка памятника не ясна.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

45. Стоянка Мучкас расположена на левом берегу Мезени, в окрестностях дер. Мучкас, недалеко от реки, на надпойменной боровой террасе. Собран подъёмный материал: кремневые скребки, заготовки наконечников стрел, ножевидные пластинки, отходы кремневого производства. Наиболее вероятный возраст памятника – эпоха бронзы.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

46. Стоянка Малая Пысса расположена на правом берегу Мезени, ниже дер. Малая Пысса, на надпойменной боровой террасе. Подъёмный материал составляют кремневые скребки, ножевидное орудие, сломанный наконечник стрелы, отщепы и осколки кремня. Предположительно памятник относится к эпохе бронзы.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

47. Стоянка Бычимель расположена на левом берегу Мезени, ниже дер. Малая Пысса, вдоль бровки 4-метровой террасы, являющейся одновременно левым берегом ручья Бычимель. Культурные остатки состоят из кремневых отщепов и орудий (скребки, наконечники стрел), мелких фрагментов керамики. Вероятный возраст памятника эпоха ранней бронзы.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

48. Местонахождение Лекчойди I обнаружено на правом берегу Мезени, в районе о-ва Лекчойди, у кромки террасы. Здесь найдены кремневые отщепы и наконечник стрелы.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

49. Местонахождение Лекчойди II. Севернее местонахождения Лекчойди I, на месте старой вырубki найдены обломки заготовок кремневых орудий, отщепы и обломки кремня.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

50. Поселение Лекчойди I расположено на правом берегу Мезени, выше по течению от пос. Барма и одноименного притока Мезени, напротив южной оконечности о-ва Лекчойди, у края террасы. В результате археологических работ на площади поселения выявлены многочисленные культурные остатки; сотни отщепов и осколков кремня, десятки кремневых орудий (скребки, наконечники стрел и дротиков, проколки) и их заготовок, обломки сосудов из глины, фрагменты толстостенного тигля. Расчищены очаги, один из них имел каменную вымостку. Памятник относится к эпохе финальной бронзы или к началу железного века.

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С. Отчёты 1973.

51. Поселение Лекчойди II расположено на правом берегу Мезени, близ о. Лекчойди, к северо-востоку от одного из небольших озер, находящихся на значительном удалении от р. Мезень, в полосе дороги Барма – Малая Пысса. Разведочными работами выявлен культурный слой с вещественными остатками (обломки сосудов, кремневые отщепы, скребок). Памятник датируется временем ранней бронзы (первая половина II тысячелетия до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

52. Стоянка Шогнес находится на левом берегу Мезени, на правой стороне ручья Шогнес, выше дер. Латьюги. На площади памятника выявлена разрушенная очажная вымостка из некрупных камней, найдены кремневые отщепы, осколки и орудия (скребки, наконечник дротика). Скребки типичны для времени развитой бронзы, наконечник дротика выглядит более ранним.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

53. Стоянка Вендинга находится у дер. Вендинга (правый берег Вашки), на правом берегу ручья Вень, на боровой террасе, примыкающей к обширному болоту. Собран подъемный материал из кремня и керамики, относящийся к двум разновременным комплексам – раннего бронзового века и раннего средневековья (ванвиздинская культура).

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

54. Шилиевское местонахождение кремневых предметов. У дер. Шилиево, на правом берегу ручья Ертом (левый приток р. Вашка), на высокой II надпойменной террасе, у скотного двора найдены 5 отщепов и кремневый скребок. Ввиду незначительного количества материала возраст стоянки определить затруднено.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

55. Стоянка Вильвидзская находится напротив дер. Вильвидзь, на правом берегу р. Вашка, в бору, недалеко от устья речки Содзима. В результате археологических работ собран подъемный материал – кремневые скребки и расколотый кремь, несколько фрагментов керамики. Предположительно датируется позднебронзовым веком.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

56. Вильгортский могильник находится на правом берегу Вашки, на II надпойменной террасе, близ крайних домов дер. Вильгорт. Всего насчитываются 62 могилы, вскрыты 9 погребений. Погребальный инвентарь составляют обломки железных предметов, предметы украшения (подвески, бусы, пронизки, кольца). В могилах выявлены остатки горелых срубов и кальцинированные кости. Могильник абсолютно аналогичен могильникам Перми Вычегодской в бассейне Выми. Памятник датируется XII – XIV вв.н.э.

Савельева Э.А., 1971; Савельева Э.А. Отчёт 1965.

Краткое описание археологических памятников ванвиздинской культуры

На Мезени исследовано 21 археологических памятника эпохи раннего средневековья. Они сосредоточены преимущественно в восточной части бассейна, выше устья реки Вашка (Удорский район) в четырёх местах: кужимском (3 поселения), лоптюжском (5 поселений), усогорском (4 поселения), ойчошском (6 поселений и местонахождений). Между усогорским и ойчошским участками обнаружено только одно местонахождение (Шешты). Найденные на реке Вашка два памятника (поселение Смолокурный – I и местонахождение Вендинга) расположены на значительном расстоянии друг от друга, но в достаточной близости к основной группе памятников. Кроме того, обнаружены стоянки людей более позднего периода на участках реки Мезень от деревни Мелентьево до деревни Патраково, на реке Ирва в местечках Кёдза-Яг, Чур-ты, Кос-ты, Тшупта-ты, которые требуют археологического подтверждения.

I. Памятники ниже устья реки Кужим расположены в 1-2 км и в 4-х км выше устья левого притока реки Мезень – реки Ёлва Мезенская, у края правобережной 8-12 метровой бортовой террасы реки Мезень.

Поселение Кужим – I

Памятник открыт в 1973 году (В.С. Стоколос, А.М. Мурыгин, 1974 г.; А.М. Мурыгин, 1977 г.). Площадь поселения примерно равна 3 000 кв.м. Все находки (обломки керамики, шлаки, кремневые изделия) замечали преимущественно в слое смешанного белесого и жёлтого песка на глубине 5-10 см.

Поселение Кужим – II

Памятник был открыт в 1978 году (В.С. Стоколос, А.М. Мурыгин, 1979-1980 гг.). Исследован на площади около 235 кв.м. В результате раскопа обнаружены сооружения, где семь очагов (кострища), три хозяйственные ямы и площадка из глины. Под мхом и до 14 см от поверхности в подзоле найденный вещевой инвентарь имеет следующие находки:

✓ Фрагменты орнаментированной керамики принадлежат не менее 211 сосудам. Узоры, в основном, представляют гребенчатые наклонные отпечатки зубчатого штампа, а также пальцевые вдавления;

✓ В числе изделий из металла входят два предмета: бронзовое изображение медведя (плоское литьё) и железный нож (длина 11,5 см, черешка – 3,5 см) с уступчиком к черенку со стороны как спинки, так и лезвия;

✓ Каменные орудия труда: кремнёвые скребки, отбойники из гальки и обломки абразивных инструментов, т.е. точильных и шлифовальных брусков.

Поселение Кужим – III

Памятник открыт в 1995 году (А.М. Мурыгин, 1988 г. и 1996г.) на площади 70 кв.м.

Находки залежали в верхней части подзола до глубины 4-8 см. Это многочисленные фрагменты глиняной посуды, шлаки, ошлакованная и обожжённая глина, немногочисленные каменные орудия труда (отбойники из гальки и кремневые скребки), отходы кремнеобработки (обломки, отщепы кремня); общее число вещевого инвентаря распределяется примерно поровну между находками в очаге и вне его (554 ед. х 587 ед.). Из металлических изделий – небольшой (длина – 11,2 см) однолезвийный нож из железа и небольшая бронзовая пластинка. На памятнике расчищены три сооружения:

✓ Каменная вымостка, выложенная из очажных камней (210х80 см);

✓ Глиняная вымостка округлой формы (78х60 см);

✓ Крупный очаг (360х220 см, мощность зольно-углистого слоя до 34 см).

II. На 5-8 боровой террасе, соединяющей приустьевые участки левобережных притоков реки Мезень, рек Большая и Малая Лоптюга, в 1988 году было открыто три ванвиздинских поселения – Мича Чой II – IV (А.М. Мурыгин, 1989 г.). Они располагались у края террасы, обращённой к пойме реки Малая Лоптюга, на удалении 0,5-1,0 км к востоку от берега реки Мезень.

Поселение Мича-Чой – II

Обнаружено на 0,5 км восточнее берега реки Мезень. На поверхности белесого подзола собран подъёмный материал (А.М. Мурыгин, 1989 г.). В его состав входят фрагменты керамики, куски ошлакованной глины, кремневые отщепы и обломки. По фрагментам шеек выделено не менее 4-х ванвиздинских сосудов, стенки с орнаментом.

Поселение Мича-Чой – III

Расположено на расстоянии около 180 м юго-западнее поселения Поселение Мича-Чой – II (А.М. Мурыгин, 1989 г.). Памятник был исследован на площади 312 кв.м.

Материковый слой представлен жёлтым песком. Вещевой инвентарь залегал непосредственно под растительным слоем в подзоле до глубины 10-18 см от поверхности почвы. Находки состояли из фрагментов керамики и глиняных рюмкообразных тиглей, кремневые скребки и скрёбла, отходы кремневого производства, каменные отбойники, куски шлаков и ошлакованной глины, железный нож, мелкие неопределимые фрагменты от железных и бронзовых изделий, множество сырых и кальцинированных костей животных. На исследованной площади памятника выявлены остатки семи наземных очагов, одна хозяйственная яма и две каменные вымостки у одного очага, пять столбовых ямок. Обнаружены две группы сосудов, одна из которых имеет узоры с орнаментом ванвиздинской культуры.

III. Памятники расположены на левобережной семи метровой боровой трассе р. Большая Лоптюга (левый приток р. Мезень) на расстоянии около 1,0 – 1,5 км ниже её правого притока – р. Ядмас.

Поселение Ядмас – I

Поселение было открыто в 1987 году, исследовано в 1990 году (А.М. Мурыгин, 1991 г.) на площади около 217 кв.м.

На площади раскопа выявлены остатки восьми очагов и столбовых ямок, скопление камней. Культурный слой поселения содержал разнообразные остатки хозяйственной деятельности. Большинство из них – в очагах.

Среди них такие вещи как отбойник из гальки, 32 кремневых орудий разного размера, железное шило, обломок лезвия железного ножа, обломки двух глиняных пряслиц и т.д. Но наиболее интересными находками являются три грубо вылепленные из глины антропоморфные фигурки (в обломках) с намеченными чертами лица и конечностями. Абсолютное большинство сосудов (163 эк-

земляра) принадлежит второй половине I тыс. н.э., а это означает, что керамика документирует три этапа функционирования поселения: эпоху бронзы, ранний железный век (гляденовская культура), ранее средневековье. В целом по хронологии керамического комплекса можно отнести время существования памятника во времена VI – VII вв. н.э.

Поселение Ядмас – II

Памятник открыт в 1987 году (А.М. Мурыгин, 1988 г.). Расположен в 250 м юго-восточнее поселения Ядмас – I.

В шурфе (2 x 4 м) заложенном в 40 м от края террасы, была вскрыта зольно-углистая линза очага максимальной мощностью 34 см. Находки представлены фрагментами керамики, мелкими кальцинированными косточками животных, отщепами и осколками кремня, кремневыми скребками, свыше сотни обломков шлаков и ошлакованной глины. Обнаружены также три железных обломка и бронзовая цепочка из 25 проволочных звеньев. Определено 19 сосудов с орнаментом, причём типичны чашевидные сосуды.

Поселение Чойнöv-ты – V

Поселение расположено вблизи северной оконечности озера-старицы Чойнöv-ты (левый берег р. Мезень) и в 5 км восточнее пос. Усогорск на расстоянии около 25 м от края невысокой (3,0 – 3,5 м) террасы левого берега озера. Памятник был открыт в 1976 г. (В.С. Стоколос, 1977 г.), исследован раскопом площадью 120 кв.м в 1977 г. (А.М. Мурыгин, 1978 г.).

На месте раскопа обнаружены два очага. Коллекция вещей включает сотни фрагментов керамики, обломки глиняного пряслица, сопла и железного ножа, шлаки, кремневые скребки, кремневые отщепы и осколки, отбойник из гальки, мелкие кальцинированные кости животных. К керамике относятся не менее 32 сосудов, из них 69,5% составляют сосуды с ямочной и ямочно-гребенчато-шнуровой орнаментацией.

Поселение Усогорск – III

Находится на северной окраине пос. Усогорск, на краю пониженного участка левобережной террасы старицы р. Мезень. Поселение открыто в 1974 году (А.М. Мурыгин, В.С. Стоколос, К.С. Королёв, 1975 г.), исследовано в 1977-1979 годах.

Вещевой инвентарь ванвиздинской культуры обнаружен в раскопах II – IV (площадь около 632 кв.м). На исследованной площади выявлены остатки восьми очагов, одной ямы, нескольких столбовых ямок. В пределах поселения необходимо выделить три комплекса, представляющих собой три различных самостоятельных места обитания (А, Б, В):

1) Комплекс Усогорск – III/А – включает очаг, глиняную посуду (не менее 26 сосудов), бронзовое изображение хищной птицы, орудия труда (7 кремневых скребков), металлургические шлаки, кальцинированные косточки животных.

2) Комплекс Усогорск – III/Б – включал 4 очага и одну яму. Вещевой инвентарь представлен глиняной посудой (не менее 50 сосудов), металлическими изделиями (железное шило, четырёхгранное и обломок бронзовых ювелирных щипчиков), орудиями труда (обломки шлифовального бруска, 20 кремневых скребков, кварцитовый отбойник), металлургическими шлаками, глиняной обмазкой и кальцинированными косточками животных.

3) Комплекс Усогорск – III/В – включал 3 очага, скопление обожжённой глины, глиняную посуду (не менее 40 сосудов), металлическое изделие (бронзовая поясная накладка Ж-образной формы со шпеньками на тыльной стороне для крепления к ремню), орудия труда (кремневые скребки – 17 штук, отбойники из кварцитовой гальки – 3 штуки), фрагменты основания рюмкообразного тигля относятся также к орудиям труда бронзолитейного производства, что подтверждается ещё и остатками шлаков и кальцинированные косточки животных.

* * *

Исходя из специфики почвенных отложений на поселении можно заключить, что люди заселяли этот участок террасы по мере снижения уровня воды и высыхания её поверхности. Сначала было обжито место, занятое комплексом «А», а затем ближние к краю берега участки, соответствующие к комплексам «Б» и «В».

Местонахождение Шеш-ты

Расположена на правом берегу Мезени, в 2-х км ниже д. Разгорт и в 100 м от устья старичного озера (А.М. Мурыгин, В.С. Стоколос, 1974 г. и А.М. Мурыгин, 1977 г.). на площади около 8 кв. м в основании 6-ти метровой террасы собраны фрагменты керамики не менее чем от 2-х ванвиздинских сосудов. Венчик каждого сосуда украшен оттисками зубчатого штампа, расположенного ёлочкой.

Памятники в урочище Ёшчой находятся в 12 км ниже д. Чернутьево на 5-ти метровой песчаной террасе левого берега р. Мезень (А.М. Мурыгин, В.С. Стоколос, К.С. Королёв, 1975 г. и А.М. Мурыгин, 1977 г.). На площади урочища открыто большое количество разновременных археологических памятников, среди которых выделено 7 пунктов с материалом второй половины I тыс. н.э.

Поселение Ёшчой – I (жил. 5)

В жилище эпохи бронзы (раскоп – 84 кв. м) выявлены материалы раннего средневековья (В.С. Стоколос, 1976 г. и 1986 г.). Вещевой инвентарь ванвиздинской культуры был найден в верхнем горизонте северной части раскопа, в линзах двух кострищ. Заполнением кострищ служил буро-коричневый плотный песок, обожжённые камни, косточки животных, кремневые отщепы и осколки, фрагменты керамики (не менее 28 сосудов), глиняного тигля и льячки, шлаки, обломки железа и железный нож, бронзовое шило.

Поселение Ёшчой – I (пункт 14/12 – жил. 12)

В 160 м к северо-востоку от пункта 6/4 и в 60 м от края террасы обнаружена жилищная впадина овальной формы, размерами 4,6 x 8, глубиной 45 см – пункт 14/12. Материалы памятника разновременны – они относятся к **эпохе бронзы, раннего железа и раннего средневековья**.

В раскопе площадью 20 кв. м, которым в 1974 г. была исследована северо-западная половина жилищной впадины, собран смешанный и разновременный материал. В 1975 году были проведены заключительные раскопки этого памятника (В.С. Стоколос, 1976 г.). Связь вещевого инвентаря с жилищем не устанавливается. Кроме раннесредневековой керамики найден крупный кусок металлургического шлака. Керамика второй половины I тыс. н.э. представлена фрагментами верхней части не менее чем от 21 сосуда с элементами орнамента. В целом, для памятника характерно большое количество чаш с непрофилированным краем и чашевидных сосудов с сильно суженным устьем, оформление наружной части венчика в виде бортика.

Местонахождение Ёшчой – I (жил.4)

В заполнении восточной половины жилища эпохи бронзы (В.С. Стоколос, 1976 г.), исследованного раскопом площадью 112,5 кв. м, на глубине 26 см от дневной поверхности в слое светло-жёлтого песка был найден черешковый однолезвийный железный нож (длиной 12,8 см).

Местонахождение Ёшчой – I (пункт 6/4)

Найдено в 1974 году. Расположено в 15 см от края террасы в выемке площадью около 4,5 кв.м, образованной корнями упавшей сосны. Находки залежали в светлом и жёлтом песке. Здесь собраны фрагменты керамики от одного ванвиздинского сосуда.

Местонахождение Ёшчой – I (пункт «А»)

На разрушенном участке поверхности террасы в 1976 г. собраны фрагменты керамики и кремневые осколки, отщепы. Фрагменты керамики принадлежали не менее чем пяти ванвиздинским сосудам.

Местонахождение Ёшчой – I (пункт 12)

Было открыто в 1976 г. (В.С. Стоколос, 1986 г.). Исследован раскоп площадью 151 кв. м, заложенным у самого края террасы. В нём зафиксированы культурные остатки **эпохи бронзы, раннего железного века, раннего и позднего средневековья** (В.С. Стоколос, 1986 г.).

На исследованной площади средневекового поселения выявлены два наземных очага, скопление отходов хозяйственной деятельности, вещевой инвентарь и керамика, датирующиеся X – XI вв. н.э., а также немногочисленные фрагменты ванвиздинской керамики лишь от одного сосуда, хотя рядом с раскопом были обнаружены ещё 16 подобных сосудов, а также изделие в виде змейки из глины, обломок от глиняного рюмкообразного бронзолитейного тигля.

В 1976 г. и 1981-1982 гг. в долине р. Вашка (левый приток р. Мезень) от устья до её правобережного притока – р. Лоптюга были обнаружены (А.М. Мурыгин, 1977 г., 1983 г., 1984 г.) археологические памятники эпохи бронзы, раннего железа и раннего средневековья. Поздние материалы очень немногочисленны и представлены только двумя памятниками – поселением Смолокурный – I и местонахождением Вендинга.

Поселение Смолокурный – I

Расположено ниже устья р. Содзим, на краю 10-12 метровой правобережной боровой террасы р. Вашка. Исследовано на площади около 91 кв.м.

На площади раскопа под тонким растительным покровом мха расчищены две зольно-углистые линзы кострищ. Обнаруженный вещевой инвентарь ванвиздинской культуры (фрагменты керамики от 19 сосудов, обломки бронзовой и серебряной пластинок, стеклянная бусина, брусок песчаника, кости животных, кремневые отщепы и осколки) однороден.

Местонахождение Вендинга

Расположено на прикраевом участке правобережной 6-ти метровой террасы р. Вашка, в месте её выхода на правый борт долины ручья Венью (Э.А. Савельева, 1966 г., А.М. Мурыгин, 1982 г.). По левую сторону ручья расположено с. Вендинга. Материал местонахождения относится к трём периодам – **ранней бронзы, раннему железному веку (ананьинская культура) и раннему средневековью (ванвиздинская культура)**. Причём, к ванвиздинской культуре имеют отношение именно фрагменты керамики от трёх разных сосудов с примесью дресвы в глине, на которых сохранились узоры в виде четырёх сплошных горизонтальных линий зубчатых оттисков; венчик также украшен наклонными оттисками зубчатого штампа.

Краткая характеристика памятников периода ванвиздинской культуры

Таким образом, основным типом археологических памятников раннего средневековья бассейна Мезени являются неукреплённые поселения и местонахождения, которые располагались на 5-8 м, реже 10-12 м, речных, а также на 3-4 м старичных террасах, на берегах как основной водной магистрали, так и её притоков. Вещевой инвентарь достаточно однообразен (керамика, кремль, шлаки, кости животных, каменные и металлические орудия труда, реже индивидуальные изделия). Городища и могильники отсутствуют. Определяющим фактором при выборе места поселения, видимо, являлись естественно-географическое положение участка территории и наличие богатых природных ресурсов, необходимых для оптимального жизнеобеспечения проживающих групп (племён) людей.

Если обозначить конкретнее, судя по составу вещевого инвентаря, основная повседневная жизнь была сосредоточена около крупных очагов: здесь варилась пища, изготавливалась глиняная посуда и обрабатывались шкуры животных, шла работа кремневыми скребками. Здесь же обраба-

тывали цветные металлы, возможно восстанавливали железо из болотных руд. О наличии железоделательного производства свидетельствуют находки тяжёлых ожелезненных шлаков и зерна железа на поселениях Кужим – II, Кужим – III, Мичачой – III, Ядмас – I, Чойнӧв-ты – V, Ӧшчой – I (жил. 5) и др.

На некоторых поселениях очаги, возможно, одновременно выполняли роль жертвенников, определяющихся по находкам рядом с ними предметов культового характера. К ним относятся: очаг – IV на поселении Кужим – II, рядом с которым обнаружена бронзовая фигурка медведя; очаг – I на поселении Усогорск – III /А, где найдена бронзовая хищная птица; очаг на поселении Ядмас – I, где были найдены обломки трёх однотипных глиняных стилизованных антропоморфных фигурок и трёхпалой лапы.

Судя по числу очагов, а также по площади, самыми крупными поселениями оказались Ядмас – I, Кужим – II и Мичачой – III.

Все вышеназванные памятники датируются в следующем порядке:

- ✓ Кужим, Ӧшчой – I – V – VI вв. н.э.
- ✓ Смолокурный – I, Ядмас – I, Ядмас – II, Мичачой – III – VI – VIII вв. н.э.
- ✓ Мичачой – II, Шешты – VII вв. н.э.
- ✓ Усогорск – III (А, Б, В), Чойнӧвты – V, Вендинга – VII–VIII вв. н.э.

В части касающейся фауны судя по качеству костей и особей на исследованных памятниках преобладали соответственно бобр, северный олень и лось. Среди них основное место занимали костные остатки бобра. Лишь поселение Усогорск – III характеризуется наличием только парнокопытных и отсутствием всех видов промысловых млекопитающих, известных на других памятниках.

Главным объектом охотничьего промысла на Мезени в ванвиздинское время являлись пушные звери (53,3% особей; бобр, белка, куньи, лисица) и дикие копытные (лось, олень; 42,2% особей), то есть охота скорее всего имела и пушное, и мясное направления. Причём, на поселении Кужим – II найдены кости крупного и мелкого рогатого скота (домашних копытных), что может служить основанием полагать, что люди уже имели навыки скотоводства в третьей четверти I тыс. н.э. Об этом же могут свидетельствовать и кости мелких парнокопытных (овца либо коза) на поселении Усогорск – III, найденные в очагах всех трёх комплексов (А, Б, В). Кроме того, на поселении Смолокурный – I найдены фрагменты бивня или зуба мамонта, а на поселении Мичачой – III – уникальная поделка из рога шерстистого носорога. Однако, среди костей млекопитающих на Мезени не встречены остатки бурого медведя, выдры, волка, зайца.

Судя по обнаруженным местам древних стоянок людей в бассейне р. Ирва (приток р. Мезени), их, в целом, можно отнести к периоду XIII – XIV веков н.э., а также поселения более позд-

него периода (XV век) на участке оз. Чур-ты. Среди поселений каких-то особых отличий не наблюдается.

Основными предметами среди вещевого инвентаря и орудий труда также нет различий.

Характерными являются: глиняные сосуды из числа керамики четырёх видов орнаментов, в том числе чаши, а также деревянная посуда; отдельные предметы медной утвари; топоры, острога и крючья рыболовные, ножи, наконечники стрел и копий из железа; кремь (скребки, отбойники); изделия из камня и абразивные предметы (точильные).

Но, главное, на Кос-ты и местечке Кёдза-Яг найдены фрагменты скульптур идолов из дерева в форме статуэток, что не характерно было в то время коми-зырянам. Близость с р. Вымь подтверждает непосредственную причастность и участие вымских племён впоследствии во время их переселения на р. Мезень (верхняя часть). Жилища и хозяйственные постройки, в основном, были наземными, хотя присутствовали и полуземлянки. Среди иных предметов обнаружены: женская гребёнка и иглы из кости для пошива одежды из кожи, а также бусы из обработанного кварца и игрушки в виде глиняных фигурок зверей и птиц. Предположительно, судя по искусственным перегородкам из сплошных кольев в протоках Тшупта-ты и Кос-ты, таким образом ловили рыбу.

Следов по литью металла и использования руды не обнаружено. Отсюда можно сделать вывод, что металл приобретался в других местах. Не исключается смешение (заимствование) традиций с вычегодскими племенами по р. Вымь в поздний период. Хотя переселение части вымских коми-зырян происходило в основном в XV веке, отдельные группы людей уже ранее заселяли р. Ирву и Мезень (верхняя часть). По всей вероятности, эти обстоятельства послужили основой для укрепления постоянных селений племён чуди и коми-зырян. Причём, судя по находкам, ванвиздинская культура сыграла решающую роль в освоении новых земель. А поздние периоды зарождения постоянных поселений в верхней части Мезени и по р. Ирва лишь являются тому подтверждением (с. Глотова-Слободка, 1554 г.; дер. Макарыб, 1558 г.; дер. Борово, 1666 г.; дер. Кучмозерьё, 1668 г. и т.д.).

И в заключении можно выразить, что на р. Мезень, судя по всему, не складывалась ванвиздинская культура. Основной территорией обитания этноса, археологически представленного этой культурой была средняя Вычегда. Возможно, вычегодское население использовало бассейн средней и верхней Мезени в качестве дополнительной территории промыслового освоения (создание поселений в охотничьих и рыболовных угодьях), что привело к накоплению здесь более традиционного («чистого») в отличие от «вычегодского», комплекса материальных остатков ванвиздинской культуры.

* * *

Если обобщить все результаты учётных мест находок за период 60-х – 70-х годов прошлого века, то получится весьма насыщенная география археологических памятников («Перечень» прилагается).

Что характерно, памятники в разных местах, в бассейне р. Мезень, относятся к разным периодам культур и эпох, но большинство – к бронзовому веку (II тысячелетие до н.э.). в результате раскопок по выявленным культурным слоям составлялась характеристика каждого объекта.

По характеру конструктивных элементов, извлечённых фрагментов и других материалов осуществлялись соответствующие исследования, а затем определялось датирование памятника.

№ п/п	Наименование памятника	Датирование по времени (эпоха, культура)	Местонахождение объекта
1	2	3	4
1.	Поселение Кувжим	Ванвиздинская культура	На правом берегу Мезени, выше устья р. Елва.
2.	Поселение Усогорск-III	___//___	На левом берегу Мезени, на территории нижнего склада п. Усогорск.
3.	Местонахождение Шешты	___//___	На правом берегу Мезени, ниже деревни Разгорт.
4.	Чернугъевское поселение	___//___	На правом берегу Мезени, на западной окраине с. Чернугьево.
5.	Стоянка Вендинга	___//___	У деревни Вендинга, правый берег Вашки, на правом берегу ручья Вень.
6.	Поселение Нимейчой – I	Эпоха бронзы (II тысячелетие до н.э.)	На левом берегу Мезени в устье реки Елва.
7.	Поселение Нимейчой – II	___//___	На левом берегу Мезени, севернее Нимейчой – I.
8.	Поселение Нимейчой – III	___//___	В 130 м севернее от Нимейчой – II.
9.	Поселение Нимейчой – IV	___//___	Место слияния рек Елва и Мезени в 200 м южнее Нимейчой – I.
10.	Стоянка Елва	___//___	На левом берегу Мезени, ниже устья Елва и рыббазы.
11.	Стоянка Макарыб	___//___	На левом берегу Мезени, выше деревни Макарыб, у кладбища.
12.	Стоянка Мозындор	___//___	На левом берегу Мезени, ниже деревни Макарыб,
13.	Стоянка Буткан	___//___	На левом берегу Мезени, западнее деревни Буткан, на восточном берегу проточного старичного оз. Буткан-ты.
14.	Поселение Усогорск – I	___//___	На левом берегу Мезени, на территории нижнего склада посёлка Усогорск.

1	2	3	4
15.	Стоянка Пежью	___//___	На правом берегу Мезени, у бровки террасы левого берега речки Пежью.
16.	Стоянка Нижне-Вылибская	___//___	На левом берегу старицы р. Мезень в окрестностях дер. Нижний Вылиб.
17.	Стоянка Изба	___//___	На правом берегу Мезени ниже по течению от деревни Елькиб.
18.	Поселение Ошчой – IV	___//___	На левом берегу Мезени, ниже деревни Чернутьево (урочище Ошчой)
19.	Поселение Ошчой – V	___//___	На левом берегу Мезени южнее поселения Ошчой – IV.
20.	Поселение Уип	___//___	На левом берегу Мезени выше устья реки Уип.
21.	Стоянка Мучкас	___//___	На левом берегу Мезени в окрестностях от деревни Мучкас.
22.	Стоянка Малая Пысса	___//___	На левом берегу Мезени, ниже деревни Малая Пысса.
23.	Стоянка Бычимьель	___//___	На левом берегу Мезени, ниже деревни Малая Пысса.
24.	Поселение Лекчойди – I	___//___	На правом берегу Мезени, выше по течению от пос. Барма и одноимённого притока Мезени, напротив южной оконечности о-ва Лекчойди.
25.	Поселение Лекчойди – II	___//___	На правом берегу Мезени, близ о-ва Лекчойди.
26.	Стоянка Шогнес	___//___	На левом берегу Мезени в окрестностях Елвинской рыббазы (урочище Нимейчой)
27.	Стоянка Выльвидзская	___//___	Напротив деревни Выльвидзь, на правом берегу реки Вашка, в бору, недалеко от устья р. Содзима.
28.	Вильгортский могильник	XII – XIV века н.э.	На правом берегу Вашки, близ деревни Вильгорт.
29.	Чернутьевский могильник	XV век	На правом берегу Мезени, восточнее села Чернутьево.
30.	Поселение Нимейчой – V	Эпоха раннего железа (I тысячелетие до н.э.)	На левом берегу Мезени в окрестностях Елвинской рыббазы (урочище) Нимейчой
31.	Поселение Руччой	Ананьинское время	На левом берегу Мезени, выше деревни Зерзяиб, в местности Руччой.
32.	Поселение Ус– I	___//___	На правом берегу реки Ус (левого притока Мезени), у водозаборной станции пос. Усогорск.
33.	Стоянка Ус – III	___//___	На правом берегу реки Ус, у водозаборной станции пос. Усогорск, близ поселения Ус – I.
34.	Поселение Кыстырью	Неолитовая эпоха (III тысяч. до н.э.)	На правом берегу Мезени, ниже деревни Чернутьево

1	2	3	4
35.	Поселение Ошчой – I	Время энеолита	На левом берегу Мезени, ниже деревни Чернутьево (урочище Ошчой).
36.	Поселение Ошчой – VI	Неолитовая эпоха	На левом берегу Мезени северо-восточнее поселения Ошчой – V
37.	Стоянка Усогорск – IV	___//___	На левом берегу Мезени, на территории нижнего склада пос. Усогорск, западнее поселения Усогорск – III.
38.	Стоянка Ус – II	___//___	На правом берегу реки Ус у водозаборной станции пос. Усогорск, недалеко от поселения Ус – I.

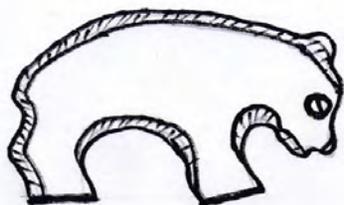
Остальные 18 памятников (местонахождения, стоянки и поселения) не имеют точного определения по времени. В любом случае следует заключить, что древние местообитания людей на территории Удорской земли имеют исконные корни от начала зарождения первичных цивилизаций. Причём, древнейшие племена были носителями посылов для образования впоследствии отдельных народностей, в том числе и коми этноса.

Примечание:

В подготовке настоящего проекта использованы материалы доктора исторических наук А.М. Мурыгина, В.С. Стоколоса, Э.А. Савельевой информация А.В. Логинова (житель Удорского района) и личные исследования А.И. Вурдова.

Приложения

Найденные экспонаты

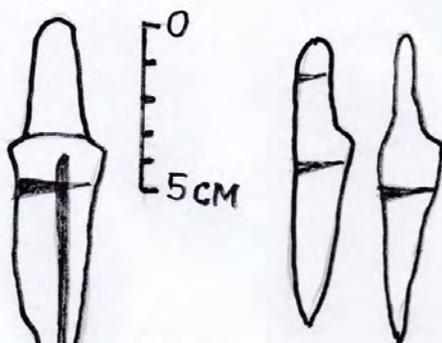

Медведь

Хищная
птица

а) Культовые предметы (бронза)

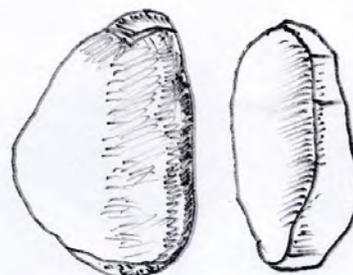
б) Железные
ножи

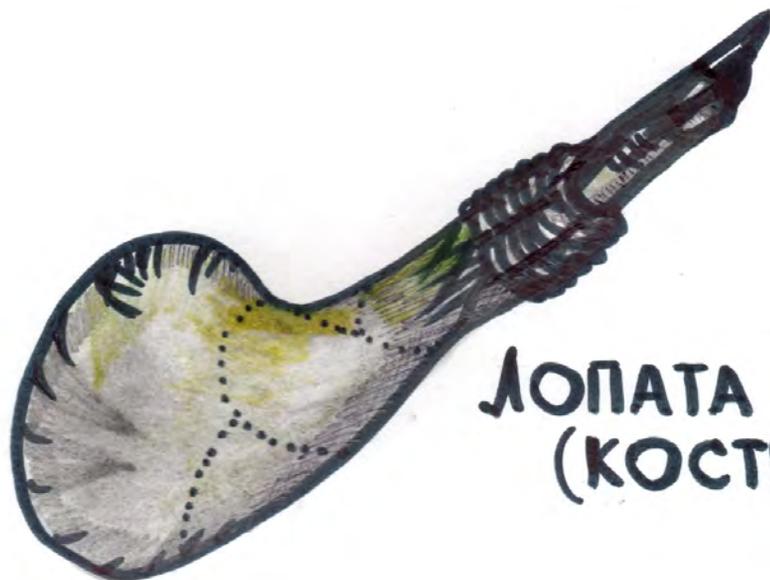
в) Кремьень

г) Коло тушка (кость)

д) Отбойник (камень)

ЛОПАТА ХОЗ.
(КОСТЬ)

ТОПОР
(ЖЕЛЕЗО)

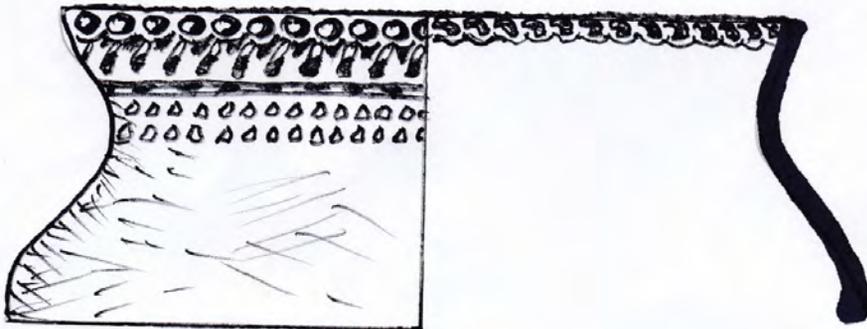
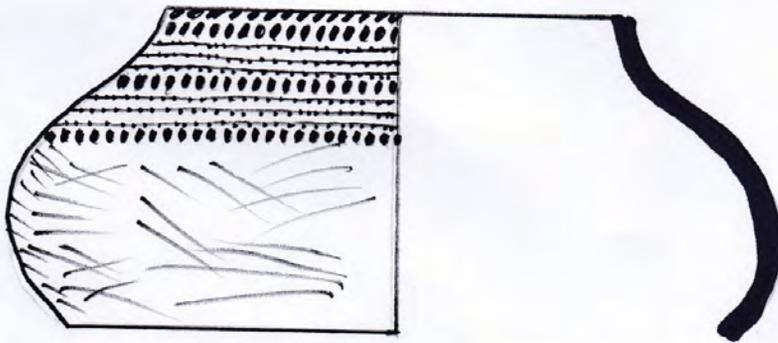
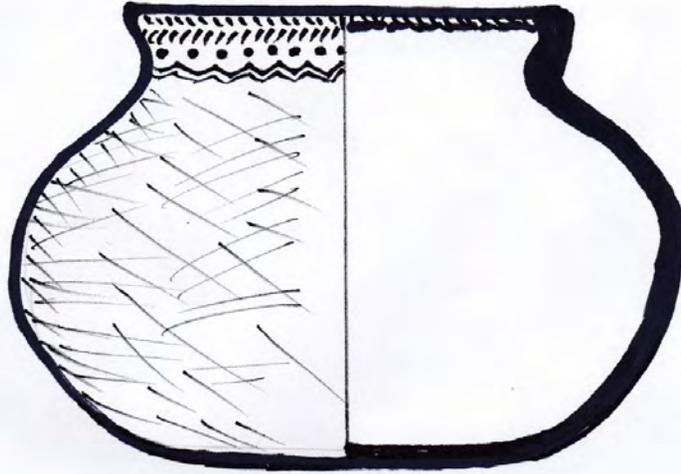

ВИЛЫ
(КОСТЬ)

СКРЕБОК
(КОСТЬ)

ОБРАЗЦЫ СОСУДОВ. КЕРАМИКА. (РЕКОНСТРУКЦИЯ)

Находки в бассейне р. Ирва

а и б) Наконечники стрел (железо)

в) Наконечник копья

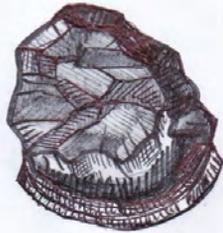

Фрагменты скульптур
идолов (дерево). Реконструкция.

а) Крючки
рыболовные

б) Острота
(железо)

в) Скребок

г) Иглы (кость)

д) Женская гребёнка
(кость)

Перечень учётных постоянных коми поселений за период с XIV по XVIII века

№ п/п	Название поселения	Год основания	По состоянию на 01.01.2020 г. (+), (-)
1	2	3	4
1.	Древняя Вендинга	1385	+
2.	Древняя Крестово	1465	+
3.	Село Важгорт	1490	+
4.	Село Глотова	1554	+
5.	Село Кослан	1556	+
6.	Древняя Макарыб	1585	+
7.	Село Буткан	1586	+
8.	Древняя Разгорт	1586	+
9.	Древняя Верхний Вылиб	1586	+
10.	Древняя Кривое	1592	+
11.	Древняя Коптюга	1594	+
12.	Село Чернутьево	1600	+
13.	Село Большая Пысса	1600	+
14.	Древняя Коздинга	1608	-
15.	Древняя Ыб	1608	+
16.	Древняя Верховзерье	1608	-
17.	Древняя Большие Чирки	1608	+
18.	Древняя Большое Острово	1608	+
19.	Древняя Выльгорт	1608	+
20.	Село Ёртома	1608	+
21.	Село Большая Пучкома	1608	+
22.	Древняя Латьюга	1629	+
23.	Древняя Тойма	1649	-
24.	Древняя Патраково	1646	+
25.	Древняя Мучкас	1646	+
26.	Древняя Усть-Вачерга	1650	+
27.	Древняя Устьево	1663	+
28.	Древняя Борово	1666	+
29.	Древняя Муфтюга	1658	+
30.	Село Чупрово	1668	+
31.	Древняя Кучмозерье	1668	+
32.	Древняя Тасма	1680	-
33.	Древняя Мыка	1678	+
34.	Древняя Лоптюга	1678	+
35.	Древняя Нижний Удор	1707	+
36.	Древняя Малая Пысса	1707	-
37.	Древняя Кривушево	1749	-
38.	Древняя Политово	1782	+
39.	Древняя Корттувья	1792	-

Условные обозначения: «+» – есть; «-» – нет.

Примечание: Фактическое существование поселений, обозначенных в Перечне, на самом деле имеют более ранний срок зарождения, чем указанные года по официальному учёту по причине того, что вплоть до конца XVIII века учёт поселений и перепись жителей (только из числа взрослого населения) проводились всего один раз в течение 50 лет.

* * *

Следует отметить, что первичными поселениями по берегам рек Мезень и Вашка являлись небольшие починки из двух-трёх дворов. Однако, со временем местные коми объединялись семьями в каком-то одном месте и укоренялись. Таким образом, впоследствии возникали деревни и сёла, преимущественно из двух и более родовых линий. В конце XVIII века численность родовых корней на Удоре насчитывалась до двухсот.

Особенности культуры промыслового наследия Удоры

На протяжении многих столетий, вплоть до недавнего времени, в традиционном природопользовании удорского коми крестьянства оставались охота и рыбалка. Даже, начиная с ранних этапов этнической истории, промысловое хозяйство было комплексным. Жители ещё занимались собирательством (сбор грибов и ягод, дикорастущих плодов и целебных трав, а позднее – земледелием и скотоводством, особенно после вхождения в состав Русского государства. Промысловая культура и уклад жизни отличались от народов Европейского Севера самобытностью и многообразием.

Конечно, уже к началу XX столетия культура промыслового населения начала меняться. Активные подвижки в развитии экономики, а также этнокультурные контакты с соседними территориями, внесли разные новшества.

В период христианизации (XV – XVIвв.) во время первых переписей семейных общин вели учёт в Писцовых книгах не только местных жителей, подворья и имущества, но и официально регистрировали охотничьи промысловые угодья с правом постоянного пользования членов семей из числа взрослых мужчин с отметкой символов родовых знаков.

В целом, на территории Удорского края уже в XVII веке было отмечено более 350 родовых промысловых угодий. Недаром Удора заслужила репутацию в числе основных поставщиков пушнины. Можно выделить из представителей млекопитающих около 36 видов, гнездящихся птиц – около 120 видов и 27 видов рыб и рыбообразных.

Ещё в период Ванвиздинской культуры (IV – VIIIвв. н.э.) приёмы охоты и рыболовства в результате распространения металлических орудий труда были достаточно совершенны. К основным орудиям охоты относились копьё, топор, лук и стрелы с наконечниками различной конфигурации из железа и кости, возможно, кроме ножа, была ещё праща. Активно использовались для отлова

зверей и боровой дичи самодельные ловушки давящего типа, такие как слопцы, плашки, а также ямы с зубьями из кольев, петли и т.д. А вот водоплавающую дичь и гусей добывали устройствами из вязаных сеток. Шкуры крупных зверей обрабатывали каменными либо железными скребками. Готовый материал использовали для шитья верхней одежды, головных уборов, обуви, подстилки...

Средством передвижения охотников зимой служили лыжи. К рыболовному инвентарю принадлежали металлические крючки из железа, бронзы и латуни, а также крючки из отрезков веток с острым углом, костяные жерлицы, гарпуны с костяным наконечником, сети с каменными грузилами, ловушки типа верш. Широко применялось запорное рыболовство (перегородки на реках и водоёмах из кольев и плетёные из веток ив или черёмухи «морды») и артельное рыболовство неводом.

В общем, Удорский край в дальнейшем, в силу слабого развития земледелия из-за малоземелья и сурового климата на протяжении всей своей истории, по сравнению с другими коми территориями, оставался преимущественно промысловым районом с особо развитым охотничьим промыслом.

**Основные виды животных, птиц, рыб и рыбообразных,
обитающих на территории Удоры**

Животные

Американская норка

Белка

Беляк

Бобр

Бурундук

Бурый медведь

Водяная полёвка

Волк

Выдра

Горностай

Европейская норка

Крот

Куница

Лесной северный олень

Лисица

Лось

Ондатра

Полёвка

Росомаха

Рысь

Птицы

Беркут

Вальдшнеп

Ворон

Гагара

Глухарь

Гусь белолобый

Дятел малый пёстрый

Журавль серый

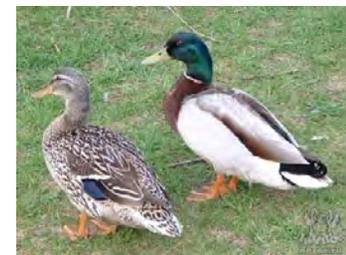
Крчка

Крохаль

Кряква

Кукушка

Кулик

Лебедь кликун

Орлан белохвост

Рябчик

Серая неясыть

Скопа

Снегирь

Сойка

Сорока

Тетерев

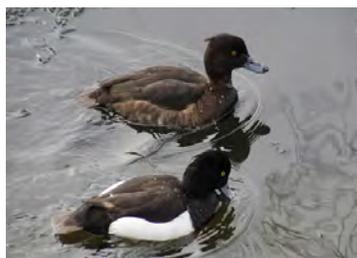
Трясогузка

Чайка озёрная

Чернеть

Чирок

Рыбы и рыбообразные

Бычок– подкаменщик

Горбуша

Девятииглая колюшка

Елец

Ёрш

Серебряный карась (вверху)
и золотой карась (внизу)

Азиатская корюшка

Краснопёрка

Кумжа

Лещ

Тихоокеанская минога

Налим

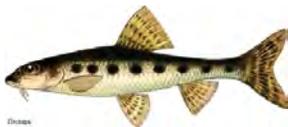
Нельма

Окунь

Пелядь

Пескарь

Плотва

Речная камбала

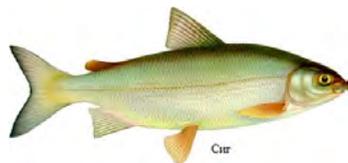
Европейская ряпушка

Сёмга

Сибирская минога

Сиг

Стерлядь

Трёхиглая колюшка

Уклея

Усатый голец

Хариус

Щука

Язь

ДРЕВНЯЯ
УДОБА

Части IV-X

Часть IV.

Христианство и письменность. Истоки

Очевидно, что формированию единого мировоззрения среди людей способствовали и общие интересы, и условия среды обитания, и укоренившиеся древние традиции, и единое языковое общение, и культурное наследие, и духовные принципы, и вероисповедование, и образование родоначалия. Так постепенно со временем складывался национальный характер удорского коми жителя. Силу добра и благополучие люди черпали из Природы посредством общения и познания окружающего мира. Свою родовую принадлежность каждое семейство отмечало родовым знаком («пасом»). Рисунки знаков были несложные и подтверждали собственность. Из поколения в поколение родовой знак дополнялся новыми деталями (перпендикулярные линии, зигзаги, чёрточки, овалы, точки и т.д.). В общем, родовые знаки представляют собой символическую генеалогию. (См. *Перечень родовых знаков («пасов») по Удорскому району*). И, что ещё важнее, многие знаки вошли в состав древнего коми алфавита. В этом, прежде всего, заслуга основателя епископа Стефана Пермского, который в 1372 году впервые составил древнепермскую азбуку в «24 буквы по числу букв греческой азбуки и по речи пермского языка». Он же создал и церковную литературу на древнепермском языке. Вот с этого периода и зародилась коми литература. На Удорской земле впоследствии с появлением грамотности коми язык обрёл законный статус. И то, что до сих пор сохранились прежние диалекты, лишь подтверждают речевое разнообразие «отголосков» древнего быта и культуры.

Стефан Пермский, родом из Великого Устюга, где изучал богословие, старославянский и греческий языки, знал и язык коми-зырян. Перед походом по берегам рек Северной Двины и Вычегды сочинил азбуку для коми-зырян с учётом родовых знаков местного населения. Несмотря на все трудности, он сумел проповедью и молитвой окрестить зырян, и в первую очередь на Усть-Выми. И практически коми люди перестали кланяться прежнему идолу – большой берёзе, восприняв призыв: «Мунам Енӧсвидзӧдны!» («Пошли смотреть Бога!»). К концу своей жизни первопроевователь коми народа был рукоположен в сан епископа Пермского края и назначен управителем Усть-Вымской волости. Скончался святой Стефан в 1396 году и был похоронен в Московском Кремле. Канонизирован в XVI веке. Именем святого Стефана Пермского назван самый главный храм в столице Республики Коми.

Конечно же, первопроевователи славян святые братья Кирилл и Мефодий и креститель коми святой Пермский дали начало новой эпохе в становлении и развитии многих стран и национальностей. Однако, следует упомянуть и о других фактах, которые произошли на «Удорской земле».

Итак, в течение XIV - XVI веков произошла христианизация удорского населения. В первом постоянном поселении Вендинга ещё в XIV веке построили первую православную часовню, затем через восемь лет – в селении Важгорт. Далее в XVI веке в верховье реки Мезень образовалась Глотовская Слобода и Косланская волость. Христорождественская церковь в Глотове-Слободке объединило восемь починков. По древней переписи это селение образовалось в 1554 году. В 20 км выше по течению реки Мезень лишь в 1585 году – деревня Макарова (д. Макарыб). Причём, после пожара жилищ, жители этой деревни, проживали до 1646 года в Верхнем Вылибе, где и приняли христианскую веру, а потом вновь начали обживать местечко Макарово. В числе первых переселенцев были Дорофеевы, Ларион Ионович Политов, Аникей Михайлович Обрезков и Карповы.

Приток Вашка, откуда начиналась «Удорская земля», объединяла коми жителей с соседним западно-финским населением, а формирование «верхнемезенской» группы с XIV века происходило со стороны Вымского бассейна, поэтому имелись некоторые этнокультурные различия. Лишь в XIX веке образовалась единая этнографическая группа удорских коми. К примеру, в средней части Мезени, село Большая Пысса основана была лишь в 1600 году, а в 1692 году образована Пысская волость, в которую вошли деревня Латьяга – в 1629 году, деревня Патраково – в 1646 году, а позже – деревня Малая Пысса – в 1707 году, деревни Политово и Нёбдино – в 1747 году.

В 1606 году Удора вошла в состав Яренского уезда, но разделена была условно на две части: Средняя Мезень до устья реки Вашка вошла в состав Мезенско-Кеврольского уезда, остальная часть осталась, по-прежнему, в составе Яренского уезда.

Вообще, до 1570 года в состав «Удорской земли» входила территория, населённая «удорцами» на реке Кулой (Мезенский район Архангельской области) и бассейн реки Мезень до устья реки Вашка (Лешуконский район Архангельской области). Кстати, местное население в те времена разговаривало на коми языке. Причём, по списку местных священников приходов в отдельных деревнях жила народность чудь. И в этом не было ничего удивительного – население чудь проживали от верховья Мезени и до устья Вашки. Получалось, что и русские, и коми, и чудь на данной территории проживали в смешении практически до середины XIX века.

Надо отметить, что в силу определённых объективных причин с учётом суровых условий проживания и общинно – хозяйственной формы хозяйствования на коми территории система крепостного права отсутствовала. В конечном итоге, это позволило жителям укорениться на традиционных местах проживания во все века и сохранить самобытность, культуру и историю в рамках единой народности.

Понятие духовности далеко не было исключением в сознании населения Удоры, хотя до XVI века люди не обучались общей грамоте. Однако, были отдельные личности, которые умели читать и писать на старославянском языке. Лишь в период христианизации была возможность при церк-

вах обучаться начальной грамоте и, в том числе, познать коми язык. Благодаря отдельным духовным наставникам впервые открыли церковно-приходские школы в сёлах Важгорт, Глотова, Кослан, Большая Пысса, Чернутьево.

Конечно же, методика обучения совершенно отличалась от нынешней. За месяц или два школяров обучали по возможности читать и писать. Но, главное, состояло в другом, а, именно, приобщиться к Библии и познать азы русского и коми алфавитов. Даже старожилы иной раз посещали занятия, чтобы научиться хотя бы личную подпись поставить в учётных книгах и налоговых бумагах о ежегодных уплатах податей. Помимо всего прочего, к примеру, молодой человек, обученный грамоте, имел перспективу в дальнейшем обрести государственную должность либо продолжить обучение в духовной семинарии. Подобная этнокультурная направленность образования явилась началом формирования развития личности коми человека на Удорской земле в новом качестве. Уже позже в 1816 году, Вологодский этнограф и путешественник Волков так писал в своих научных трудах: «Удорчанин немногословный, скромный, трудолюбивый...Отличается вежливостью и гостеприимством. Не признаёт ни табак, ни вина. Бережёт своё хозяйство и заботится о семье. С природой разговаривает на «Вы», охотник и рыбовод...» Не мудрено, что ещё ранее в каждом племени строго соблюдали общие правила «жития» и «порядка». За нарушения наказывали как взрослых, так и детей, используя разные методы. Существовали непреложные принципы:

- ✓ уважение к старшим по возрасту и старейшине;
- ✓ поклон за доброту и помощь;
- ✓ ежедневное прикосновение к священному родовому столбу и сохранение семейных традиций;
- ✓ трудолюбие, старательность и вежливость;
- ✓ быть честным и смелым;
- ✓ оказание помощи другому в случае надобности;
- ✓ любить Природу-Матушку и почитать медведя, как священного животного;
- ✓ соблюдать основные Библейские заповеди и сохранить Православную веру.

Подобные нравственно-духовные требования воспитывались с детства и не случайно родовые династии славились знатными мастеровыми даже за пределами Удорской территории.

Судя по сохранившимся отдельным записям и схематическим рисункам таёжной местности на бересте и коже, можно утверждать, что удорские охотники со смыслом путешествовали в сторону Предуралья в поисках необжитых, богатых промысловых мест. Особая активность проявлялась в период развития торгово-обменных отношений. Причём, среди заезжих русских купцов возрос интерес заказывать у местных жителей дичь, пушнину, ценные породы рыб, пух, перо, одежду из кожи, обувь, но и самобытные игрушки из разных природных материалов, женские

украшения из ценных минералов, глиняную посуду, разрисованную Удорским орнаментом различного стиля и рисунками. (См. рисунок «Основные виды орнаментов»).

Удорчане непосредственно придавали каждому виду орнамента своё философское мировоззрение, тем самым подчёркивали национальную принадлежность и самобытность. Недаром, в качестве символических элементов рисовали образы животных, птиц, растений, а также родовые знаки.

Перечень родовых знаков («пасов») по Удорскому району

†	МИТИН К.А. (Ондрей к.)	⊕	БУШЕНЕВ И.С. (ЕПИМ к.)
∞	МИТИН Н.П.	∩	ДОРЁШ котыр
⊥	ОЛЬШАНОВ С.И.	У	ЛОГИНОВ Я.Д. (Дорёш к.)
⊙	ПОПОВ А.С.	∩∩	ЕПРИМ котыр
∩	БУКИН К.И. (МАРКЪЯН к.)	∩	МАРК ЕГОР котыр
∞	БУКИН П.К. (КУЗЬМОЙ к.)	∩, ∩, ∩, ∩, ∩	ПУЧКОМА
∩	БУКИН С.Е. (ЕМЕЛЬ к.)	∩	ДОЛГИН С.П. (Пуд к.)
∩	ЛОКАЧЁВ Ф.Н.	∩	ЖИЛИН В.А.
∩	ПАНТЕЛЕЕВ П.К.	∩	СЫЧЕВ Е.А.
∩, ∞	СЕЛИВАНОВ П.Н.	∩	МАТВЕЙ КОЛЯ ВАНЕЕВ.
∩	ЖИЛИН В.М.	☆	СЕЛИВАНОВ Г.С.
∩	ПОТАПОВ А.К.	∩	СЕЛИВАНОВ И.А.
∩	СЫЧЕВ А.Е.	∩	БУТЫРЕВ Г.К.
∩	ТРОФИМОВ А.Е.	∩	БУТЫРЕВА М.И.
∩	ВАНЕЕВ А.С.	∩	БУТЫРЕВА О.А. (Априк к.)
∩	ВАНЕЕВ Н.К.	∩	ДОЛГИН К.А. (Уласов к.)
∩	ВАНЕЕВ С.А. (Ондареник к.)	∩	АВРАМОВ В.Н.
∩	ВАНЕЕВ С.У.	∩	АВРАМОВ Т.Д.

И,Т МАРКОВА Е.М. и Е.С.

П,П ПАТРАКОВ Д.Ф. и А.А.

К ПАТРАКОВ И.Д.

Ъ СЕЛИВАНОВ Г.А. (1903г.)

Л СЕЛИВАНОВ Е.В. (Левой к.)

Л СЕЛИВАНОВ П.Д.

Л СЕЛИВАНОВ И.К.

З СЕЛИВАНОВ П.И.

Ч СЕЛИВАНОВ Т.М. (1903г.)

Н ПАРФЕНТЬЕВ Г.В.

О ПАРФЕНТЬЕВ М.М.

Л ЯКОВЛЕВ И.К.

Ф ЯКОВЛЕВ И.И.

П ЯКОВЛЕВ С.И.

Л,Л БАГАЕВ Г.М. и М.Д.

В ДАВЫДОВ И.М.

Ш БАГАЕВ В.Д. (Митей Вася)

Ξ БАГАЕВ Я.Т.

ХХІ,У ЕКИМОВ А.В. и М.В.

Х ЕКИМОВ В.М.

Е ЕКИМОВ А.Д.

/// ЕКИМОВ И.П.

Х КОРОВИН В.Ф.

/// КОРОВИН М.А.

Г, ПИГУЛИН Е.И.

Л,Л,Д ЛОГИНОВ к.

/ ФЕДУЛОВ М.И.

ІІ АВРАМОВ И.Л. (1884г.)

А АЛЕКСЕЕВ С.С. (Штепан к.)

Ф АФАНАСЬЕВ В.И.

І' ВАНЕЕВ А.И.

Х ЛОБАНОВ Г.П.

Н ВАСИЛЬЕВ Е.Т.

ХІІ ЛОБАНОВ С.М.

ІІ МАРКОВ М.Ф.

ІХІІ МАРКОВ Ю.В.

Х АФАНАСЬЕВ И.К.

7 КÖСЫТА ВАНЬ котыр

Ш ЛОБАНОВ М.П. (ПЕТЫР к.)

Ф ЛОБАНОВ Н.Ф.

Ѣ КУРЫДКАШИН И.А.

Н МИТИН Д.М.

А МИТИН В.Г. (Öней Гриш к.)

Т МИТИН А.Я.

Ѡ МИТИН Т.А.

С, К, Ѧ МЕЛЕНТЬЕВО

Н АФАНАСЬЕВ А.Е.

І... ПРОКОПЬЕВ И.А.

Ж ПРОКОПЬЕВ Д.А. (Дороп к.)

І: ПРОКОПЬЕВ И.А.

У ПРОКОПЬЕВ И.Д.

Ч ПРОКОПЬЕВ Л.Р.

≠ ПРОКОПЬЕВ К.А.

Ж ПРОКОПЬЕВ Н.Д.

Р АРТЕМЬЕВ И.П. (ПÖТАП к.)

ІІ ИЛЬИН Е.Н.

К КОРОВИН В.И.

ХІ ИВКИН Н.Г. (ГРИШ к.)

У КОРОВИН А.М. (КЕРЕЙ к.)

Ч КОРОВИНА Е.М.

Н•І• КОРОВИН Н.Ф.

Ⅷ МАТЕВ С.А.

І ФЁДОРОВ В.П. (1856-1934г.)

ІІІ ПАВЛОВ М.Я.

А БУКИН И.С.

Б БУКИН котыр

У БУКИН Н.В. (МИКÖЛА к.)

З ПАВЛОВ А.К. (ЕРАСИМ к.)

Г ПАВЛОВА Е.С.

↑ ПЕДÖСЬ котыр

ІІІ ГЕРАСИМ котыр

А ОБРЕЗКОВ И.Д. (1891-1973г.)

III ПОЛИТОВ А.В.
 NI КАРПОВ С.С.
 M ОБРЕЗКОВ М.П.
 X. ПОЛИТОВ А.В.
 V ПОЛИТОВ Е.Г.
 X̄ ПОЛИТОВ М.В.
 X̄. ПОЛИТОВ Н.Г.
 V̄ ПОЛИТОВ С.П.
 E ПАВЛОВ МИТРОЙ к.

//K МАКСИМОВ Д.П.
 MIII МАКСИМОВ С.В.
 H МАТВЕЕВ Н.Е. и КРИВУШЕВ В.
 X ПАВЛЕКОВ А.П.
 V' ПАВЛЕКОВ С.В.
 A ПАВЛОВ П.И.
 XI ПАНТЕЛЕЕВ В.Е.
 III ПАНТЕЛЕЕВ Е.А.
 III' ПАНТЕЛЕЕВ Е.А.

IX КРИВУШЕВ А.П. (ТИКОН к.)
 Δ КРИВУШЕВ Д.В.
 A КРИВУШЕВ Е.А.
 II КРИВУШЕВ Е.М.
 И КРИВУШЕВ И.В.
 M КРИВУШЕВ М.А.
 L КРИВУШЕВ П.В.
 Ч МОСЬ ОПОНЫ САШ
 H. ПАВЛОВ Н.Е.

M ЗАХАРОВ М.И. (ИВАН к.)
 V КОЧЕВ А.А. и КОЧЕВ П.А.
 Y РОНОЕВ М.Д. (МИТИТ к.)
 V̄ РОНОЕВ Н.Т. (ТИКОН к.)
 Ȳ РОНОЕВ Т.А.
 F УЛЬЯНОВ А.Д.
 V БУТЫРЕВЫ (савать педёр)
 IT ТЕРЮКОВЫ (МИКАЧ к.)
 Y КРИВУШЕВ А.А.

III ПАНТЕЛЕЕВ И.Д.
Л ПАНТЕЛЕЕВ И.И.
Л ПАНТЕЛЕЕВ Н.А.
У ПЕШАКОВ Ф.
Ж ПЕШАКОВ И.С.
Д ТЕРЮКОВ Д.А.
Х ПОЛИТОВА М.В.
II БОРГАЧЕВ А. (КАНАЧЕВ к.)
Е АРТЕМЬЕВ И.Е. (ТИМЕЙ к.)
CII СОЗОНОВА О.Н. (ЯРЕЙ к.)
★ ОСТАПОВ П. (МАРУШОВ к.)
II БУГУЕВ Г.П.
IV БУДРИН А.А.
С ВУРДОВ Г.Ф.
VII ГОРДЕЕВ С.А.
V ДОРОНИН Т.А.
XII КОНОВАЛОВ С.Ф.
VIII КОСКОКОВ В.Н.

IXI ОБРЕЗКОВ А.И.
У УЛЬЯНОВ Д.М. (1908-1978)
VII ЕМУШЕВ А.Ф.
Л ЕРШОВ В.П.
М ЕРШОВ М.М.
Н ЕРШОВ С.К.
А ЗИНОВЬЕВ А.П.
Х ЗИНОВЬЕВ Д.И.
IK КАЧИН Е.Я.
VI АРТЕМЬЕВ А.И.
V АРТЕМЬЕВ. П.А.
ЄН, III ГАЛЕВ М.В.
F ИВКУЧЕВ В.А.
III/ КОРОВИН А.С.
II/ КОРОВИНА А.С.
Ч КОРОВИНА Е.М.
X КОРОВИН М.Г. (ЕЛЕСЬ к.)
V МАХОТИН В.А. (КАЛИНА к.)

1. БУШЕНЕВ А.Р. (Рёдей Олыш к.)
 2. ПАВЛОВ А.В. (АПИНО к.)
 3. ПАВЛОВ Н.Е.
 4. КУРЫДКАШИН Л.С., 1880 г.р.
 5. ВАНЕЕВ Е.Я. (ЯК ПЕДÖРЯК к.)
 6. ЖЕЛЕВ С.С. (МОСЬ САНДЫР к.)
 7. ЗАКАР ПЕТЫР котыр
 8. ÖЛЕЙ ПЕДЭСЬ котыр
 9. КУРЫДКАШИН С.И.
 10. ЦЫНГИН Е.С. (дань вань к.)
 11. ДОНЦОВ Д.Н. (ВАНЬ к.)
 12. ПАНТЕЛЕЕВ П.К.
 13. КОЗЛОВА М.Е.
 14. СТАРЦЕВ И.Н.
 15. ЧЕРНОУСОВ П.Е.
 16. ПЕТРОВ В.Н. (МИКИШ к.)
 17. ПОЛИТОВ А.М., 1923 г.р.
 18. ПОЛИТОВ А.И., 1916 г.р.

19. МИТИН П.Е. (ЯК МАНУЙ к.)
 20. НЮЧЕВ А.С. (СЕМ АРСЕЙ к.)
 21. ПУВКОЕВ Д.И.
 22. ПУВКОЕВ М.П.
 23. ПУВКОЕВ А.В., 1888 г.р.
 24. ПУВКОЕВ И.Т. (Терей Вань к.)
 25. ПУВКОЕВ М.Е. (МАЛАП к.)
 26. ПУВКОЕВ Т.И. (ТИМЕЙ к.)
 27. ПУВКОЕВ С.А. (Артип Савей к.)
 28. БУШЕНЕВ Т.В., 1867 г.р. (Терей к.)
 29. АНДРЕЕВ А.М. (Микаль к.)
 30. АНДРЕЕВ А.И. (СИДÖР к.)
 31. АНДРЕЕВ И.Ф. (ВАВÖЙ к.)
 32. АНДРЕЕВ И.Г.
 33. БУШЕНЕВ В.А. (ВАСЁ к.)
 34. БУШЕНЕВ Я.П. (КÖСЬТÖЙ к.)
 35. ЛОГИНОВ А.С. (ЗАКАР к.)
 36. ЛОГИНОВ И.В. (ВАРЛАМ к.)

Ѡ ВУРДОВ А.Л. (АВРӖС к.)

Ѡ ВУРДОВ Г.П. (ЛУКА к.)

Ѡ ВУРДОВ Л.А.

Ѡ ВУРДОВ Л.Л.

Ѡ ВУРДОВ М.Ф. (ПЕПЫЛ к.)

ВХ ВУРДОВ Ф.Г.

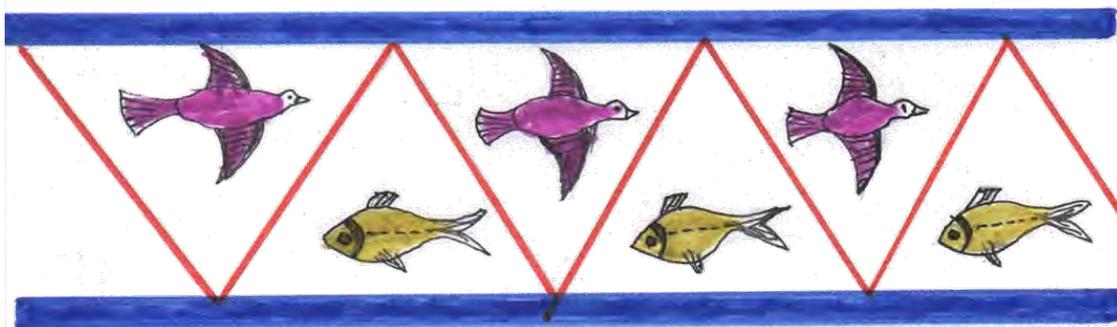
А ПАВЛОВ А.С.

Н ПАВЛОВ Е.С.

И ПАВЛОВ И.Я. (ЯК к.)

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ОРНАМЕНТОВ (XIV - XVI в.в. н.э.)

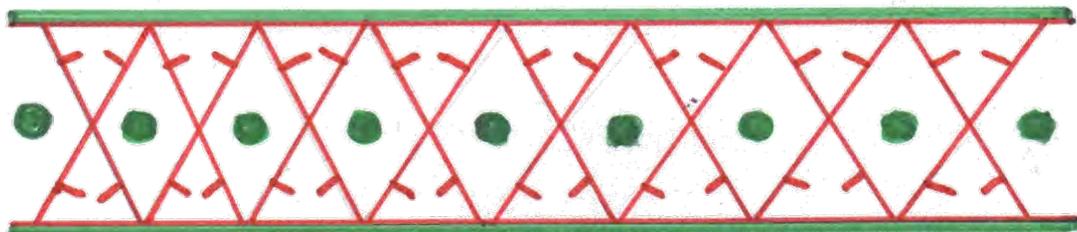
а).

б).

в).

г).

Часть V.

ОСНОВЫ ВЫЖИВАНИЯ

Условия выживания каждого племени, конечно же, зависели не только от окружающей среды, но и от правильного планирования выбора местообитания, обустройства жилищ и хозяйственных строений, доступности добычи и заготовки необходимых запасов пищи. Однако, факторы жизнеобитания включали в себя и другие обстоятельства, в числе которых следует отметить частые случаи различных заболеваний среди людей, высокую смертность детей в младенчестве, лесные пожары вблизи мест обитания, неурожайные годы ягод и грибов и т.д. А ещё, особую значимость имела соль, без которой невозможно было обходиться долгое время. Обычно поиском источников соли занимались охотники. Они обходили территории болот, примечали места пребывания крупных копытных животных, которые рытьём копыт оставляли воронки с солёной жижей. Но чаще всего люди сами находили солевые ямы тёмно-бордового окраса, а затем пробивали на глубину скважину и уже оттуда вычерпывали содержимое, которое выпаривали на солнце. Мелкое кристаллическое вещество красно-серого цвета очищали от растительных примесей и хранили в деревянных ёмкостях.

Естественно, процесс добычи соли был трудоёмким и долгим. И когда сопутствовала удача, всё племя собиралось вокруг очага, и устраивались ритуальные танцы, очищение душ от злых духов огнём, освящение водой, а на священном столбе наносили символический родовой знак. (См. *Схема добычи соли.*)

Очевидно, что основными видами пищевых продуктов являлись мясо диких животных, дичи и рыба. Среди них по уровню потребляемости особо ценились лесной олень, бобр, лось, заяц, рябчик, тетерев, сёмга, нельма, омуль, сиг, язь.

Наиболее популярным способом добычи ценных пород рыб являлся артельный лов (сезонный) в период подъёма сёмги и нельмы к местам нерестилищ. Технология добычи состояла из двух этапов: первый – заблаговременно перед путиной в местах сужений реки выбирались порожистые участки, как правило, неглубокие, затем сооружались перегородки из камней с двумя-тремя проходами. Устанавливалось круглосуточное дежурство около проходов рыбаков, вооружённых острогами. В ночное время использовались в качестве светильников – факелы; второй – наиболее активный промысел осуществлялся в тёмное время суток, когда рыба небольшими стаями устремлялась вверх по течению через «окна» и, естественно, попадалась в ловушку. Следует учесть, что подъём рыбы короткий по времени, максимум около 20 дней от начала сентября месяца. Некоторые трофеи достигали весом 30 и более килограммов, особенно нельма.

Запасы за сезон промысла достигали до нескольких тонн. После окончания путины искусственные каменные сооружения разбирали, а камни оставляли в кучах на реке. (См. *Схема добычи сёмги и нельмы в период подъёма на нерест*).

Схема добычи сёмги и нельмы в период подъёма на нерест

Однако, применялся ещё и способ лова мерёжами, но на участках с более умеренным течением, также методом перегородок из вязаных сетей, привязанных к шестам.

Однако в качестве белковой пищи в весенний период люди активно занимались ещё и сбором яиц разных птиц и даже личинок древесных насекомых. А в летний период собирали разные

съедобные корни и травы (лук полевой, щавель, хвощ, крапива и др.) В основном, горячую пищу готовили на огне и углях, то есть варили, жарили и запекали. Хотя многие яства использовали в сыром или вяленом, либо солёном или копчёном, либо сушёном виде. Широко использовали рыбий и подкожный жир в топлёном виде. Помимо всего прочего, топлёный внутренний жир росомахи служил в качестве светильника, а желчегонная «струя» бобра – от воспалительных, инфекционных и суставных заболеваний. А из хвощевых и дягильных растений, а также «мышино» горошка и грибов пекли лепёшки вместо хлеба. Причём, топлёный жир животных, птиц и рыб являлся основным профилактическим и вспомогательным средством от разных вирусных и бактериальных заболеваний.

Следует признать удивительные кулинарные рецепты удорских коми-зырян, многие из которых сохранились до наших дней.

С появлением новой формы хозяйствования – домашнего скотоводства, постепенно изменились и условия быта местных жителей. Каждое семейство имело возможности развивать домашнее хозяйство обособлено от прежних общепринятых норм. Но это не противоречило сохранению родовых устоев. В целом, наоборот, внутри общины крепло единение отношений между родственными узлами, ибо взаимная помощь и общие житейские заботы решались сообща и во время заготовки кормов, и разработки угодий, и строительства хлевов для скота. На начальной стадии представителями домашних животных являлись козы и лошади, не считая собак, а уже потом, с началом земледелия, впервые на Вашке появился крупнорогатый скот из породы низкорослых тёмной масти коров и быков. Надо отметить, что поголовье коров приживалось с трудом в силу суровых природных и климатических условий. Наибольшую ценность в хозяйствах коми крестьян всё-таки имели лошади и козы. Лошади – как тяговая сила, а козы обеспечивали животворным по качеству молоком.

Причём, позже, в конце XVII начале XVIII веков пыссские крестьяне какое-то время даже совместно с кочевыми ижемскими «яранами» (оленоводами) содержали небольшие стада оленей.

Вообще, развитие скотоводства, хотя и занимало второстепенное место после охоты и рыболовства, оправдывало себя, особенно в неурожайные годы и тем более благодаря этому постоянные поселения расширялись и выживали, несмотря на все тяготы и лишения.

Сложнее всего дело обстояло с земледелием. Основными причинами низкой отдачи от возделывания полей стали «бедные» почвы с высокой кислотностью, отсутствие семенного материала из числа устойчивых посевных культур к климатическим условиям и примитивные способы агротехники. Единственной злаковой культурой оставался ячмень, который погибал в период роста во время заморозков либо в засушливый летний период. Со временем выращивали репу как овощ, да из бобовых – овёс. Даже были случаи, когда некоторые семьи покидали родные места и отпра-

лялись на свой страх и риск на южные территории России, чтобы найти более благодатные места обитания. Не удивительно, что даже сегодня существуют отдельные малые деревни с коми названиями в Алтайском крае, Сибири и даже Якутии.

Часть VI.

Архитектура

С начала зарождения торгово-обменных отношений с «вычегодскими, «двинскими», «поморскими» и «пермскими» племенами местные коми-зыряне постепенно сами освоили технологию литья железа, бронзы, меди из природного сырья. Впоследствии этнические связи с соседними группами сыграют важнейшую роль в укоренении коми-зырян в бассейнах рек Мезень и Вашка. Причём, именно в период XIII-XIV веков границы Московского княжества всё более расширились на север.

По одной древней легенде, где-то в верховье реки Мезень племя старейшины Луппа долго выбирали новое местообитание. Но вот в одном местечке обнаружили обнажённые каменистые возвышенности с северной стороны заросшие сосново-лиственным смешанным лесом, а с южной – чашеобразный пологий склон с террасой с белым песчаным слоем. Примечательно было то, что из почвы торчали крупные изогнутые кости. Когда люди отрыли предметы, а их численность составляла более десятка, оказалось, что это бивни мамонтов. Итак, место посчитали знаковым и вполне подходящим. Наконец обустроили поселение, а в центре общего очага из бивней соорудили некий купол. Однако, со временем дети, которые любили играть в песке, всё чаще стали находить разноцветные кристаллы небольших размеров, а на свету обретали яркость и прозрачность. На общем «совете» Лупп велел собирать ценные камешки и другие находки, а также отрыть шурфы. Поиски диковинных минералов превзошли ожидания, удалось собрать более двух мешков, что превысило сто килограммов. Мудрый старейшина понимал, что добытые минералы в любое время можно обменять у соседних «южных» племён на необходимую утварь и орудия труда из металла.

С наступлением холодов обитатели поселения всё чаще стали замечать странное явление. Со дна чашеобразного участка в ночное время появлялось струйное свечение зеленовато-голубым светом, от чего вокруг веяло теплом. Нагретый воздух медленно обретал над окрестностью светящийся купол. Испуганные люди сначала не знали, что делать и до рассвета прятались в своих жилищах, боясь выйти наружу. И лишь старейшина Лупп проявил здравый смысл и призвал всех поклониться Богу Земли за благодать и спасение: «Бог Земли ниспослал нам свет и душевное тепло дабы пережить лютую зиму и холода и это место священное. Слава Богу Земли!» И действительно, земля дышала теплом и светом. Несмотря на жестокие морозы, невзгоды и лишения люди благополучно пережили зиму. Терпение, трудолюбие и вера в завтрашний день оставались залогом выживания воедино с Природой-Матушкой.

Но возникает определённый вопрос: «А что это за явление происходило на месте древнего поселения?»

С некоторой долей уверенностью можно утверждать лишь одно – судя по научным исследованиям, иногда случается в период сейсмической активности движение почвенных пластов, особенно твёрдых пород, и в результате трения накопленная энергия через рыхлые слои выходит наружу. Тем более, что на территории верховья Мезени обнаружены залежи разных руд.

Остаётся только добавить, что судьба племени Лупп и ныне имеет родовые корни на Удоре.

Вообще, слияние (смешение) племён по рекам Мезень и Вашка происходило в течение нескольких веков. И главными факторами в этом этническом и социальном процессе являлись родовые устои, семейные традиции и уклад жизни. В этой связи, отнюдь не случайными были мелкие семейные поселения-починки. Они появлялись во многих местах по берегам рек, но отличались продолжительностью пребывания. Были случаи, когда даже некоторые семьи практически вымирали из-за эпидемий.

За последние сто и более лет местные жители, путешественники-этнографы, впоследствии, археологи, геологи не раз сталкивались с интересными, а порой, необъяснимыми находками, в том числе древними артефактами в виде пасхальных рисунков, элементов скульптурных творений и т.д.

К примеру, скажем, на Вашке находили бивни мамонта и высеченные древние символы на древесных остатках, на Мезени – древние рисунки на каменных глыбах, каменные и металлические изделия быта, а также украшения, медальоны и игрушки из разных природных материалов... Даже глиняную утварь украшали рисунками, некоторые из которых в нашем представлении не укладываются в голове (См. Рисунок 1,2,3).

Кстати, по реке Мезень около местечка «Кутш поз» до сих пор на каменной глыбе можно различить необычный рисунок, высеченный во II-IV вв.н.э. (См. Рисунок 4). А вот изображение двухголовой ящерицы обнаружено недалеко от села Чернутьево, в трёх километрах от мыса «Ош-чой» на деревянной плашке (См. Рисунок 5).

Рисунок №1

Рисунок №2

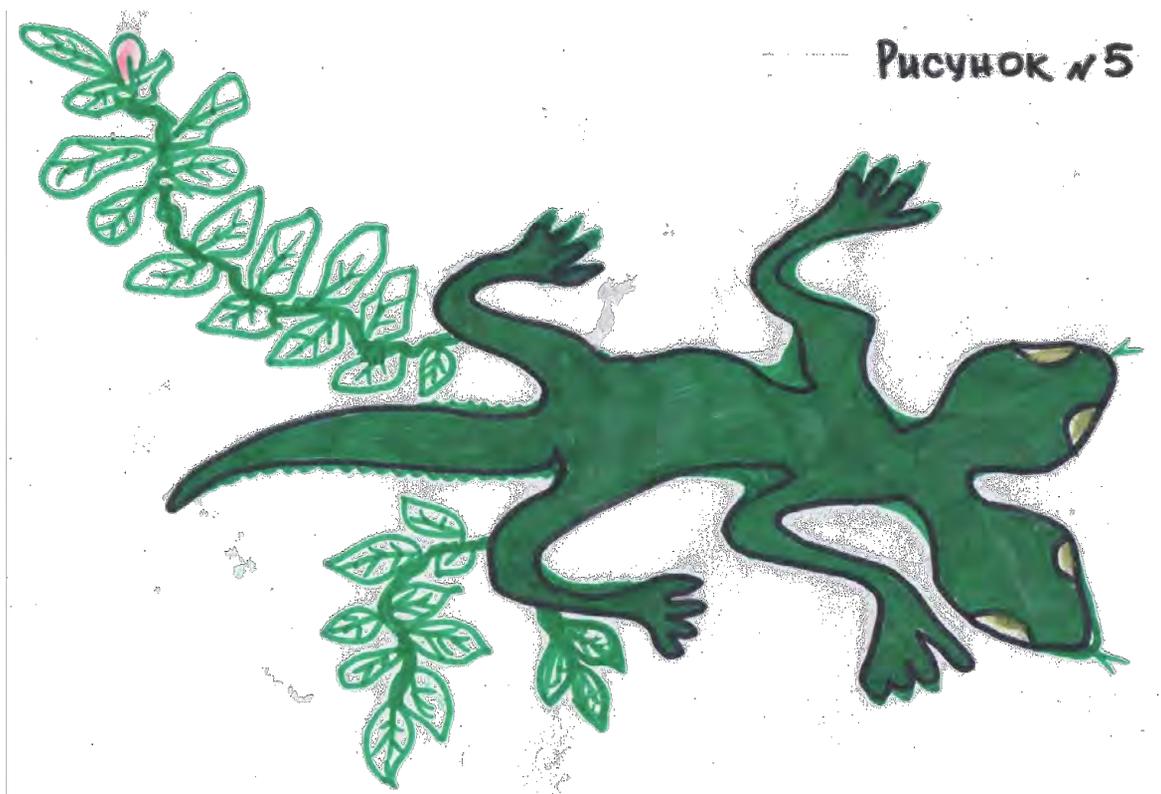

Рисунок № 3

Рисунок № 4

Неслучайно, в этом месте было древнее местообитание коми племени, о котором, кстати, практически ничего неизвестно. Однако, в результате исследований установлено, что в одном из шурфов в почвенной среде обнаружены остатки глиняной посуды и железные наконечники стрел, которые подтверждают в действительности обитание древних людей. Но возникает и попутный вопрос о двуглавом существе. Ведь на самом деле, как и раньше, так и сейчас, такие генетические явления не редкость. Скорей всего, мировоззрение людей к естественной природной среде и суеверие с духовными традициями сыграли роль невосприятия подобных уродливых форм среди обитателей млекопитающих видов.

Впрочем, очевидно одно, судя по древним рисункам, что встречи и общение с неземными представителями Вселенной действительно существовали за тысячу и более лет назад.

А сейчас давайте помечтаем. Первое: если были контакты «пришельцев» с древними племенами, а они скорее были, так в чём их сущность и смысл?

Второе: возможно ли, что произошли впоследствии какие-то положительные преобразования в деле освоения новых форм хозяйствования в среде племён?

Думаю, не стоит гадать. Житие и бытие людей формировалось и развивалось по своей спирали. Познавательная практика обустройства быта, строительство с разными архитектурными элементами, изготовление более совершенных орудий труда и лова, развитие самотканой продук-

ции, овладение технологиями обработки руд и литейным производством, обретение принадлежности к родословной, имущественное и родовое владение промысловым семейным угодьем по схеме «от отца сыну», этническая принадлежность по месту постоянного жительства – все эти основные аспекты явились главными факторами укрепления коми-зырян на Удорской земле. И не случайно, после завершения периода Христианизации в XVI веке, Удора приобрела более совершенную концепцию развития как самостоятельная территория в составе Российского государства. Не зря во второй Двинской Грамоте есть упоминание, что «...Земля Удорская, суровая и гордая, а люди ладные да трудолюбивые да верные...»

Наконец, миграция коми племён обрела оседлый уклад жизни. Появились именные постоянные местообитания в виде компактных небольших селений одного или двух племён. Архитектура жилищ и хозяйственных построек обрела уже другой облик. К примеру, вместо полуземлянок возводились более крупные сооружения – рубленые курные избы, и каждая семья могла уже отдельно проживать в отдельном строении. Позже конструкция жилого строения претерпела существенные изменения. К нему примыкали помещения для хранения припасов, дров, а с появлением домашнего скота (лошади, козы) – хлев.

Причём, эпоха рубленых «курных» изб доминировала до середины XIX века, в основном, в малых селениях, в то время как в сёлах (слободах) уже использовались печи, сложенные из самодельного глиняного кирпича. Широкое распространение имели и «битые» (глиняные) печи. Так вот, с переходом на печи из кирпича изменилась и конструкция, и размеры крестьянских дворов. Начиная с XVII и вплоть до XX века, жилой дом с несколькими комнатами совмещался с чуланом, погребом, хлевом для содержания домашнего скота (лошадь, корова, овца, коза) и сеновалом, образуя традиционный двор удорских коми-зырян. С учётом многодетности семей каждый дом имел «летник» и «зимник», то есть разделялся на два жилых сектора для проживания в летнее и зимнее время, либо занимали их разные семьи. Но, правила жития всегда определял глава семейства – родитель или прародитель. Следует отметить, что во второй половине XVI века была построена первая православная часовня в деревне Вендинга, а затем спустя несколько лет – вторая в селе Важгорт. Если в летнее время было тепло и не было необходимости топить, то в холодное время, довольно небольшое помещение храма, во время молебнов, отапливали посредством горящих углей в глиняных чашах. В XIX веке более зажиточные крестьяне в некоторых селениях строили и двухэтажные дома, что позволяло на первом этаже предоставлять гостевые комнаты приезжим купцам, а также разместить свою торговую лавку (с. Глотова, с. Важгорт, с. Кослан).

В описании жилых и хозяйственных строений в основу заложен стиль мезенских мастеров, хотя у вашкинских имеются свои некоторые отличия. Но в данном случае они принципиальной роли не играют, так как речь идёт о внутренней планировке и пристройках.

Вообще, для строительства использовалась в основном только одна порода дерева – сосна. Однако бывали исключения при возведении амбаров и лесных изб из лиственницы и ели. Среди архитектурных особенностей можно ещё упомянуть традиционную форму строений – прямоугольную. Углы срубов в основном «рубил» двумя способами – «чашкой» и «косым замком», в зависимости от типа строения.

До XVIII века преобладали односкатные крыши и лишь потом двускатные. Изоляционным покрытием крыши длительный период служила береста, как самый практичный натуральный материал, а рублено-строганный двойной настил был из тёса.

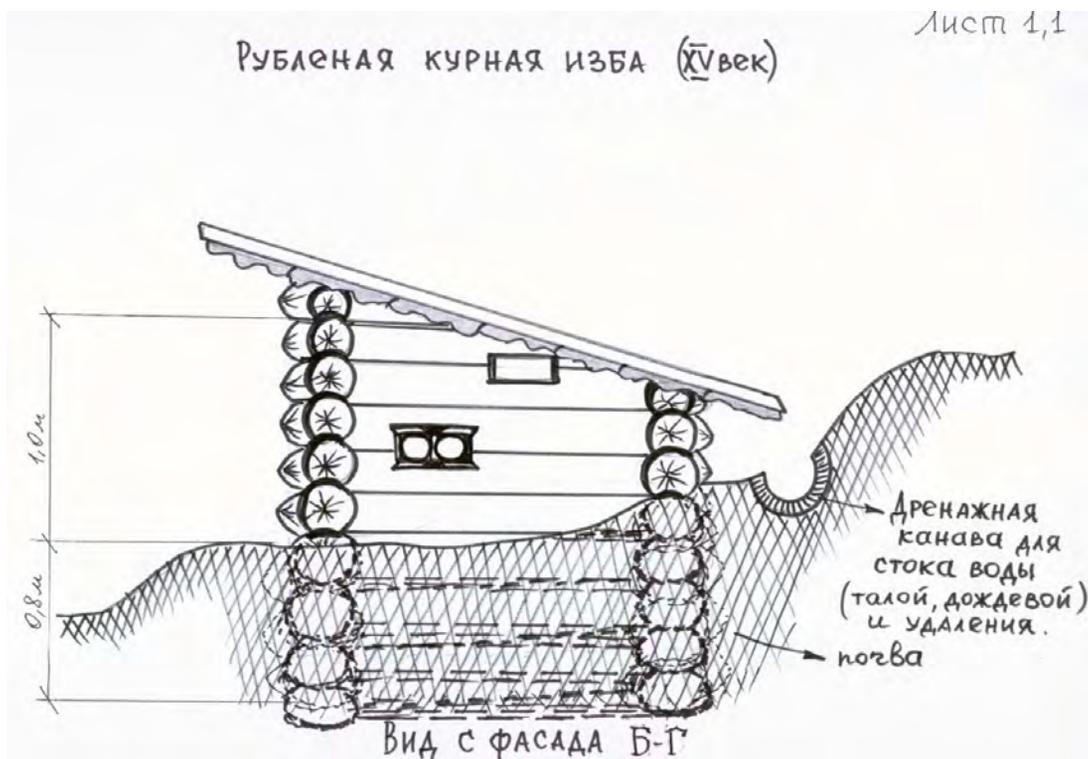
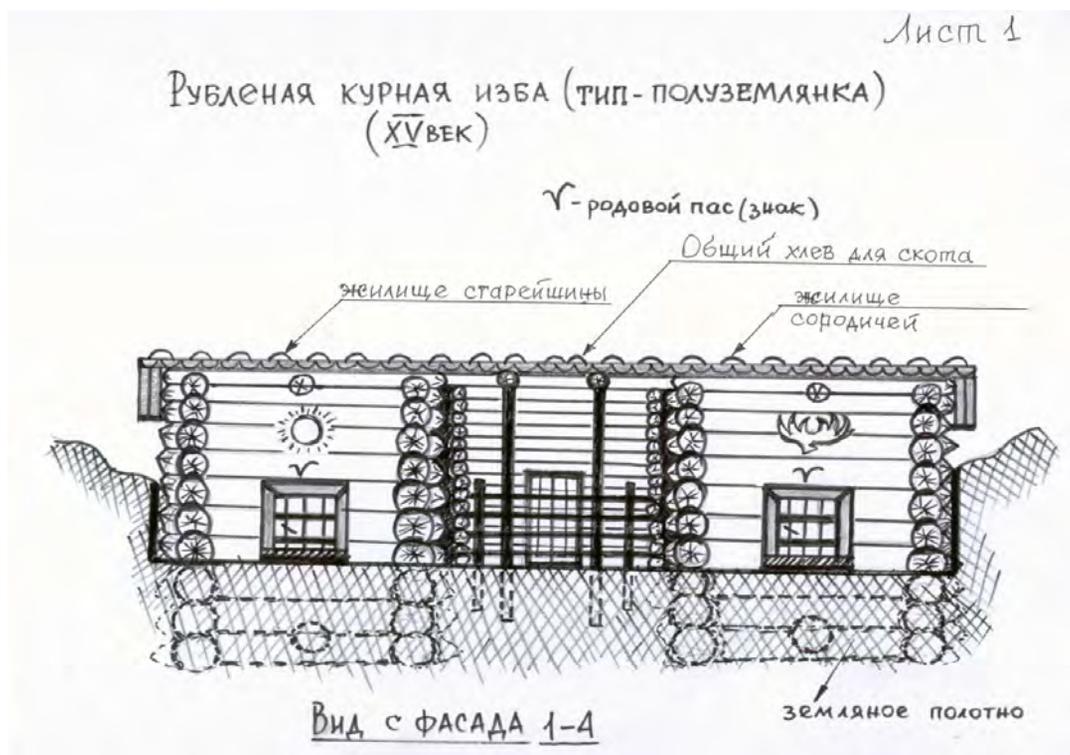
По возможности крестьяне при строительстве домов всё-таки старались основание фундамента и нижние венцы сруба, к примеру «курной» избы – полуземлянки, выложить из брёвен лиственницы, которая более устойчива к увлажнённой почве, а соответственно грибковому поражению.

Характерно, что все строения строились по берегам рек. Выбирались сухие склоны лесных бугров, чаще на правом берегу. Дома располагались фасадной частью на юг, вытянувшись в один – два ряда. Обычно два-четыре двора в одном месте считали починком, а пять-шесть – деревней. После периода христианизации населения, когда уже появились часовни и церкви, произошло постепенное укрупнение отдельных деревень в разряд сёл.

А это означало, в том числе, изменение инфраструктуры постоянных поселений:

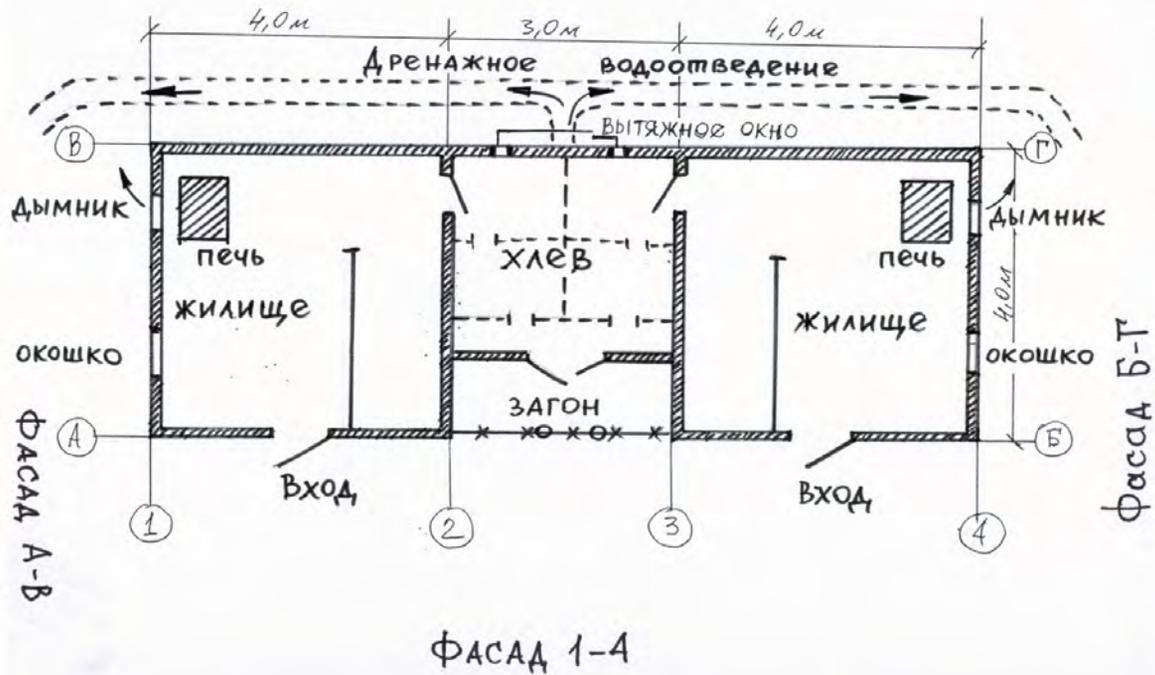
Количество жилых дворов	Церковь	Часовня	Погост	Кузница	Торговая лавка	Школа
До 4 единиц	-	-	-	-	-	-
От 5 до 7 ед.	-	-	-	-	Да	-
От 8 до 12 ед.	-	Да	Да	Да	Да	-
От 13 до 18 ед.	-	Да	Да	Да	Да	Да
От 19 и более	Да	Да	Да	Да	Да	Да

Удорская архитектура (XV – XVII вв.)

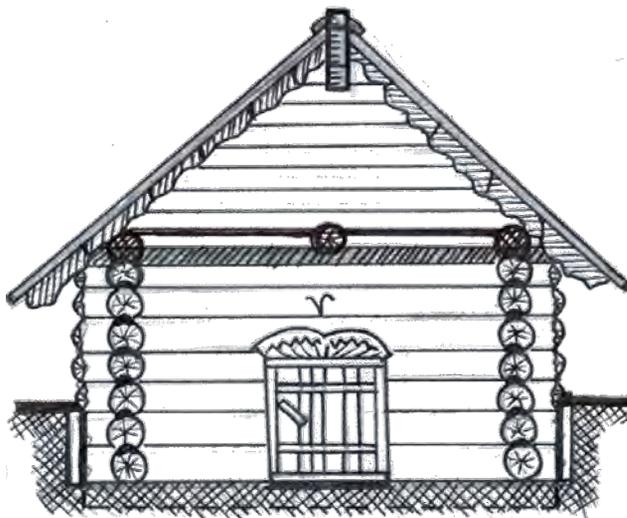
План рубленой курной избы (XV век)

Лист 1.2

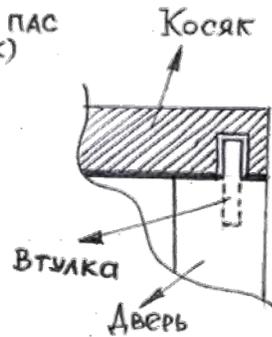
Крестьянский двор (XVI век)

Лист 2

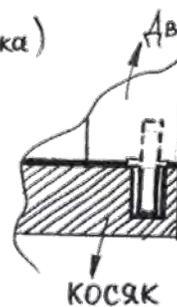
Вид с фасада А-В

V-образной паз (знак)

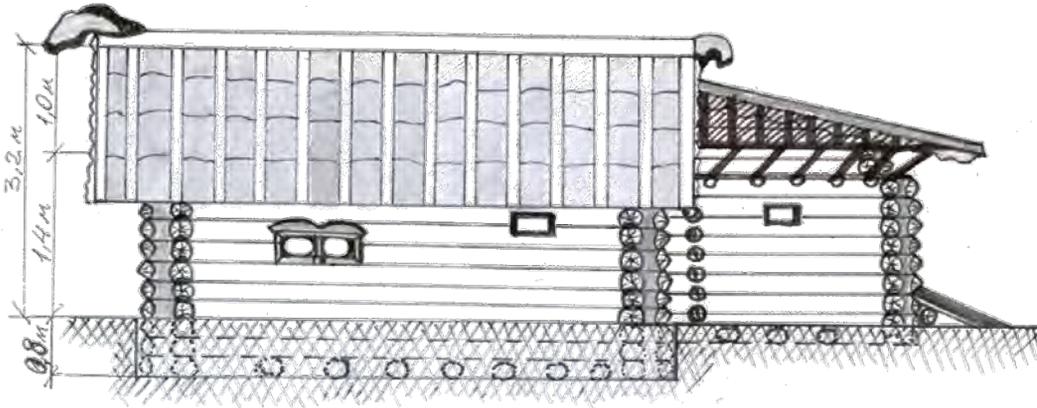
Верхний
Дверной
Крепёж
(втулка)
Вместо
накладной
петли

0-0 (нулевая отметка)

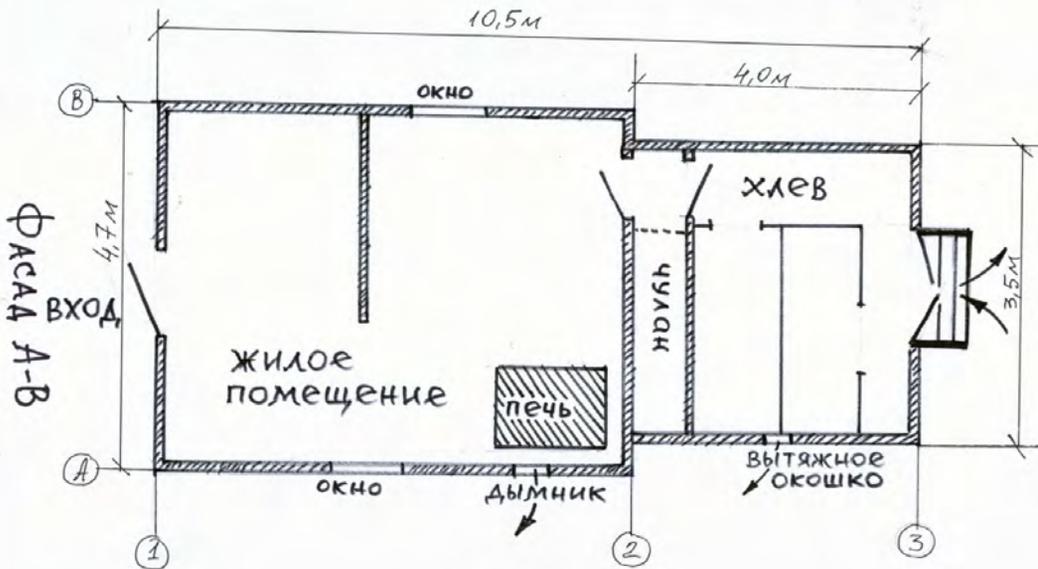
Нижний
Дверной
крепёж
(втулка)
Вместо
накладной
петли

Крестьянский двор (XVI век)

Вид с фасада 1-3

План крестьянского двора (XVI век)

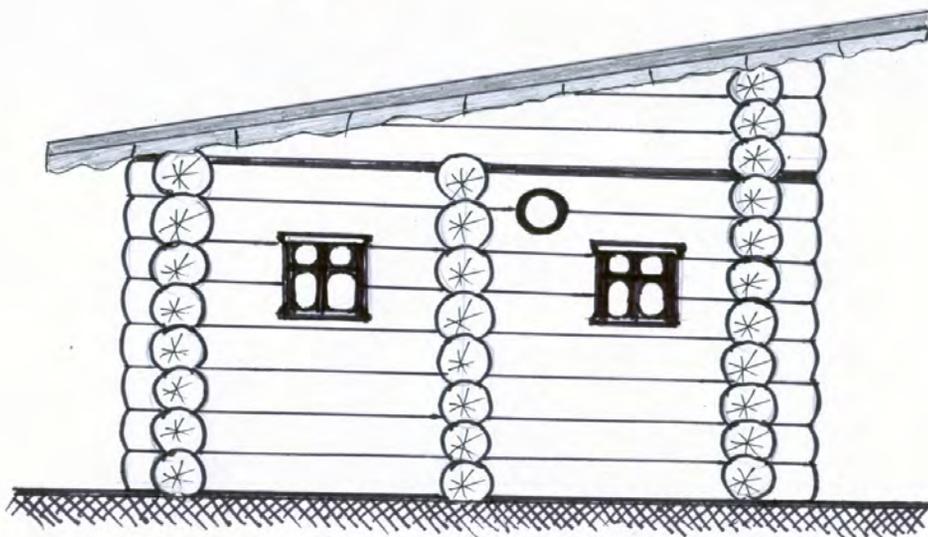
Фасад 1-3

Крестьянский двор (рубленый)
(XVII век)

Вид с фасада 1-2

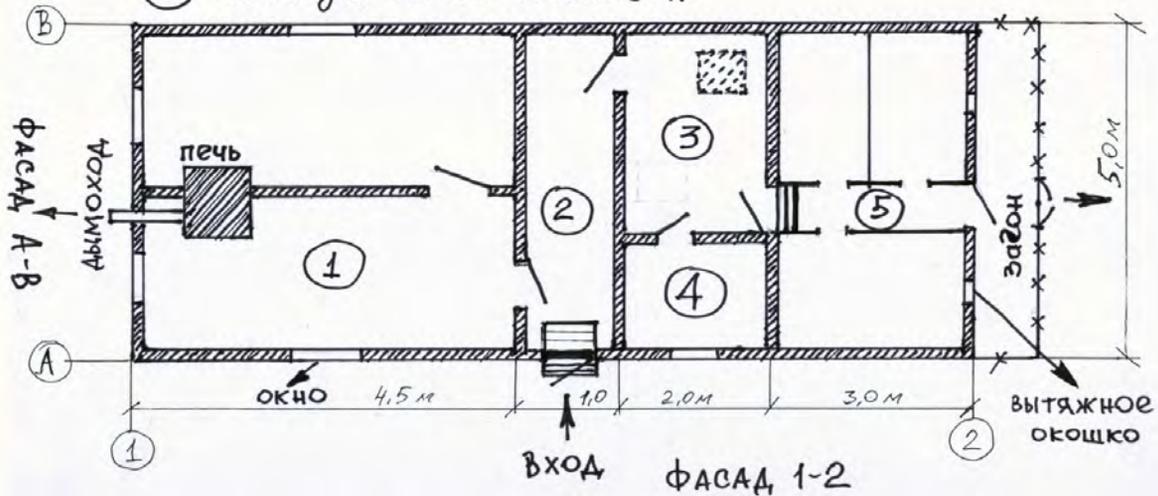
Крестьянский двор (рубленый)
XVII век

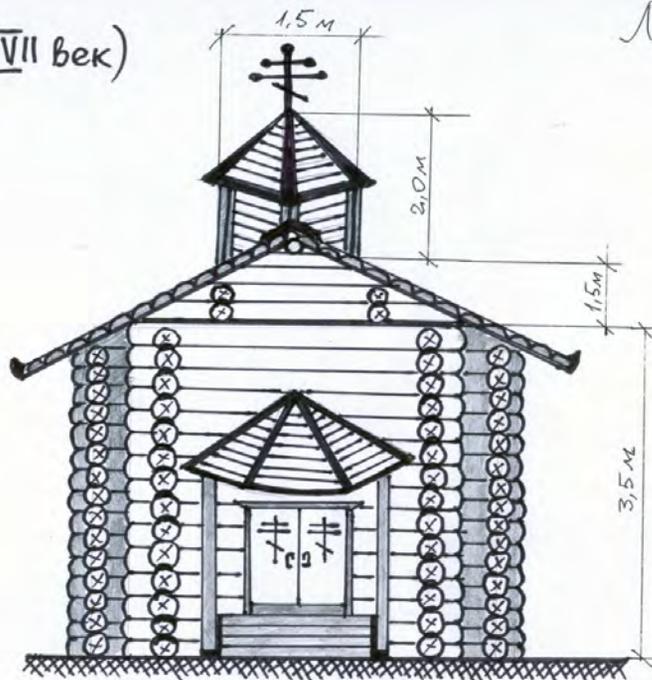
Вид с фасада А-В

Крестьянский двор (рубленый) XVII век

- ① - жилой сектор
- ② - коридор
- ③ - чулан с погребом
- ④ - комната „летник“
- ⑤ - хлев для скота и сеновал

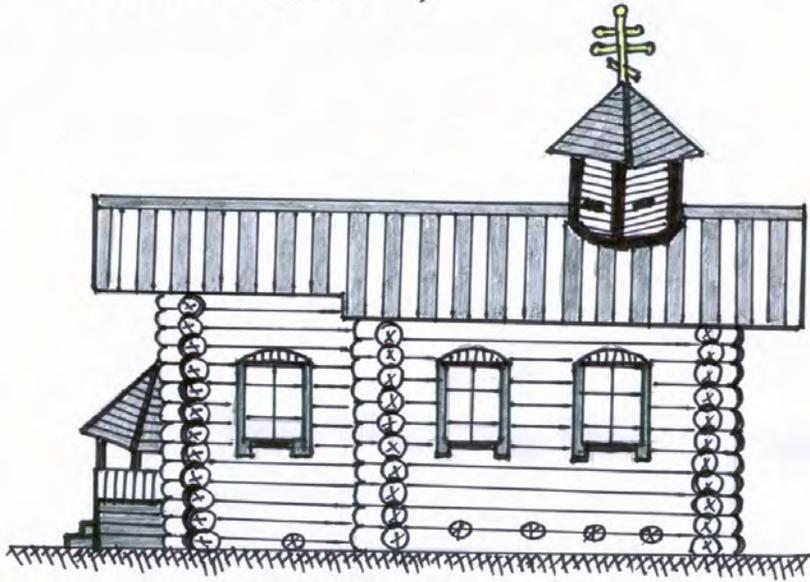
Цасовня (XVII век)

Вид с фасада А-В

ЧАСОВНЯ (XVII век)

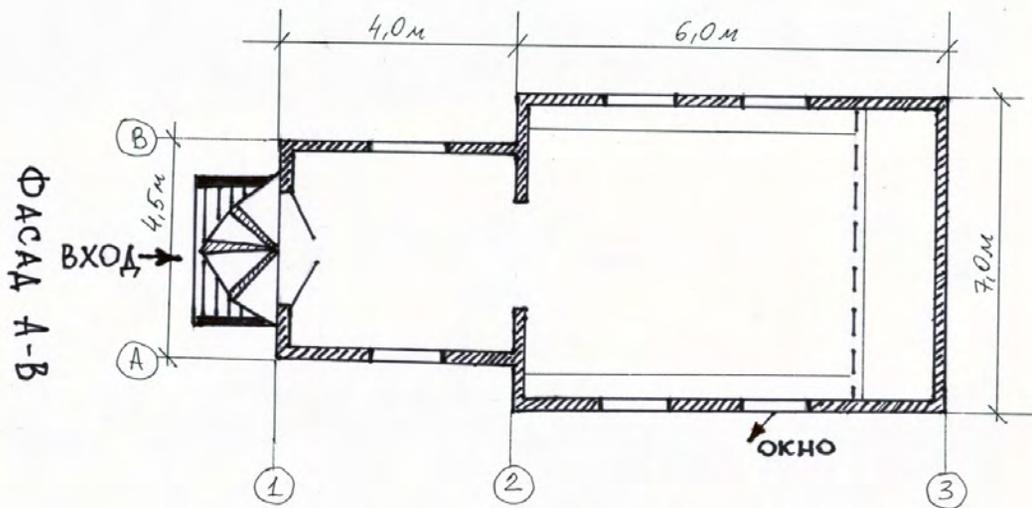
Лист 4.1

ФАСАД 1-3

ПЛАН ЧАСОВНИ (XVII век)

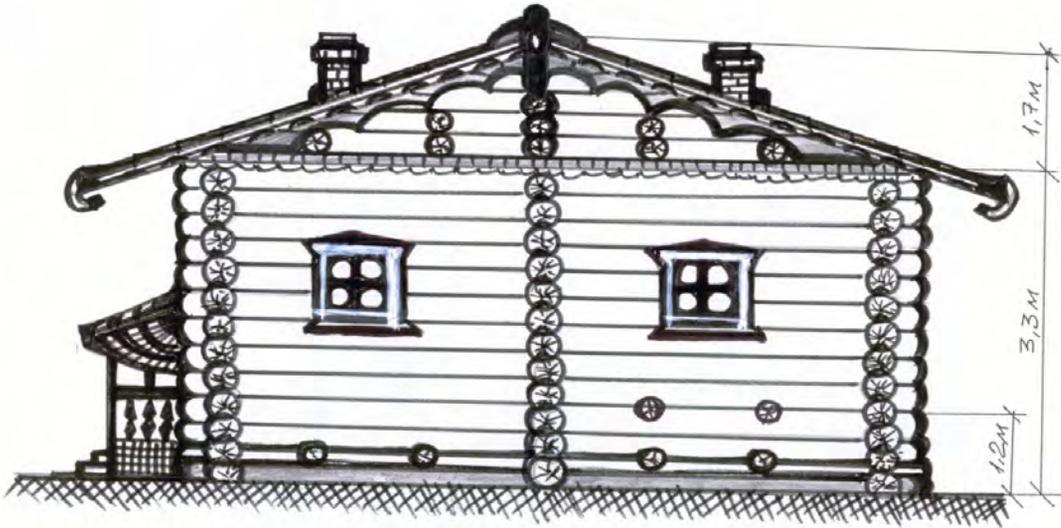
Лист 4.2

ВИД С ФАСАДА 1-3

Лист 5

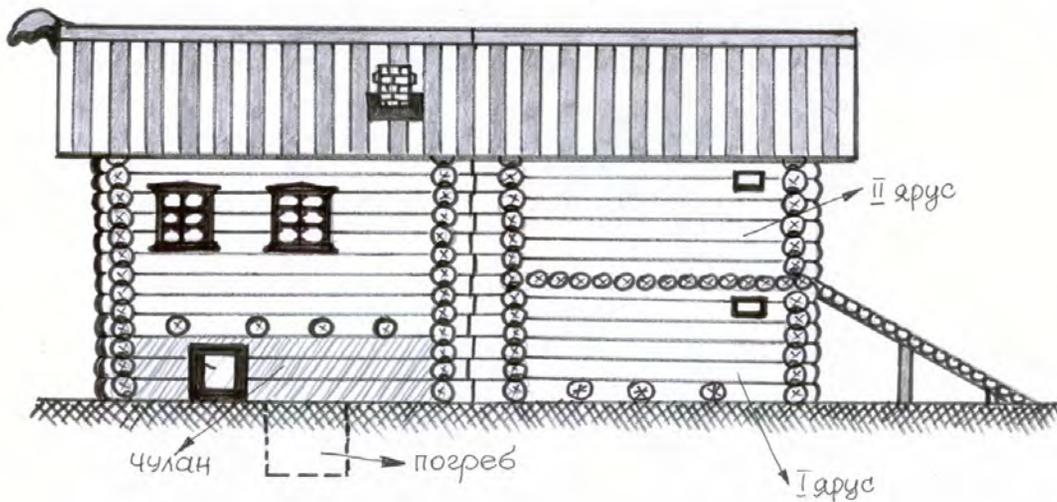
Крестьянский двор (XVIII - XIX век)

Вид с фасада А-В

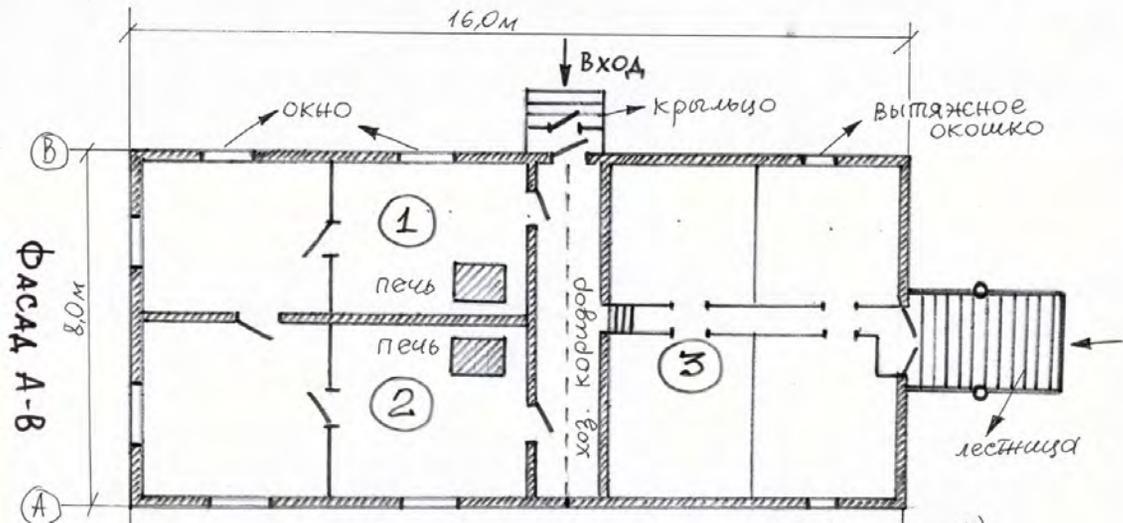
Лист 5.1

Крестьянский двор (XVIII - XIX век)

Вид с фасада 1-2

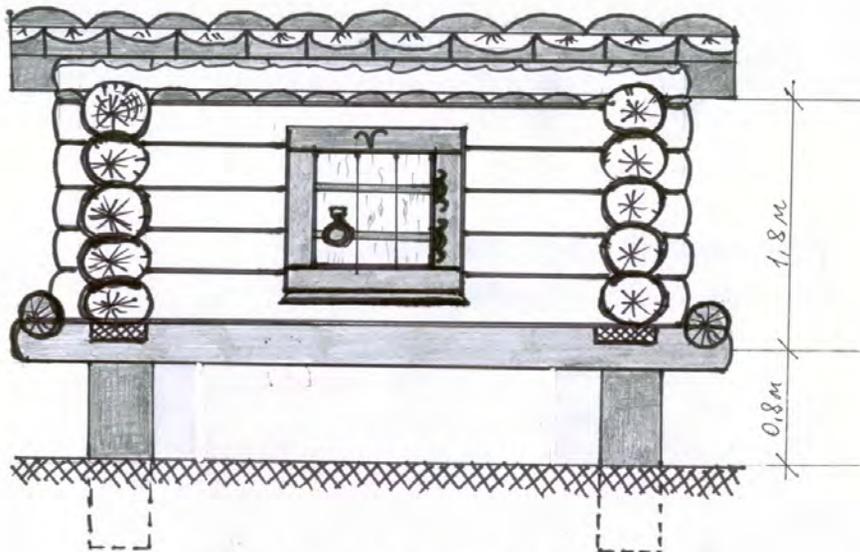
ПЛАН КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА (XVIII - XIX ВЕК)

- ① - жилой сектор, 2^х комнатный ("летник")
 ② - жилой сектор, 2^х комнатный ("зимник")
 ③ - { I ярус - хлев для скота с геторьми секциями
 II ярус - сеновал (карлохранилище)

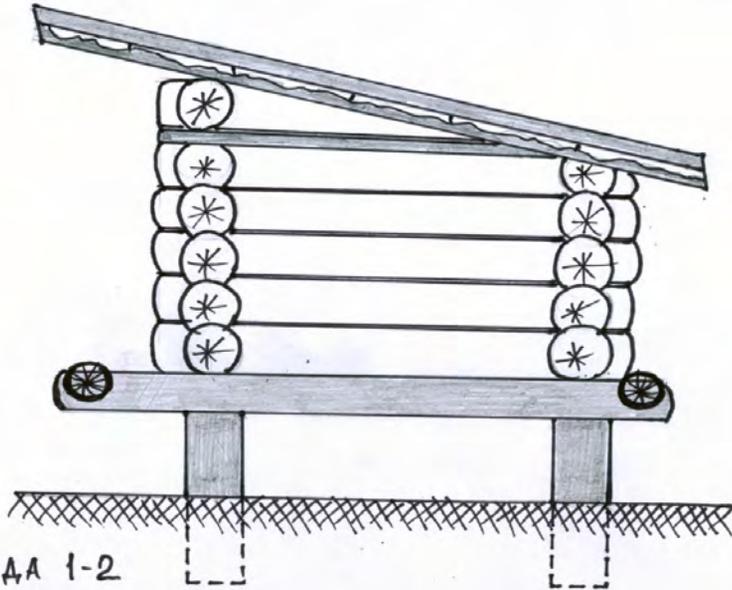
ФАСАД 1-2

АМБАР (КУМ) XVIII ВЕК

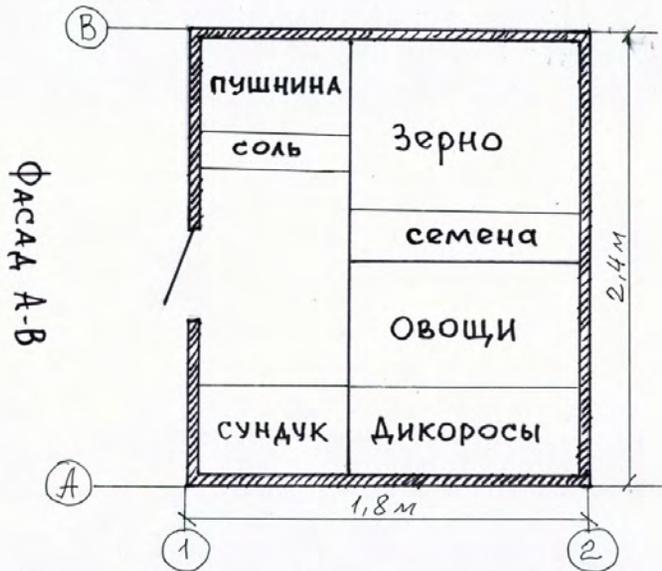
ВИД С ФАСАДА А-В

АМБАР (КУМ) XVIII век

Вид с фасада 1-2

АМБАР (КУМ) XVIII век
ПЛАН

Фасад А-В

Фасад 1-2

Часть VII.

Исторические легенды

Перед началом осеннего промысла обычно устраивали общий праздник – День благодати! По меркам нынешнего календаря такой день выпадал на 24-25 августа. К родовому столбу, на месте общего очага, приносили от каждой семьи разные подношения. В центре очага сооружали небольшой чум из сухостойного тонкомера, а сверху накрывали шкурами зверей.

Под звуки бубна и свистулек обитатели племени становились в большой круг и, держась за руки, исполняли свой танец с выкриками в знак благодарности Богу Солнца, Богу Земли, Богу Воды и Богу Огня. Затем старейшина заносил вовнутрь чума шкурки разных зверей и крылья бороной дичи, после чего поджигал факелом большой костёр. До заката солнца устраивали общий ужин и разные зрелищные представления, на которых охотники соревновались в умении, силе, ловкости и меткости. Не менее важным событием являлось посвящение молодых мужчин в охотники с вручением каждому освящённых амулетов и орудий лова (добычи).

Сохранилась древняя легенда об удали и смекалке коми охотников на Вашке. Итак, очередной неурожайный год на сей раз не сулил ничего хорошего для малочисленного племени Тука. На общем Совете старейшина Тук обратился ко всем охотникам испытать удачу на переходах лосей и оленей. «Только за счёт мяса и рыбы мы сможем пережить зиму, но, для этого мало устроить ямы – «ловушки» или петли. Придётся разойтись на группы, ближние и дальние, и до холодов добыть необходимые припасы. Предлагаю, рыбу ловить артелью, а зверей промыслять – на южной стороне группами и далеко не уходить, – старейшина хмуро окинул взглядом сидящих бородачей и добавил. – Да, пусть Боги помогут нам избавиться от погибели да сохранят детей наших...» Главы семей обсудили выбранные лесные участки и уже через день вышли на нелёгкий промысел.

Раз со своими двумя сыновьями выбрал своё излюбленное уголье с чистыми сосновыми борами за «красными» болотами. Нужно было пройти около 15 км, чтобы добраться до охотничьей зимовки. Там места отличались от окружающих лесных территорий ещё и тем, что на болотах были солевые ямы, а на ягелевых сосняках почти круглый год паслись небольшие стада оленей. Опытный охотник Раз разъяснил сыновьям о своём хитроумном плане добычи копытных. Идея состояла в том, чтобы из засады на месте кормёжки стрелами подранить оленя «вожака» в ноги, затем привязать к дереву и снова выжидать стадо на это же место. На рёв вожака сородичи обязательно соберутся по новой и в этом состоял главный замысел охоты. Через пару дней охотники обнаружили в одном месте близкое присутствие зверей. Ожидание не было долгим. На склонах, между холмами, мирно паслись более десятка оленей. Наконец расстояние сократилось до оптимального. И полетели стрелы в самого крупного рогатого оленя, но, увы, не попали в цель. Прав-

да, единственным утешением стало то, что сумели стрелки завалить двух других оленей. Несмотря на неудачу, поиски продолжались. Ещё через сутки, уже у «красных» болот, охотники обнаружили разрозненную группу оленей, которые полукругом облюбовали сосновые бугры между двумя ручьями. Оставался единственно правильный вариант – по направлению движения копытных устроить очередную засаду. Лишь на следующее утро, стадо оленей, растянувшись «змейкой», неторопливо двинулось вперёд по краю болота. На сей раз удача оказалась довольно успешной. После поражения вожака остальные животные, будучи в растерянности, так замешкались, что начали кругами метаться вокруг туши своего «предводителя». Ловкие охотники, не мешкая, пускали стрелы по целям, пока не кончились запасы. Пришлось подранков добивать копьём. И вот убойная охота завершилась.

Впрочем, огромной душевной радости никто из охотников не испытывал. Довольно тоскливая картина предстала перед глазами: окровавленные туши зверей, хрипы и последние вздохи умирающих животных...

Да, что тут говорить. Лучше промолчать и осмыслить. И лишь заключительная фраза отца Раза была неоспоримой: «Природа-Матушка, кормилица позволила нам, людям, выжить на сей раз. Поклон!»

Три дня общими усилиями люди племени на волокушах перетаскивали разделанные туши восемнадцати животных в хранилища. Благодаря этим припасам племя Тука благополучно выжили в зимний период.

В дальнейшем, примерно в трёх километрах от бывшего вышеупомянутого древнего местобитания, возникло постоянное селене – ныне село Чупрово.

Нередко «кочующие» племена в поисках благодатных мест попадали под влияние природных и космических аномальных явлений. С одной стороны, нельзя было прогнозировать где безопаснее, но с другой стороны, не учитывались искажённые ландшафты местности, в том числе и отравленный воздух либо почва, либо вода; близость железорудных пластов к поверхности почвы, вследствие чего образуется естественное притяжение грозных молний; повышенная кислотность почв в местах скопления метанового газа или сероводорода и т.д.

Помимо природных явлений, случались события, которым нет научных объяснений до сих пор. Иначе как объяснить, когда без всяких видимых причин перед глазами появляются разные человекоподобные призраки, светящиеся шары, монстры и карлики, подземные и подводные существа, летающие объекты и гигантские змееподобные твари.

Одна из давних легенд знакомит нас с отголосками якобы реального случая. Дело было так.

Спускаясь с верховья Мезени на лодках-долблёнках и плотах племя Гонты, наконец, причалило к пологому галечному берегу. Всего в ста шагах шумел зелёный сосновый бор. Июньская погода

позволяла взрослым и строить жилища, и обустраивать территорию, и соорудить ограждение от «непрощенных» гостей, в том числе хищных зверей. Дети, кто постарше, помогали женщинам по хозяйству. Причём, ночью мужчины ещё занимались рыбной ловлей. Место выбора для обитания оказалось действительно удачным. Неподалёку располагалось болото, где можно было осенью запастись клюквой на зиму, а дальше простиралась дикая безбрежная тайга. А ещё рядом с поселением, на соседнем склоне, вытекал подземный родник с минеральной одой. Но пришло время, и «белые» ночи постепенно исчезли. В ночное время тёплые летние сумерки властвовали до восхода солнца.

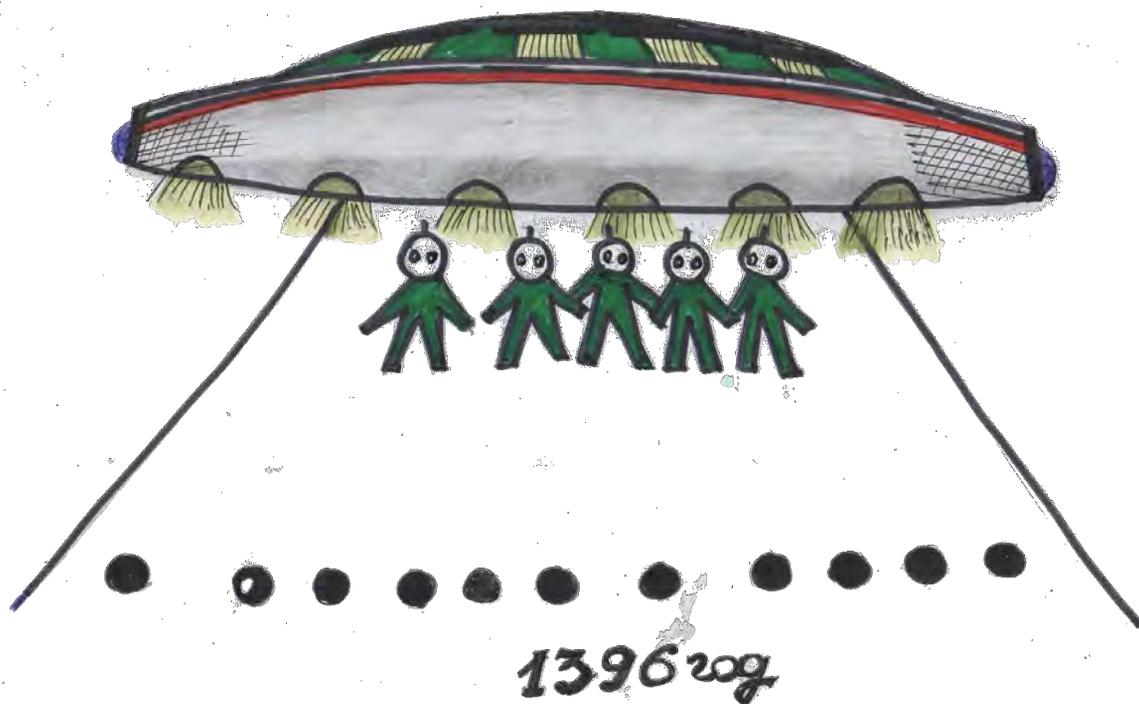
Наступило полнолуние. И с этого момента всё чаще обитатели начали испытывать тревогу, ибо совсем близко из окружающего леса доносились глухие стоны, мычание и непонятные голоса. В конце концов случилось то, что никто и представить не мог. Как-то ночью к изгороди подошла целая толпа человекоподобных призраков, которые в голубых балахонах, со светящими глазами пытались расшатать колья и проникнуть к жилищам людей. Старейшина Гонта быстро распорядился и организовал защиту своего племени личным примером. Все мужчины, вооружённые луками и стрелами, копьями и топорами, бесстрашно держали оборону: метко стреляли стрелами, разили копьями и не давали «пришельцам» проникнуть вовнутрь территории. Вскоре после отпора израненные «призраки» удалились в глубь леса. Так называемая осада поселения продолжалась почти семь ночей, пока люди не стали применять огненные стрелы, от попадания которых «призраки» исчезали в виде белых облачков.

Однако, мало кто из обитателей поселения радовался победе. Все считали, что это место, заколдованное злыми духами, и дальше жить спокойно здесь нельзя, ибо придёт очередная беда. После долгих раздумий «за» и «против» на общем Совете было принято решение покинуть это место. Перед отъездом сожгли свои жилища и прокляли «благодатный берег». Известно одно, что племя Гонты несколько лет обитали в местечке близ устья притока Кёмись, а потом воссоединились с другим мезенским племенем.

Пожалуй, самым загадочным является история исчезновения племени Акым. Последним пристанищем, судя по обнаруженному рисунку на каменной глыбе, оставалось место близ устья Мезенской Ёввы.

Можно лишь предположить гипотезу обстоятельств того времени по известным фактам. Версия об исчезновении целого племени, а это до 30 человек взрослых и детей, состоит в том, что действительно в XIV веке племя Акым обитало на Мезени близ притока Мезенской Ёввы. Ниже и выше по течению приходов не было. На месте обитания племени в ходе археологических раскопок какого-то могильника не обнаружено. И, скорее всего, произошло похищение землян космическими «пришельцами». Единственный аргумент, который выдержал более шести веков, есть неоспоримый факт о встрече с ними (См. Рисунок б).

Рисунок №6

Не исключено, что контакты происходили неоднократно до момента похищения землян. А сейчас немного о племени Акым в двух словах. Во-первых, эти люди были из одного родового сообщества – «вымские» выходцы. Объединились три семьи, чтобы выжить, и на свой страх и риск покинули родное место. Удалились в сторону Пинеги, а затем уже на Мезень. Уж больно понравилась здешняя природа, поэтому и были настолько уверены, что найдут здесь тихое и богатое пристанище. Даже в начале долгого пути встречались с «верхневычегодским» племенем да отказались от их предложения податься на Северную Двину. Причём, сам старейшина Акым был отменным плотником и охотником. Он любил говорить, что «всё зависит от умения и способностей от каждого из нас, чтобы обрести счастливую жизнь, ведь это наша, коми земля...» Кроме всего прочего и будучи не глупым человеком, он даже пытался найти железную руду с помощью железной иглы на ниточке.

Но, главное, он видел в другом, то есть, объединиться с другими племенами и вместе реализовать свои светлые помыслы. Даже не ведая, что ждёт впереди его и соплеменников, Акым верил в судьбу. Будучи коми человеком, старался быть и вдохновителем, и покровителем. Впрочем, очень скоро «вымские» крестьяне по реке Ирва добрались до реки Мезень и совместно с другими племенами основали первые постоянные поселения вплоть до деревни Мелентьево. И уже в конце XV века «верхнемезенские» обрели статус коренных удорских коми-зырян. Как никак, а общин-

ный этнический характер обрёл себя обжить новые места для обитания ради успокоения для оседлости.

А вот что случилось с племенем Октым, наоборот, лучше не бывает. Более пятнадцати лет племя проживало на острове Мучкас, тем более они добывали соль в трёх километрах от поселения на лесном озере и общались с соседними племенами, а в обмен на соль обновляли свою одежду и приобретали необходимую хозяйственную утварь.

Но наступило время, когда откуда ни возьмись, сверху с небес, налетели некие летающие «тарелки» и огненными лучами обстреляли пристанище людей. Чего-чего, но полуземлянки остались целёхонькими, ибо люди успели укрыться внутри своих жилищ.

Старейшина Октым, недолго думая, всем обитателям приказал рыть ямы с проходами. Очередная атака «пришельцев» с космоса не возымела успеха, хотя они высадили так называемый «десант» из семи «человекоподобных особей». И тут из подземных сооружений Октым со своими людьми стрелами нанесли молниеносный удар по «пришельцам». Космические «пришельцы» покинули земное пространство и на своих «тарелках» исчезли из виду. Ожидаемого ответа не последовало, но территория поселения покрылась красной рыхлой плёнкой. Старейшина Октым тут же организовал выезд людей с этого места, и уже через сутки люди племени обрели другое пристанище, где спокойно укоренились до наших времён. А это место ныне именуется деревней Пöлянин.

Когда-то на месте нынешней деревни Сёльыб стоял починок..., где жили две семьи Илоны. Глава семейства Илон был человеком очень привередливым и принципиальным. А его старший сын Ион никак с отцом не находил общего языка и всё делал по-своему. Один раз на охоте он добыл рысь и шкуру подарил отцу, но тот остался недовольным из-за того, что шкура повреждена. Сын в ответ обещался принести шкуру другого зверя и слово сдержал. Примерно через месяц подарил отцу шкуру росомахи, а ещё в придачу шкуру рыжей лисицы. Довольный старейшина уважил сына за старания отменным подарком – своим личным ножом и сказал: «Сынок, этот подарок не за твои труды, а за то, что ты сумел победить свою гордыню, ибо в жизни придётся долго ещё самого побеждать...» С этого времени начался отчёт другой жизни. Илон умер спустя два года и бразды правления по праву принял Ион, который назвал это место Ыбом.

Ыб прославился впоследствии ещё тем, что впервые из шкур росомахи изготавливали лодки, то есть сшивали, затем швы склеивали, и посредством деревянных конструкций изделие принимало форму лодки. Но и это не всё! Ион предложил людям изготавливать разные игрушки из глины, а затем подобную продукцию обменивал у соседних племён на необходимые товары. Недаром, через многие годы коми удорчане всегда говорили: «Хочешь подарка – поезжай на Сёльыб, там всё найдёшь...»

А ведь на самом деле, правда, что рядом с коми племенами жили люди «чуди», которые пришли с Ладogi. В настоящее время коренных представителей народности «чудь» осталось всего около 30 человек, проживающих на территории Архангельской области.

Чудь жила обособленно по своим законам и правилам. Конечно же, речь не шла о каких-то тесных отношениях с коми людьми и, в этом смысле, такой нейтралитет соблюдался на протяжении многих лет. Бывали, правда, исключения во время промысла, когда интересы сталкивались вольно или невольно. Но, они быстро решались без всяких конфликтов. Однако, в памяти у людей осталась одна молва, о которой публично никогда не рассказывали. А дело было так. Во время сбора клюквы на одном болоте молодой парень из племени Бута заприметил красивую девушку «чудь». В общем, молодые люди влюбились друг в друга и тайно начали встречаться. Через какое-то время о тайных свиданиях стало известно старейшине «чудь», который распорядился изгнать с позором эту девушку из племени.

Возлюбленный, несмотря на уговоры родителей, нашёл её, и они вместе построили жилище и стали жить да поживать, а их дети в будущем обосновались в Глотове-Слободке. Впоследствии, отпрыски имели фамилию Ульяновы.

Однажды в племени Арва произошло необычное событие, женщина родила тройню. Люди были настолько взбудоражены, что некоторые даже прокляли этот день.

Настороженный старейшина Арва принял единственное правильное решение – благословить подобное событие и объявить о чуде. После этого, как выжили все трое младенцев, старейшина ещё раз напомнил всем соплеменникам о божьей благодати. Год спустя случилось большое несчастье – какая-то летающая «тарелка» огненными лучами обстреляла местообитание племени. Многие обитатели погибли в огне. Однако, тройняшки и ещё восемь человек взрослых остались в живых, в том числе и старейшина Арва. Восстановить разрушенное не было смысла, и оставшиеся в живых люди спустились вниз по реке до местечка Мозындор. Кстати, там проживало племя Крата, которое было даже благодарно гостям, ибо до этого они пострадали от болезней и потеряли почти половину сородичей. В общем, всё завершилось благополучно. Два племени объединились. В конце концов, от этого сообщества потом вышли два рода – Карповы и Высоких.

Как-то раз «поморские» купцы поднялись на лодках вверх по реке Вашка до самого Важгор-та. Ясно, что с товарами и прочими вещами для обмена и продажи. Важгортские тепло приняли гостей и угощали несколько дней местной настойкой. Купцы так раздобрили, что всё продал и обменяли свои товары за полцены. Но всё-таки никак не могли договориться насчёт закупки пушнины. Один из важгортских охотников, по имени Ян, недвусмысленно объяснил гостям, что удорская куница стоит дороже сибирского соболя и показывал шкуру в качестве образца – помесь куницы и уральского соболя. Купцы доверились, что это и есть уральский соболь, и не пожалели де-

нег. Хитроумный Ян таким образом не только продал двадцать пять шкурок, а ещё и пять шкур выдры за баснословные деньги в те времена. А в придачу ещё подарил им лодку. Увы, больше ни разу «поморские» купцы не приезжали в село Важгорт. Скорее всего, они осознали, что их коми-зыряне облапошили всерьёз.

А ещё один курьёзный случай произошёл в селении Буткан, куда прибыл уполномоченный от Вологодского воеводы с особливим делом. Однако, будучи в гостях, он потерял все бумажные предписания и так «погостил», что потом через две недели еле увезли на телеге, обратно туда откуда приезжал.

В 1513 году приехал известный вятский купец Архип, который был наслышан ранее о богатейших запасах коми людей на Удоре. Дело было зимой и в сопровождении десяти вооружённых людей купец заехал в Глотова-Слободку. Местное население отреагировало без особого внимания на гостей и на всякий случай даже пошутили над купцом, который после посещения Христорождественской церкви изъявил желание на берегу реки Мезень устроить маленькую «пирушку». Люди выпустили своих лошадей на выгул, дабы уговорить гостей. Конечно же, гости не понимали, почему лошади приобшились к ним, и вынуждены были местных жителей позвать. Глотовские мужики с радостью откликнулись и не отказались от приглашения к общему столу. Приятно погуляли и даже договорились продать рыбу, дичь и пушнину. Купец Архип настолько был доволен, что даже одному местному охотнику подарил свой амулет и обещался выдать свою дочь замуж за его сына.

Через два дня довольные гости уехали, но ещё через два месяца отпраздновали свадьбу молодых. Так в роду Павловых образовались родственные узы с вятскими собратьями. Скажу прямо, честь и слава удорским предкам!

А вот однажды на охоте с Михайло Павловым произошёл случай на грани гибели. Он добывал боровую дичь, как и подобает любому охотнику. На своём уголье он никого и никогда не боялся. Даже медведи уважали его так, что никогда не пакостили силки, куда попадались и рябчики, и тетерева, и глухари.

И вдруг в один из сумрачных дней Михайло встретился с непонятным для него существом, мохнатым и огромным по росту. Наверно, всё бы было нормально и безобидно, если бы незнакомец не набросился на человека. Михайло, будучи не трусливым, своим копьём ранил неприятеля, который после этого удалился в глубь чащи леса (См. схему рисунка 7).

Через семь дней Михайло приехал домой, но, однако, ещё через дней десять ему стало плохо со здоровьем. Никто из близких не мог понять причину внезапного заболевания. Ещё через месяц человек скончался, но перед смертью он своим близким рассказал о случае встречи с человекоподобным мохнатым существом.

Так или не так, но факт остаётся фактом.

Судя по другой легенде, упоминаются случаи, когда чернутьевские охотники встречались в лесу с волосатым человеком, большой головой и ростом более двух метров, который воровал из силков боровую дичь и питался сырым мясом. Возмущённые охотники даже два раза устраивали засаду, чтобы поймать лесного вора, но безуспешно, хитрое существо было слишком осторожным. Удивительно, но поселение людей не посещал и всегда сторонился от случайной встречи, тем более, что собаки издали чувствовали запах «чужака». Зимой таинственное существо исчезло. Хотя, через год ходили слухи, что волосатого великана видели в окрестностях деревни Патраково.

Легенды рождаются из реальных событий, а значит, это и есть правда, а не вымысел.

Я и сам был очевидцем подобной встречи со странным человекоподобным существом. Это произошло 15 лет назад, когда я на моторной лодке поднимался вверх по течению реки Ирва в своё промысловое угодье. На 32-м километре от устья реки, на галечном плёсе, увидел человека в чёрном одеянии, который ростом был более двух метров, средней полноты, без бороды и усов, но чёрного цвета волосы на голове были длинными. Он смотрел на меня не моргая, молча. Я два раза

окликнул его, когда уже подъехал до пяти-шести метров. После небольшой паузы неизвестный мужчина развернулся и бесшумно удалился в лес. Думаю, что он был представителем подземного мира, тем более, лицо было тёмное, глаза с жёлтым отблеском, а походка «летающей». Никого не собираюсь убеждать, но то, что видел – это правда!

Постичь другие миры человечеству ещё предстоит и, вероятнее всего, в этом и состоит загадка невероятных встреч и удивительных явлений.

О-о! Сколько ещё неразгаданных тайн, которые оставили нам наши предки!

Часть VIII.

Обряды

Пожалуй, проведение древних обрядов в коми племени нельзя относить к категории традиционных, кроме нескольких, как правило, они совершались либо по причине знаковых событий, либо в связи религиозными праздниками или во время заключения брачных союзов. В каждом случае с одобрения Совета, окончательное решение принимал старейшина племени. Обычно в подготовке любого праздника участвовал каждый соплеменник, в той или иной степени. Особо значимым считался родовой обряд, который проводился один раз в году, в июне месяце либо декабре.

Итак, в назначенный день люди устранялись от всех других дел и занимались лишь заботами перед празднованием. К примеру, с утра в общем котле готовили мясную пищу, другие яства, а также напитки из трав, заблаговременно приготовленные, лишь ожидали своего часа для потребления. Вокруг священного родового столба расставляли из свежей зелени вязанные венки, куда привязывали разные ленты и украшения. Разжигали общий очаг. Лишь после этого люди в добротной одежде с детьми становились в общий круг – женщины и дети с берёзовыми ветками в руках, а мужчины – с еловыми либо сосновыми лапками. Под звуки свистулек к столбу выходил старейшина и хвалебными словами прославлял свой род под общие возгласы: «Слава роду нашему!» Затем освящал своих соплеменников святой водой по кругу, после чего пускался на колени перед святилищем и, взяв руки кверху, читал молитвенное обращение о милости и благоверности. Причём, все люди повторяли также на коленях это клятвенное обещание. В завершение торжественной части каждый подходил и обнимал столб с поклоном. После чего, все усаживались вокруг очага и лакомились вкусной пищей. Во время такой обедни звучали песнопения, проводились разные игры и танцы. А также старейшина всем дарил памятные амулеты со словами благодарности.

А вот как, примерно, выглядела картина брачного обряда. После того, как все собрались вокруг очага, старейшина своим знаком попросил, чтобы подвели брачующихся. Родители или близкие приводили жениха и невесту по отдельности к старейшине под общее ликование соплеменников. Сначала старейшина каждую сторону клятвенно подтвердит окончательное решение о добровольном согласии соединиться в единый семейный союз, после чего уже благословлял чету напутственными словами: «Да пусть устами Моими да Вашими Родителями во истину Рода Нашего, да с благословения Богов наших – Бога Солнца, Бога Земли, Бога Воды и Бога Огня соединяю Вас к Семейству Рода Нашего воедино на благо Общее. Да пусть Союз Ваш будет семьёй однородной, благочестивой, славной да без смуты и черноты Слава воистину! Да воистину свяую благослов-

ляю Вас, да на здравие и во имя будущего потомства, да на благо земли Удорской, да во имя веры священной, да во имя Рода! Слава! Слава! Слава!..»

Вместе со старейшиной все подымали руки к небу, а новобрачные опускались на колени, склонив головы перед священным родовым столбом.

Затем под общее ликование и возгласы со словами «Слава!» старейшина резал лоскутки волос у новобрачных, трижды вместе обходили вокруг столба и только, после этого чету усаживали рядом с родителями около огненного очага. Начинались хоровые пения под звучание свистуллек и бубен. Подносились чаши с напитками из трав и подношения с дарами молодым от земляков.

В небо летели салютные огненные стрелы в сторону реки, пущенные охотниками. И опять под крики «Слава!» начинались хороводы с пением и разные игровые зрелища. Таким образом, начиналась вечерня, то есть праздничная трапеза и гуляния, а потом заканчивалась перед заходом солнца. Кстати, подобные брачные обряды проводились только один раз в году, в августе месяце и именно в день полнолуния. (См. Рисунок 8 и 9).

Рисунок №9

Рисунок №8

Невеста

Жених

Причём, соблюдение строгого регламента и упорядоченности проведения обряда недвусмысленно подчёркивало не просто общую дисциплину в племени, но и смысловую форму традиций. Скажем, обряды в честь удачной артельной охоты или рыбного промысла были более упрощённые от торжественных процедур, и тогда людям предоставлялась практически полная свобода радоваться и веселиться «кто во что горазд».

Люди накидывали на себя разного рода шкуры диких животных и изображали их поведение. Подобные игры вызывали радость и смех, но главное, такие забавы никак не противоречили законам природы, а наоборот, вызывали восхищение к диким обитателям. К примеру, артист в лисьей шкуре заманивает другого, в волчьей шкуре, к яме и говорит, что там вкусная еда, и «волк» будто спотыкается, падает в яму и просит о помощи. «Лиса» взамен предлагает спеть песню во славу себя и только после этого опускает спасительный шест, чтобы выбраться из ловушки. И подобных шуточных мини-спектаклей было множество.

Такая форма раскрепощённости позволяла всем от души расслабляться и ещё лучше познать глубинные тайны друг о друге, в хорошем смысле слова. Ведь сам старейшина был всегда заинтересован в искренности своих соплеменников в оценке своей персоны.

Нередко между соседними племенами, хотя это соседство иной раз представляло расстояние до 70 километров, проводились дружеские встречи, во время которых решались деловые вопросы и о взаимной помощи, и обмене товарной продукцией, а из самых деликатных – это родственное смешение брачных уз между представителями. В подобных случаях, конечно же, соблюдался принцип добровольного согласия и доверия друг другу. Тогда с одной стороны предлагали свой вариант, а с другой – на приемлемых условиях соглашались либо отказывались. К примеру, в одном племени избыток представительниц женского пола по возрасту для замужества, а в другом наоборот – нехватка. Вопрос очень непростой! Но чаще всего обе стороны находили компромисс и справляли общий праздник бракосочетания на условиях выкупа, что вполне устраивало обе стороны.

Подобные случаи не возбранялись с точки зрения нравственных устоев, а впоследствии сохранились на долгие времена. Неслучайно смешение родственных связей между родовыми условиями позволило сохранить некую преемственность до наших дней, ибо родовые корни таким образом обретали своё ветвистое «древо».

Наряду со знаковыми обрядами следует упомянуть малозаметные, в числе которых есть «тайные». Один из таких относится к семейным. Не секрет, что в каждой семье имелись свои тайны, которые не подлежали публичной огласке. Самым распространённым и почитаемым являлись проводы мужа или сына на долгий охотничий промысел в осеннюю пору. Перед расставанием все члены семьи собирались за одним столом, но прежде обряд очищения совершали в бане, затем

очищение души от злых духов вокруг костра около жилища, где кормильца-добытчика, стоящего обнажённым по пояс, освящали целебной травяной водой старшие родители либо жена, читая молитвенные слова. Далее кормилец, одетый в новое бельё, усаживался за стол как глава семейства, всех приглашал отведать трапезу. Семейное веселье продолжалось до тех пор, пока глава семейства не уходил в свои покои. В целом, история удорских обрядов имеет долгое продолжение, включая и освещение водой святых икон и образов на реке Вашке.

Часть IX.

Водные средства передвижения

Бесспорно, что среди всех других природных материалов в хозяйственной деятельности человека самое широкое применение имела древесина с составляющими компонентами (кора, смола, хвоя, листва, грибные наросты). Ввиду дефицита железа предметы утвари и снаряжений (промысловых), посуда (чашки, черпаки, ложки) и орудия труда, за исключением топоров, ножей, буров, наконечников копий, стрел, долота, рубанков, острог и крючков, практически изготавливались из дерева. Хотя применялись и кремневые скребки, и мелкие инструменты да предметы быта из кости.

Известно, что никаких дорог не было и, конечно же, главным объектом из числа средств передвижения по водным артериям оставалась лодка. В основном до начала XVII века изготавливали два типа лодок: «берестянка» – шитые из бересты и «долблѣнка». Позже появились уже дощатые, то есть «дощаники» каркасной конструкции.

«Берестянку» использовали обычно на озёрах и притоках. Как правило, из очищенных пластов бересты, которые сначала сшивали лосиновыми жилами, а затем накладывали на готовый каркас, обтягивали, крепили изнутри шпангоутами («мегыр»), придавая слегка заострённую форму с обоих концов, и пропитывали смолой. Длина лодок не превышала 4-х метров и предназначена была на двух человек либо на одного с небольшим грузом. Следует упомянуть, что и чужь использовала также лодки «берестянки» не только на Мезени, но и на Вычегде.

Однако более практичными оставались «долблѣнки». Несмотря на то, что процесс изготовления такого типа лодок был трудоёмким, мастера-лодочники ежегодно занимались своим ремеслом, ибо каждый сезон по разным причинам средства передвижения приходили в негодность (наезды на топляки или камни на порожистых участках реки или во время ледохода лодки подвергались серьёзным повреждениям).

Итак, техника изготовления составляла следующее. В зимний период, выбрав подходящее осиновое дерево как можно большего диаметра, его срубали и прямо на месте приступали к черновой обработке заготовки для лодки. Отрезок ствола длиной 3,0 – 3,5 м обтѣсывали с концов, намечая контуры будущих носа и кормы лодки. Потом топором грубо выдалбливали бревно, облегчая его, чтобы проще было доставить до поселения. Непосредственно сам процесс изготовления начинали с придания окончательной формы носу и корме. С помощью самодельного рубанка поверхность гладко выстругивалась. Затем из ольхи или сосны делали «оржи тув» – круглые деревянные клинышки длиной около 3 см. буровом («напарья») во внешней поверхности заготовки на расстоянии около 30 см друг о друга в продольном направлении и 5 см в поперечном, просверли-

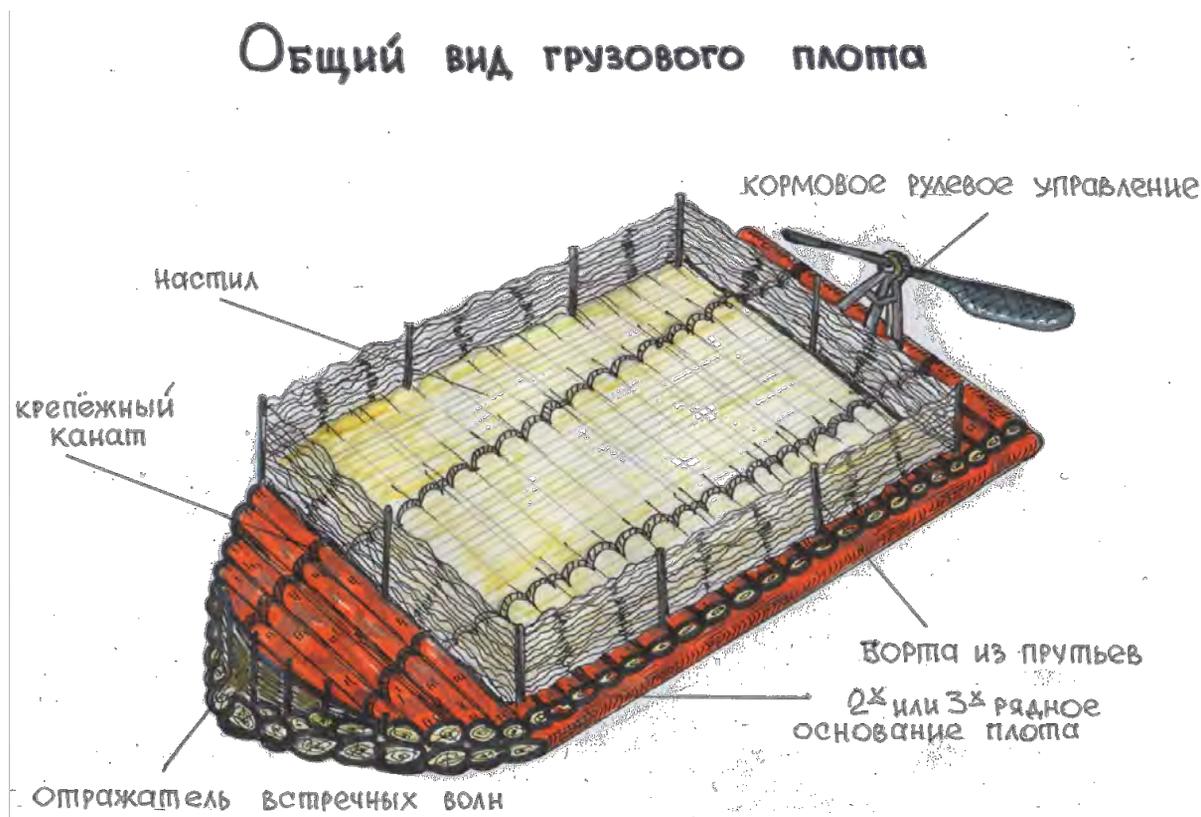
вали отверстия («оржи рузь») глубиной до 3 см и диаметром около 5 мм. В просверлённые отверстия забивали «оржи тув», которые предварительно хорошо высушивали, чтобы они, намокнув в воде, разбухали и не пропускали в отверстия влагу. Древесину изнутри осторожно выскребывали с помощью долота до появления колышков, которые можно было легко заметить, так как они отличались по цвету. Для крепления шпангоутов («мегыр») на дне и по бокам с внутренней стороны оставляли выступы длиной 20-25 см, толщиной 1,5-2 см и высотой 5-8 см с просверлёнными в них отверстиями. «Открывали» лодку в тёплую, безветренную погоду. Предварительно лодку прогревали у костра. Чтобы она не высыхала и не загорелась, её обмахивали снаружи мокрым веником. Лодку ставили на бок внешней стороной к огню. Внутри лодки наливали 8-10 литров горячей воды (но не кипятка), и если она остывала, то для подогрева бросали несколько раскалённых на костре камней. Чтобы вода смачивала всю внутреннюю поверхность лодки, её постоянно покачивали. Когда хорошо прогретая долблёнка начинала раскрываться, в неё вставляли упругие распорки из еловых ветвей. В течение дня лодка раскрывалась полностью. Чтобы удержать форму, приданную оболочке, на оставленных внутри выступах устанавливали шпангоуты и с помощью берестяных полос, продетых в отверстия выступов, закрепляли их. Уже к готовой долблёнке прибавляли деревянными втулками (вместо железных гвоздей) с каждой стороны по одной узкой набое из еловых тёсаных досок.

Благодаря малой осадке и небольшому весу такого типа долблёнки были незаменимы при плавании на малых реках, да и их легко было перетащить в непроточные озёра и старицы. Причём, при перевозке грузов можно было две лодки скрепить бортами для устойчивости и таким образом решить проблему.

Но, пожалуй, следует упомянуть ещё один способ передвижения по реке (вниз по течению) из разряда экзотических. За основу строили плот с заострённой формой носовой (передней) части с устройством бортов по периметру (по краям). Борта высотой до 1 метра представляли из себя так называемую «плетёнку» из ивовых прутьев, закреплённых к стойкам. Подобная конструкция позволяла перевозить грузы и домашний скот. Размеры плота по ширине и длине определялись в зависимости от необходимости. Управляли не менее двух человек с шестью и рулевым управлением. Материалом для сооружения подобного средства служила сухостойная сосна. Двухрядная или трёхрядная укладка брёвен, прочно связанные в поперечнике в нескольких местах, позволяла устойчиво преодолевать разные препятствия в силу манёвренности. (См. *общий вид грузового плота*). На корме устанавливалось рулевое устройство. При необходимости использовали лодку сопровождения, чаще при длительном сплаве. А вот во время перехода на новое, уже заранее выбранное местообитание, сплав проводился поэтапно. Предварительно на лодках спускались мужчины, которые какое-то время обустроивали места жилищ и хозяйственных построек, в том числе

строили общий загон для скота с пристройкой навеса, разделённого на сектора. Второй этап заключался в том, чтобы благополучно перевезти женщин с детьми и необходимую бытовую утварь. И, наконец, в последнюю очередь на плотках сплавливали имущество и домашний скот. Сам процесс был довольно сложным и не безопасным. Поэтому, всегда выжидали тихую погоду, а переход осуществляли в июне месяце. Обычно в течение месяца завершали все основные строительные работы и вновь налаживали прежний уклад жизни.

В отличие от «верхнемезенских» «поморы» и «печорцы» ещё делали грузовые лодки больших размеров, так называемые «карбасы». И нередко мезенские, населяющие нижнюю часть территории, перевозили разные грузы вверх по реке Мезень и даже добирались по Вашке до Важгорта. Такие торгово-обменные отношения позволяли решать многие хозяйственные вопросы. Причём, это было выгодно купцам. Конструкция «карбасов» с объёмистыми размерами выдерживала грузы весом до 50 пудов (1 пуд равен 16 кг), особенно при перевозке зерна, соли и самотканой продукции. Даже бывали случаи, когда один из «карбасов» меняли на две или три облегчённые типы лодок.

Часть X.

Гончарное производство

Важнейшей отраслью в хозяйственной деятельности племён являлось гончарное производство. Изготовление необходимых глиняных изделий имело довольно сложную специфику по технологии. И, прежде всего, нужно было выполнить первичные условия, а именно:

- ✓ выбор основного природного материала, то есть правильно определить тип глины по составу и содержанию необходимых почвенных компонентов;
- ✓ качественный замес в нужной концентрации с водой без содержания солей;
- ✓ хранение готового материала при определённой температуре с учётом срока по времени.

После этого на станке – «вертушке» вручную изготавливается нужной формы изделие. Участвуют два человека – сам мастер-изготовитель и помощник, который с помощью рычага с приводом вращает диск на станине.

Далее процесс обжига изделия происходит в каменной печи под контролем мастера, который поддерживал нужную температуру. Впоследствии на готовую продукцию обычно красителями наносили орнаменты или рисунки (*См. Раскраска и роспись глиняных изделий*).

Красящие вещества обычно изготавливали из коры деревьев (лиственница, черёмуха, осина и т.д.), измельчённую кору отваривали на огне с добавлением небольшого количества воды, древесной сажи и топлёного животного жира.

Подобному ремеслу по гончарному делу производству обязательно обучались два-три человека, как, впрочем, и рисованию. Остаётся лишь добавить, что подходящую глину люди доставали из береговых пластов, а именно: голубую, жёлто-бурую и тёмно-коричневую. Такие типы глин в обиходе называли «жирными». Недаром в народе и поныне говорят: «Если глину раскатал до «верёвочки», значит, она пригодна хоть куда».

Помимо всякой разной посуды и игрушек, мастера ещё умудрялись изготавливать даже свирели и статуэтки. Причём, гончары не привлекались на другие виды работ и занятий, кроме как при строительстве и кладке печей. Они пользовались своего рода привилегиями, и такое отношение соплеменников вполне оправдывалось. И в действительности гончарные изделия Удорских коми мастеров всегда высоко ценились не только среди своих земляков, но и среди иных этнических сообществ и групп.

Неслучайно долгое время ходила добрая молва не только по Мезени и Вашке, но и по Выми о мастере Саве, который всех удивлял своими скульптурными творениями из глины. А главное, десятки скульптур радовали глаз, которых он устанавливал на высоких берегах рек. Мудрый ста-

рейшина племени Оник поощрял своего сородича и всегда просил на каждом изделии оставлять оттиск родового знака.

Вот ещё почему имя Савы стало известным на многие, многие годы. Ясно, что другие семейства принимали понравившиеся скульптуры как дар и понятно, что количество скульптурных произведений постоянно сокращалось. К примеру, на берегах реки Мезень таких «выставочных» мест насчитывалось больше десятка, а, впоследствии, на реке Вашка лишь в трёх местах красовались дивные скульптуры. Кстати, следы славного мастера, где-то там теряются. Последнее пристанище по Мезени племя Оника обрело в районе нынешнего села Большая Пысса.

Сегодня по старинным рисункам можно примерно воссоздать всего два вида небольших скульптур. (См. *Скульптуры мастера Савы*).

РАСКРАСКА И РОСПИСЬ ГЛИНЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Скульптуры мастера Савы (реконструкция)

Матушка-кормилица (текст песни)

1. Удора раскинулась, зелено кругом,
Вся листва окрасилась, солнце над бугром.
Коростель красуется, пёрышки пестрят,
Речка улыбается, капельки блестят.

Припев: Матушка-кормилица,
Родина моя.
Матушка-красавица,
Чудная земля.
Милая кудесница,
Сохраню любя.
Верная заступница,
Сберегу тебя.

2. Северными зорями светится она,
Над её просторами звонница слышна.
Песня глухарина залила тайгу.
Пара лебединая обрела судьбу.

Припев:

3. Золотыми блёстками полнится земля,
Яркими полосками зацвели поля.
Удорская красота собрала букет,
А людская доброта подбирала цвет.

Припев:

Эпилог

Очевидно, что древняя история Удоры мало исследована и мало изучена. А сколько ещё тайн неразгаданных? Но тот факт, что именно племена древних людей, заселявших бассейны северных рек, сумели найти историческую общность между собой и заложить фундамент для образования народности коми. И ключевую роль в их объединении, в частности, на территории Удорской земли, помимо природных богатств, сыграли устойчивые формы жизнеобитания, культура и общие традиции. Поэтому сложившиеся в древности родовые устои веками удерживали и продолжают удерживать постоянство по месту жительства местных коми жителей. Достаточно сравнить количественные показатели поселений, а именно, если в XVII веке всего насчитывалось около 27 постоянных мест, то в XIX веке – более 40, включая малые деревни, и уровень нарастания всё более нарастал.

Хотя сегодня с сожалением надо признать и демографические изменения, и смешение разных национальностей, и постепенное «выхолащивание исконных традиций», и утеря отдельных этнографических ценностей, и снижение численности комиязычного населения...

Увы, времена меняются!

А всё-таки, надо всем нам помнить, **без прошлого нет будущего!**

ГЕРБ УДОРСКОГО КРАЯ

Оглавление

От автора	3
Введение	4
Часть I. Быль о древней Удоре	9
Часть II. О чуде	36
Часть III. Археологические памятники древности на территории Удорского района Республики Коми (по состоянию на 2001 г.)	65
Часть IV. Христианство и письменность. Истоки	103
Часть V. Основы выживания	115
Часть VI. Архитектура	119
Часть VII. Исторические легенды	135
Часть VIII. Обряды	144
Часть IX. Водные средства передвижения	148
Часть X. Гончарное производство	151
«Матушка-кормилица» (текст песни)	155
Эпилог	156

Научно-краеведческое издание

Алексей Иванович Вурдов

Древняя Удора

Корректор – О.М. Кокорина
*В оформлении обложки использован
рисунок автора*

Подписано в печать 20.01.2021 г. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 16,80. Тираж 700 экз. Заказ № 20-9060.

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография».
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.
Тел. 8212 28-46-71. E-mail: knigikomi@komitip.ru

